

Сентябрь.

1908.

При наст. кн. разсылается въмъ годовыми городскимъ и иногор. подписчикамъ безплатн. премія на
1908 г. НАКАНУНЪ СЛУЖБЫ НАРОДУ. А. Н. Догановичъ.

Главн. Управл. Военно-Учебн. Заведеній „Дневникъ Писателя“
допущенъ въ ротные библиотеки военныхъ училищъ (Отношение
отъ 13 авг. 1908, за № 18017.)

СОДЕРЖАНИЕ.

Стран.

I.—НОКТЮРНЪ.—Стихотвореніе.— А. В. Круглова	3.
Иллюстр: Цвѣты—Ночная красавица.—У берега.	
II.—СОФРОНЪ КОЛУНОВЪ.—Разсказъ.—Окончаніе.— А. Н. Догановичъ	4.
Иллюстр: На пашни.	
III.—ОСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.—Стихотвореніе.— Н. А. Иваницкаго	10.
IV.—ВО МРАКЪ.—Изъ жизни слѣпыхъ.—Окончаніе.— В. Г. Рязанцева	11.
Иллюстр: Цвѣты.—Слѣпецъ и поводырь.	
V.—„ДЕНЬ ОТГОРѢЛЬ. БЫЛЫХЪ ОЧАРОВАНІЙ...“—Стих.— А. В. Круглова	18.
Иллюстр: Виньетка—Миръ и искусство.—Торжество.	
VI.—БИБЛЕЙСКАЯ ЖЕНЩИНЫ.—IV. Анна, мать пророка Самуила.— А. Н. Никитиной	20.
Иллюстр: Узоры—виньетка.—Анна приводить сына во храмъ.	
VII.—ПО ДЕСНѢ.—Отъ Киева до Чернигова.—Путевые замѣтки.— П. А. Россіева	24.
Иллюстр: Соборы въ Черниговѣ.—Мазепинъ домъ.—Черниговскій Троицкій монастырь.	
VIII.—ЧЕТРОНУТЫЕ.—Пейзажъ и жанръ.— Н. А. Никитскаго	42.
IX.—„МНѢ КАЖЕТСЯ, ЧТО НЕБЕСА“.—Стих. К. П. М-скаго	43.
Иллюстр: Лира.	
X.—ЧУЖИМЪ СВѢТОМЪ.—Очерки.—I.—Прелюдія.— А. В. Круглова	44.
Виньетка—книжная полка.	
XI.—„УЖЪ НИВА СРѢЗАНА СЕРПОМЪ..“.—Стих. Д. П. Варлыгина	49.
Иллюстр: Портретъ автора.	
XII.—ПЕРЕЖИТОЕ.—Житейскія и литературныя воспоминанія.—XI—XII.— А. В. Круглова	50.
Иллюстр: Человѣкъ съ тетрадкой.—Портреты А. Н. Николаева и А. В. Круглова (18 лѣтъ).	
XIII.—РОКОВОЕ СЛОВО.—Разсказъ.— Глуповскаго Обывателя	56.
Иллюстр: Человѣкъ точить перо.	
XIV.—БЕСЪДА.—I.—Слова и дѣла.—Юбилей.— А. В. Круглова	64.
Иллюстр: Любанское училище.—Портретъ М. Ю. Федоровой.— Школьники.	
XV.—ВЕЛИКІЙ ХУДОЖНИКЪ СЛОВА.— Н. А. Анимова	71.
Иллюстр: Портретъ И. С. Тургенева.—	
XVI.—ТУРГЕНЕВСКІЯ СТРАНИЧКИ.	79
XVII.—ПОЧТА „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“	96.

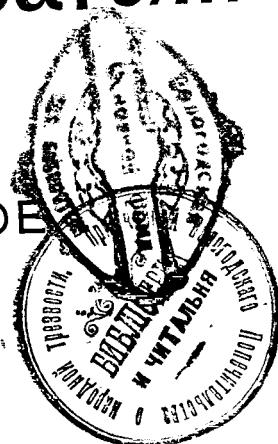
Приложенія: Сентябрьскіе „ДНЕВНИЧКИ“; „Запросы Духа“; „Семья
и Школа“; „Родная Страна“; „Военные Отголоски“. (№№ 9.)

1908. Годъ второй. Сентябрь.

Дневникъ Писателя.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

общедоступное изданіе
А. В. КРУГЛОВА.

Первый изъ народовъ тотъ, у кого лучшія
школы. Если онъ не первый сегодня, то будетъ
имъ завтра.

Жюль Симонъ.

Безъ родины мы—ничто. Безъ ея органиче-
скихъ, расовыхъ духовныхъ стремлений—каждый
изъ насъ только зародышъ, жалкий недоносокъ,
обреченный на вырождение.

Боборыкинъ.

Невѣріе—это тонкій слой льда, по которому
одинъ человѣкъ еще можетъ пройти, но цѣлый
народъ провалится въ бездну.

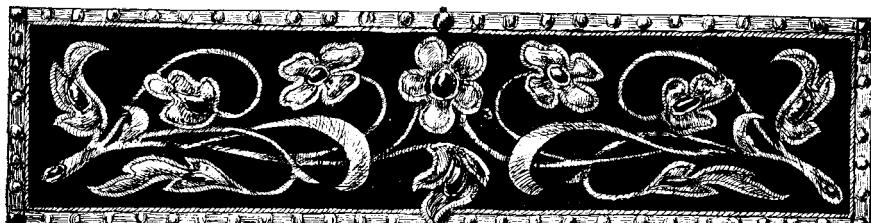
Штеклеръ.

Редакція „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“—Москва, Тверская, д. гр. Олсуфьевой.

Въ „ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“ кромѣ **А. В. Круглова**, принимали, принимаютъ и будутъ принимать участіе слѣд. ученыe и писатели: **П. А. Аксаковъ, Л. Д. Александровъ, Л. Н. Афанасьевъ, М. Н. Б., И. Н. Бабанинъ, Н. Н. Бариновъ (Энбэ), А. Ф. Басовъ, С. М. Битюковъ, М. С. Бѣлкинъ, П. И. Бѣляевъ, Д. П. Варлыгинъ, С. В. Витимскій, И. И. Вологодскій, И. Н. Глухаревъ, К. П. Говоровъ, Л. Д. Гончаревскій, А. Н. Догановичъ, прив.-доцентъ моск. универс. докторъ С. М. Добровохотовъ, полк. генер. штаба **М. А. Дорманъ**, проф. прот. **Н. А. Елеонскій**, **А. В. Жиркевичъ**, **В. Я. Ивановъ-Енотаевскій**, **А. Г. Кирмалова**, **Е. Н. Клетнова**, **А. А. Коринфскій**, **М. А. Козыревъ**, прис. пов. **Н. Д. Кузнецовъ**, **Р. П. Кутомовъ**, **И. А. Купчинскій**, **В. П. Лебедевъ**, **Е. Н. Ловециная**, свящ. **М. И. Менстровъ**, заслуженный профессоръ **П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій**, **Н. А. Мучникъ**, **В. К. Мюръ**, **А. Н. Никитина**, **Н. Н. Оглоблинъ**, **Е. Н. Опочининъ**, **Х. И. Пахолковъ**, **Е. А. Полушкина**, **И. В. Поповъ-Пермскій**, **Я. Я. Полферовъ**, **Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ**, **П. И. Радинъ**, **П. А. Россіевъ**, **В. Г. Рязанцевъ**, **И. В. Рошинъ**, **И. А. Савченко**, **Е. И. Свѣтова**, **К. И. Смирновъ**, **Н. П. Столпянскій**, проф. моск. универс. **И. Т Тарасовъ**, профессоръ **А. А. Тихомировъ**, **Н. П. Третъяковъ**, **С. Т. Тураганъ**, **А. А. Федоровъ-Давыдовъ**, **С. Н. Хазовъ**, **Ф. И. Черновъ**, **А. А. Чуманъ**, **В. М. Чеботаревъ**, **Н. Шубинскій**, **И. П. Ювачевъ** и др. Художники: **С. В. Беклемишевъ**, **И. Е. Полушкинъ**, **А. И. Рукина-Кошугъ**, **А. И. Роколовъ**, **П. Ф. Яковлевъ** и др.**

Тарифъ объявленій въ „Дневникъ Писателя“: на обложкѣ (внутр. 3-я стр.) 50 р. стр.—25 р. $\frac{1}{2}$ стр.—13 р. $\frac{1}{4}$ стр. На листахъ передъ текстомъ: стр.—30 р., $\frac{1}{2}$ стр.—15 р., $\frac{1}{4}$ стр.—8 р. Послѣ текста: стр.—20 р., $\frac{1}{2}$ стр.—10 р., $\frac{1}{4}$ стр.—5 р. За объявление о книгахъ самимъ авторамъ-издателямъ 40% уступки.

Полный комплектъ „Дневника Писателя“ за 1907 г. (12 №№ и премія „СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ“) продается въ конторѣ редакціи за 2 р. 50 коп., безъ преміи 2 р. За перес. въ Евр. Россію добавл. 50 коп. т.-е 3 р. Для Сибири пер. по разстоянію.

А.В.

Ноктюрнъ.

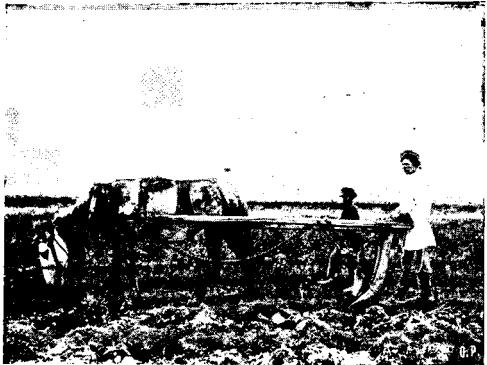
очная тиши...
Спять камыши, цвѣты и море...
И только ты, лихое горе,
Еще не спиши!

Въ тиши ночной
Вдругъ слышу я и смѣхъ, и шопотъ...
А у меня на сердцѣ ропотъ—
Какъ волнъ прибой!

Растутъ мечты...
А камыши, цвѣты и море
Спокойно спятъ. О горе, горе,
Усни и ты!

А. Кругловъ.

Софронъ Колуновъ.

РАЗСКАЗЪ.

(Окончаніе *).

VII.

рошка не явился и на утро.

Къ полудню беспокойство домашнихъ достигло высшаго предѣла.

Вернулся Семенъ. Ему сообщили объ исчезновеніи брата. Лицо большака приняло озабоченное выраженіе и брови сдвинулись. Но въ успокоеніе женщинъ онъ произнесъ:

— Не иголка... Отышется!

Между тѣмъ самого его сильно занимала мысль о поведеніи брата. Распрягая лошадь, онъ все время думалъ о Трошкѣ, который неожиданно и появился передъ нимъ.

— Ты что это выдумалъ...—началь было Семенъ и вдругъ смолкъ въ изумленіи.

Передъ нимъ былъ уже не покорный подростокъ, безотвѣтно исполнявшій всякое дѣло, а озлобленный человѣкъ, который ввалился во дворъ, какъ медвѣдь, неуклюжей, мѣшковатой походкой, словно готовый подняться на дыбы. Сдвинувъ на затылокъ шапку, онъ вызывающе остановился противъ брата, пронизывая его горящимъ взоромъ.

Въ умѣ Семена мелькнула догадка, что братъ пьянъ, и онъ замѣтилъ отеческимъ тономъ съ легкою укоризною:

— Отъ роду этого съ тобой еще не бывало!—Онъ вздохнулъ и неодобрительно покачалъ головой.—Кто это тебя сманилъ?

*) См. „Ди. Писат.“, 1908, №№ 7—8. Стр. 12.

Братья очень походили другъ на друга, только въ лицѣ Семена выражалось больше ума.

Трофимъ, не привыкшій къ объясненіямъ и не краснорѣчивый отъ природы, не могъ сразу собрать свои мысли. Онъ шелъ сюда съ рѣшимостью выскажать брату все, что накипѣло у него на душѣ, но теперь у него все перепуталось въ головѣ. Пропустивъ безъ вниманія замѣчаніе Семена, онъ началъ безсвязно излагать свои требованія, сопровождая слова энергичными жестами.

— Я не слуга вамъ больше!..—рѣзко кидалъ онъ.—Мнѣ—мое подай!.. Обратили меня въ дарового батрака! Ай, да братцы!.. И денежки мои ограбили... Я—холостой, а вы всѣ женатые... Разбойники!

Семенъ едва улавливалъ смыслъ въ безсвязной рѣчи брата, но тѣмъ не менѣе лицо его хмурилось все болѣе и болѣе.

— Иди, проспись!—строго приказалъ онъ брату.

— Я-то просплюсь.. обѣ этомъ не стоитъ говорить... А вотъ ты-то верни мнѣ награбленное. Подай моего Гнѣдка!—съ азартомъ продолжалъ парень, хватая лошадь подъ уздцы.

— Никто его не сѣѣлъ!.. Тьфу, срамъ какой!

— Не моги больше єздить на моемъ Гнѣдкѣ!

— Сдуруѣль ты, что ли!—прикрикнулъ на брата Семенъ, терпѣніе котораго истощалось.

Заслышиавъ на дворѣ шумъ, изъ избы выбѣжали женщины и окружили братьевъ.

— Что это съ нашимъ Трошкой-то подѣжалось!—воскликнула Фекла.

— Выдѣлите меня!—крикнулъ парень.—И знать я васъ больше не хочу!

Голосъ его звучалъ силой озлобленія.

Софронъ издали наблюдали сцену и въ его сердцѣ шевелилось злорадное чувство. Ему почему-то казалось, что большакъ заважничалъ своимъ умѣньемъ управлять домомъ и хозяйствомъ.

„Дивья, пока не случалось разстройства,—думалъ старикъ.—А вотъ погляжу я, какъ ты тутъ-то управишься!“

Семенъ, подавливая бурю, поднимавшуюся въ душѣ, произнесъ строго и раздѣльно:

— Тебя нельзя выдѣлить, потому что ты еще не совершен-
нолѣтній и пойдешь въ солдаты... Такъ не мели же пустяковъ и иди спать!

Но волненіе Трошкі требовало выхода, и онъ несся впередъ, очертя голову.

— Подай мое!—вдругъ взвылъ онъ, потрясая кулаками.

Старшій братъ, въ свою очередь, грозно крикнулъ на него:

— Ну, щенокъ, говори, да не заговоривайся!

— Его подстроили!—высказала предположеніе Аксинья.

— Обошли дурака!—согласилась и Мареа.—Уходи отъ грѣха!

— Въ послѣдній разъ говорю: иди, проспись! Не то—пеняй

на себя!—пригрозилъ Семенъ.

Но парень и не думалъ униматься. Со свирѣпымъ видомъ онъ вдругъ взмахнулъ вверхъ кулаками.

Женщины, съ крикомъ и плачемъ, бросились разнимать мужчинъ.

— Сенюшка, брось ты его!—умоляла мужа Аксинья.

— Троша, сынокъ, опомнись!.. Господь съ тобой!—воскликнула Марѣа, устремляясь къ младшему сыну.

— Подбили.. Испортили парня!—говорили младшія невѣстки.

Братьевъ раздѣлили. Трошку потащили въ сарай и уложили на солому.

Семенъ, сердито плонувъ, направился въ избу.

— Виши, тоже, какого грабителя нашелъ, паршивецъ мозглый!—съ раздраженіемъ произнесъ онъ.

Въ сѣняхъ онъ встрѣтился съ отцомъ. Софронъ сколѣзнулъ по немъ тяжелымъ, недружелюбнымъ взглядомъ.

Въ умѣ Семена невольно мелькнуло подозрѣніе на отца, но онъ тотчасъ же прогналъ отъ себя эту мысль.

Трошка между тѣмъ не могъ уснуть. Нервы его достигли крайней степени раздраженія, въ вискахъ стучала кровь. Въ сердцѣ кипѣла злоба. Брать только вѣдь обругалъ его, не давъ никакихъ объясненій. Это приводило его въ бѣшенство.

— Изъ глотки вырву!—повторялъ онъ про себя одну и ту же фразу.

Вдругъ до него донесся со двора голосъ Семена, который вышелъ прибрать телѣгу.

Трофимъ поднялся съ соломы и тотчасъ появился въ дверяхъ сарада, держа руки за спину.

— Слыши, отдай!.. Не то—изъ глотки вырву!—крикнулъ онъ снова.

Его назойливость вывела брата изъ себя.

— Да отвяжись ты отъ меня, окаянный, чтобы тебѣ пусто было!

— Грабитель!

Семенъ выпрямился во весь ростъ. Лицо его налилось кровью. Раздался его громовой голосъ:

— Не будешь тебѣ ничего, паршивецъ!.. Погоди, еще въ волостномъ тебя выпороть.

Изъ избы снова выбѣжали женщины.

Едва Семенъ произнесъ свою фразу, какъ произошло нѣчто ужасное: Трошка, опьянѣвшій отъ хмѣля и бѣшенства, вдругъ ринулся на брата съ поднятымъ въ руку топоромъ.

Воздухъ огласился криками ужаса.

Въ первую минуту всѣ словно окаменѣли, и лишь одна старая мать бросилась на защиту своего сына, загородивъ собою Семена. Ударъ топора размозжилъ бы Марѣа голову. Но въ это время подскочила къ Трошку опомнившаяся Аксинья и толкнула его въ бокъ съ такою силой, что онъ отлетѣлъ къ сараю и свалился съ ногъ. Вырвавшійся изъ рукъ его топоръ упалъ далеко въ сторону.

Теперь все женщины закричали разомъ:

— Душегубъ!..

— На старшаго брата вѣдь руку-то поднялъ!—возмущалась Аксинья.

— Господи милостивый!.. Грѣхъ-то какой!.. Грѣхъ!..—всплеснувъ руками, горестно воскликнула Мареа.

Семенъ поклонился матери въ ноги и голосомъ, полнымъ чувства, просизнесъ:

— Спасибо тебѣ, родимая!

Аксинья съ воплями повисла на шеѣ мужа.

— Охъ, желанный мой! Не видать бы тебя больше малымъ дѣтушкамъ!

— Трошку испортили злые люди... Здѣсь не безъ наговора!—съ убѣжденiemъ замѣтила Фекла.

Мареа направилась къ распостертому на землѣ сыну.

Нервное напряженіе у Трошкі разрядилось дикой выходкой. Послѣ этого хмѣль разомъ бросился въ голову и затуманилъ ее. Парня, что называется, развезло. Упавъ, онъ сдѣлалъ еще тщетную попытку подняться. Но вскорѣ вѣки его отяжели, голова склонилась сама собою и онъ заснулъ..

Мать наклонилась надъ нимъ.

Отъ Трошкі разило водкой.

— Господи милостивый!—воскликнула Мареа и изъ глазъ ея полились слезы.

Софронъ со стороны наблюдалъ всю сцену. Онъ успѣлъ здоловъ насладиться мстительнымъ чувствомъ. Но когда скора приняла неожиданно угрожающій характеръ и Трошкъ бросился на брата съ топоромъ, стариkъ сильно испугался. Этого онъ никакъ не ожидалъ, не хотѣлъ вовсе и такой расправы не могъ даже допустить. Вмѣстѣ съ другими онъ думалъ броситься къ Трошкѣ и обезоружить его. Но ноги у него задрожали и подкосились. Онъ поблѣднѣлъ и весь затрясся, едва не упавъ. Дыханіе остановилось въ груди. Близкій къ потерѣ сознанія, стариkъ безпомощно прислонился къ забору и нѣсколько минутъ оставался безъ движенія. Только губы его беззвучно шевелились. Наконецъ, овладѣвъ собою, онъ сталъ осторожно пробираться по забору къ топору, брошенному Трошкой. При этомъ стариkъ смущенно озирался по сторонамъ.

Мареа замѣтила его.

Взгляды ихъ встрѣтились.

Старуха стремительно выпрямилась, какъ бы что вдругъ сообразивъ.

— Ты что же это крадешься, какъ воръ?.. Совѣсть, знать, не чиста?—накинулась она на мужа.—Это—твое дѣло!.. Ты науськаль малыца на Семена!

— Чего тамъ забрехала?.. Засохни!—огрызнулся Софронъ, останавливаясь въ нерѣшительной позѣ.

Обличеніе жены задѣло его.

Внутреннимъ чутьемъ Мареа проникла въ истину. Ея подозрѣнія тотчасъ же перешли въ увѣренность. Старуха задро-

жала отъ гнѣва и закричала:

— Ты старый сodomникъ!.. Твой проклятый языкъ съеть вездѣ смуту!.. Видно, черезъ тебя Семенъ безвинно и бабу-то вздуль?.. Ты озлобилъ сосьдей! Весь домъ перевернуль вверхъ дномъ!.. До могилы останешься содомникомъ! Сатану къ намъ на плачахъ привезъ!.. Не даромъ тебя Анфимъ скитаться-то послалъ!.. Отвались, язва, окаянная!.. Проваливай туда, откуда тебя присло! Чтобы и духомъ-то твоимъ содомнымъ здѣсь не пахло!

Старуха совсѣмъ задохлась отъ крика, голосъ ея пресѣкся. Къ ней бросились невѣстки.

— Будетъ тебѣ, маменька!.. Какъ бы не случилось чего, не ровень часъ!

Подошелъ и Семенъ. Онъ понялъ теперь значеніе тяжелаго мимолетнаго отцовскаго взгляда... Сынъ присоединилъ свой вѣсскій голосъ къ матери:

— Въ самомъ дѣлѣ, отецъ, оставь насъ.

— Мой домъ, сколько хочу, столько и живу въ немъ,—упрямо возразилъ стариkъ, въ которомъ снова проснулась злоба къ сыну, хотя въ то же время и сознаніе вины еще выражалось въ его съеженной и какъ бы окрысившейся фигурѣ.

— Ничего такого до тебя тутъ не было,—настойчиво продолжалъ сынъ.—А теперь самъ видишь, до чего дошло дѣло!

— Въ другой разъ Трошкѣ безпремѣнно убьетъ Семена!— заявила Аксинья, всхлипывая. Она вдругъ упала старику въ ноги и завопила:—Батюшка-свекоръ, ослобони насъ!

Чувствуя себя побѣжденнымъ, Софронъ вдругъ вспылилъ. Онъ швырнуль въ сторону топоръ и яростно крикнулъ:

— А прахъ васъ всѣхъ побери!

Онъ плунулъ въ ихъ сторону и скрылся въ избу.

На другой же день онъ покинулъ родное село, уйдя въ Вышгоры.

ЭПИЛОГЪ.

Черезъ недѣлю Софронъ возвращался изъ Кышинскаго монастыря съ намѣреніемъ снова водвориться у себя въ Варасово, гдѣ ему очень понравилось.

До него дошла уже вѣсть о полномъ примиреніи сыновей.

„Тогда-то все разстройство не иначе, какъ отъ вина, произошло“,—разсуждалъ стариkъ, бодро шагая по проселочной дорогѣ.—„И выходитъ всему виною Трошкѣ.. А я-то и не зналъ, что онъ пьетъ!..“

Софронъ былъ радъ оправдать себя, свалить вину на меньшака.

Солнце ярко свѣтило, поддерживая у путника хорошее настроеніе.

Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о первыхъ дняхъ своего возвращенія въ Варасово, о томъ, какъ всѣ домашніе были ему рады, какъ ухаживали за нимъ и угощали.

„Я вѣдь и не отдохнуль еще какъ слѣдуетъ“,—продолжалъ думать старикъ.—„И дернула же нелегкая глупому парню испортить мнѣ все дѣло!.. Ну, да ничего, авось теперь все обойдется!“

Картины у домашняго очага и сытнаго житья-бытъя продолжали проноситься въ его воображеніи, дразня и маня его съ неодолимою силой.

Онъ продолжалъ путь увѣренно и бодро.

Солнце перешло за полдень и Софронъ закусилъ по привычкѣ въ сухомятку, примостившись у придорожнаго кустика.

Утоливъ голодъ, онъ съ умиленiemъ подумалъ:

„Я и сыть.. Какъ не благодарить Создателя!. Много ли мнѣ нужно: кусочекъ повкуснѣе, уголочекъ потешлѣе, да спокой душевный, вотъ и все!.. Не то, что какъ другія, пенастыя утробы: все имъ подай, да и то мало... къ примѣру хоть бы взять нашего деревенскаго лавочника... А со мною жить—ничего не мудрено... Вотъ только врагъ-то силенъ, одолѣваеть онъ... Прискорбно ему мое трудничество!“

Софронъ вздохнулъ съ сокрушениемъ, всталъ и пошелъ дальше... Однако съ каждымъ шагомъ впередъ увѣренность все болѣе и болѣе покидала его.. Сомнѣніе росло въ немъ. Возникъ вопросъ: примутъ ли его домашніе?.. А какъ снова выгнать вонъ?.. Къ чему же и срамиться на потѣху сосѣдямъ?

И передъ старикомъ замелькали картины семейнаго несогласія и раздора послѣднихъ дней.. Грозные крики мужчинъ и вопли женщинъ еще звенѣли у него въ ушахъ... И тайный голосъ настойчиво укорялъ во всемъ Софрана... Постепенно имъ овладѣвало дурное настроеніе и онъ становился сумраченъ.. Припомнились ему слова одного странника, съ которыми ему довелось разговориться въ Вышгорахъ:—„Вотъ, Анфиму-то ты не довѣряешь, а своему разуму довѣряешь, хотя, можетъ-быть, и ошибаешься. А супротивничаешь ты потому, что у тебя настоящаго смиренія нѣть..“

Эти слова вызвали у Софрана особенную досаду.

„Виши ты, чѣмъ вздумалъ укорить: настоящаго смиренія нѣть!.. А у кого оно есть-то настоящее?.. Всякій по своимъ силамъ дѣлаетъ, что можетъ, вотъ и все тутъ!“

Но внутренній голосъ продолжалъ неумолимо обличать его, усиливая недовольство собою... Подъ вліяніемъ этого красота природы потускнѣла для старика. Ничто болѣе не привлекало его вниманія. Шаги его невольно замедлились. Старикъ смотрѣлъ подъ ноги безразличнымъ взглядомъ, а въ мозгу его тѣснились безотрадныя думы... А если, вмѣсто ожидаемаго покоя, онъ встрѣтить дома грозу?.. Если семья снова обвинитъ его во всемъ?.. Къ чему тогда и спѣшить?.. Что дастъ ему свой домъ?.. Одно утѣшеніе духа... Не лучше ли же мыкаться на просторѣ по всему миру?..

Софронъ дошелъ до перекрестка двухъ дорогъ и остановился въ нерѣшительности, куда направить свой путь?. Налѣво извивалась лѣсная дорога. Она вела къ Варасову. Стоило только нырнуть въ лѣсныя нѣдра, чтобы очутиться у домашняго

очага... Направо—вытянулся стрѣлой большой трактъ... Дорога змѣилась, убѣгая въ невѣдомую даль... Не мало уже Софронъ наглотался шоссейной пыли и поранилъ о камни ноги... Знакомый лѣсь и родная изба неудержимо манили къ себѣ... Но овладѣвшее старикомъ смущеніе словно сковало его члены...

Время проходило, а онъ не двигался съ мѣста. Только по лицу его пробѣгали тѣни, да лобъ страдальчески хмурился... Изъ груди вырывались глубокіе вздохи... Искушеніе было очень сильно... Но Колунову снова припомнились слова странника. Наконецъ, онъ выпрямился и тряхнулъ головою, словно отмахнулся отъ чего-то.. Большой борьбы стоило старику превозмочь себя.. Но во взглядѣ его блеснула рѣшимость.

Онъ круто повернуль вправо и зашагаль по направлению шоссе.. Черезъ нѣсколько минутъ старикъ достигъ шоссе и оно приняло его въ свои пыльныя объятия... Софронъ съ тоской посмотрѣль на бесконечную ленту дороги, которая приведеть его къ могилѣ... Сердце его съ болью сжалось въ груди...

Анна Догановичъ.

Осекхій вечеръ.

Надъ безплодною равниной
Мгла вечерняя лежить,
И сырой, холодный вѣтеръ
Желтой травкой шелестить.

На горѣ стоитъ осина,
Какъ безсмѣнныи часовой,
И слѣдить за сѣрой тучей,
За дорогой столбовой.

За листомъ листокъ слетаетъ,
И летящему во слѣдъ
Братъя лепетомъ немолчнымъ
Шлють послѣдній свой привѣтъ.

Тусклы, холодны, безстрастны,
Словны очи мертвѣца,
Надъ землей нависли тучи
Безъ просвѣта, безъ конца.

Н. Иваницкій.

Во мракѣ.

(Изъ жизни слѣпыхъ.)

(Окончаніе*).

VIII.

прошло двѣ недѣли, а Кузя все еще находился въ болѣдѣльнѣ. Воображаемые нечистые духи ни минуты не давали ему покоя. Онъ вѣль съ ними ожесточенную борьбу, лишившись пищи и сна. Въ его міровоззрѣніи на враговъ рода человѣческаго произошла рѣзкая перемѣна. Онъ рѣшилъ, что бѣсы были тѣ же люди, только съ рогами и жили въ болотахъ. Онъ уже не молился и не откращивался, какъ прежде, а награждалъ бѣсовъ все возможными эпитетами и бросалъ въ нихъ все, что попадалось ему подъ руки. Его крѣпко привязывали къ кровати и убирали отъ него все, что могло служить ему оружиемъ обороны. Но Кузѣ иногда удавалось перехитрить своихъ тирановъ, какъ онъ называлъ приставленныхъ къ нему стражниковъ. Онъ плаксиво умолялъ развязать ему руки, жалуясь на страшную боль, и обѣщалъ лежать смирино. Ему вѣрили и освобождали его отъ веревокъ. Кузя, дѣйствительно, лежалъ смирино, не произнося ни слова, и скоро засыпалъ. Но когда стражники, убѣдившись, что больной спитъ, уходили покурить, Кузя мгновенно вскачивалъ съ кровати и производилъ опустошеніе. Однажды ему удалось схватить небольшой столъ, стоявшій у кровати одного изъ призрѣваемыхъ, и бросить его въ окно. Разбитая въ дребезги рама и столъ съ грохотомъ упали на мостовую, не причинивъ, къ счастью, никому вреда. Но и такой случай не заставилъ начальство принять какія-либо мѣры. Оно только распорядилось поставить къ окнамъ той комнаты, гдѣ находился Кузя, желѣзныя рѣшетки. Измученные безсонницей и страхомъ, призрѣваемые не знали, что и дѣлать. Они заявляли въ контору о невозможности оставаться вмѣстѣ съ сумасшедшими и просили помѣстить Кузю, если не въ психиатрическую больницу, то по крайней мѣрѣ въ отдѣльную комнату. Но проосьбы ихъ оставались тщетными. Слѣпцы волновались, ссорились между собой. Всѣхъ больше доставалось Лукьянѣ, котораго они считали главнымъ виновникомъ своихъ несчастій.

*) См. „Дневн. Писат.“ 1908 г. №№ 7—8, стр. 29.

Какъ-то вечеромъ купецъ незамѣтно пробрался въ палату Лукьянна и, нашупавъ лежавшую на его столикѣ псалтирь, злобно зарычалъ:

— Вотъ она, черная-то магія!

И старинная псалтирь въ одно мгновеніе превратилась въ мелкие лоскутки.

Лукьянъ не выдержалъ и всѣпился въ купца. Въ результаѣ оба старика оказались исцарапанными въ кровь. При разборѣ дѣла купецъ утверждалъ, что онъ истребилъ черную магію, благодаря которой Кузя сошелъ съ ума. А самаго Лукьянна, по его мнѣнію, слѣдовало убить, какъ поганаго еретика. Потерпѣвшій плаксиво заявлялъ, что его псалтирь стоила семьдесятъ рублей, такъ какъ она была древней печати и чуть ли не Екатерининскаго времени. А за то, что его называли еретикомъ, онъ самъ хотѣлъ непремѣнно подать въ судъ. Надзиратель выслушалъ обѣ стороны и, сдерживая улыбку, посовѣтовалъ помириться.

Между тѣмъ Кузя по прежнему продолжалъ буйствовать, не умолкая ни днемъ, ни ночью. И Богъ знаетъ, сколько бы времени это продолжалось, если бы на выручку не подоспѣлъ неожиданный случай.

Какъ-то передъ вечеромъ въ помѣщеніе слѣпыхъ вошелъ директоръ подъ руку съ пожилой дамой. Они пришли въ палату Кузи и остановились у его кровати. Кузя на этотъ разъ былъ развязанъ и лежалъ спокойно. Директоръ показалъ на него глазами и тихо проговорилъ:

— Вотъ тотъ субъектъ, о которому я говорилъ... Его беспокоитъ нечистая сила, съ которой онъ постоянно сражается. Кроме того онъ называетъ себя „блаженнымъ мужемъ“ и не терпитъ „всюю шатающихся...“

Генералъ улыбнулся и не громко спросилъ:

— Кузьма, ты спиши?

Кузя открылъ единственный глазъ и, повертьвъ имъ во всѣ стороны, нехотя отвѣтилъ:

— Нѣть! Я смотрю, какъ кувыркаются окаянные... Вонъ они что раздѣлываются черезъ голову! Ухъ ты!..

Онъ приподнялся на подушкахъ и устремилъ вверхъ свой слѣпой глазъ, точно онъ въ самомъ дѣлѣ присматривался къ кувыркающимся бѣсамъ.

— А мой голосъ узнаешь?—спросилъ директоръ.

— Ты самъ Вельзевулъ!—угрюмо отвѣтилъ Кузя, продолжая смотрѣть въ одну точку.—Я тебя давно знаю... Ты научаешь бѣсовъ маслить кашу тухлымъ саломъ...

Генералъ поморщился и дѣланно улыбнулся.

Стоявшій у своего столика купецъ прищелкнулъ языкомъ и, усмѣхнувшись, тихо прошепталъ:

— Въ тахту сказано!

— А меня знаешь?—спросила дама, заинтересованная сумасшедшими.

Кузя немного подумалъ и, уткнувшись въ подушку лицомъ, сердито бросилъ:

— Ты—лѣшій болотный!

— Любопытный субъектъ!—улыбаясь, замѣтила дама.—Онъ, вѣроятно, всѣхъ награждаетъ подобными эпитетами.

— Слѣпые этимъ вообще отличаются,—сказалъ директоръ, брезгливо оттопыривъ нижнюю губу.—Потеря зрѣнія, какъ мнѣ кажется, угнетающе дѣйствуетъ на мозгъ, вслѣдствіе чего у слѣпыхъ замѣчается нѣкоторый психозъ. Это особенно ярко проглядываетъ въ ихъ неблагодарномъ отношеніи къ своему начальству. А мы, по правдѣ сказать, заботимся о нихъ, какъ о своихъ дѣтяхъ. Они требуютъ, чтобы пища состояла изъ свѣжихъ продуктовъ, но возможно ли это при нашихъ скромныхъ средствахъ? И, наконецъ, имѣть ли право требовать толькъ, чья обязанность довольствоваться тѣмъ, что ему даютъ? По ихъ мнѣнію слѣпые такъ же хотятъ жить, какъ и зрячіе. Ну, не психозъ ли это?

— Именно психозъ, только не у слѣпыхъ,—громко сказалъ Иванъ Ильичъ, придерживаясь рукой за свою кровать и дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

Директоръ покраснѣлъ и готовъ былъ наброситься на смѣльчака, какъ вдругъ въ это время раздалось дикое рычаніе Кузи:

— А, попался, анчутка!..

Сумасшедшій неслышно подкрался къ дамѣ, стоявшей къ нему спиной, и укусилъ ей ухо.

Дама вскрикнула и упала безъ чувствъ на полъ. Сочившаяся изъ уха кровь окрашивала бѣлую шею и кружева платья. Генераль на мгновенье растерялся и затѣмъ закричалъ на всю палату:

— Доктора сюда!. Скорѣй доктора!

Минуты черезъ двѣ явился врачъ. Находившуюся въ обморокѣ даму привели въ чувство и перевязали ей прокущенное ухо. Генераль виновато заглядывалъ въ лицо своей гостьи и готовъ былъ уничтожить сумасшедшаго Кузя, который спокойно лежалъ на кровати и, видимо, равнодушно относился къ происшедшему. Когда пострадавшая дама была отправлена домой въ ея каретѣ, въ палату влетѣлъ директоръ и набросился на служанокъ. Онъ кричалъ, топалъ ногами и грозилъ имъ острогомъ, утверждая, что благодаря ихъ оплошности безумный укусилъ графиню. Досталось и надзирателю, которому было приказано сю же минуту отправить сумасшедшаго въ психиатрическую больницу.

Такое распоряженіе начальства обрадовало измученныхъ безсонницей призрѣваемыхъ. Они собрались въ курильнѣ и весело курили трубки и папироски.

— Теперь, братцы, поспимъ!—съ какимъ-то особеннымъ удовольствиемъ говорилъ старикъ, затягиваясь махоркой.—Ужъ больно умаялись... Кажись, никогда и не проснешься...

— А все Богъ!—убѣжденно сказалъ Лукьянъ.—Онъ внушилъ Кузѣ совершить это укушеніе... Боль пустяшная, а страху

много. Ну, значитъ, черезъ этотъ самыи укусъ и произошло вразумленіе начальства...

— Это точно,—согласился третій.—Но ежели бы, примѣрно, Кузѣ удалось проглотить кого-нибудь изъ нашихъ слѣпыхъ, хотя бы вмѣстѣ съ казеннымъ халатомъ, и тогда его не отправили бы...

— Вѣстимо, нѣтъ!.. Мы что? Вся сила въ графинѣ. Не смѣй, моль, къ ней прикасаться! Не то маршъ въ сумасшедшій домъ! А намъ того и нужно... Молодецъ, Кузя!

— Если бы по этому случаю въ трактирѣ, да угоститься бы хорошенько!—весело сказалъ купецъ, чувствуя себя въ хорошемъ расположениіи духа.

Онъ вынуль изъ-за пазухи пачку дешевыхъ сигаръ и одѣлъ ими товарищей.

— Только вотъ дѣло-то ямань,—продолжалъ Салкинъ, прищелкнувъ языкомъ;—его, чай, сейчасъ увезутъ. А то бы приволокъ четвертную... Пей, Кузька! все равно орешь-то!..

Слѣпцы разсмѣялись. Всѣмъ было хорошо и весело. Мысль, что они теперь спокойно могутъ спать, сближала ихъ и располагала къ балагурству. Табачный дымъ заполнялъ уже всю комнату, но слѣпцы не замѣчали этого, продолжая курить съ какимъ-то ненасытнымъ ожесточенiemъ.

— Что тамъ ни гуторь, а наше дѣло въ шляпѣ,—сказалъ купецъ, поднимаясь съ мѣста, и, подумавъ немного, спросилъ:

— А что ребята, не таирахнуть ли намъ по чупырочкѣ?.. На те цѣлковягу!. Ужъ больно душа раззудилась!. „Эй, индюшка—ты Катюшка, пощевеливайся!“—запѣль онъ старческой фистулой, притопывая въ тактъ ногами.

— Ай да купчина!.. старинку вспомнилъ!..

— Что тамъ старинка, мы и теперь хоть куда!—хвастиливо заявилъ Салкинъ.—Я говорю, на те цѣлковягу, а то и весь троякъ!.. Не жаль!.. Тащите водки, а закуска найдется!

— Выпить не мѣшало бы, только, кажется, поздновато...

— Ну, завтра,—сказалъ купецъ и бодро пошелъ изъ курильни, громко стуча тяжелой палкой.

IX.

Было уже 10-ть часовъ вечера, когда начали снаряжать Кузю въ дорогу. Съ него сняли все казенное и одѣли въ собственную красную рубаху и войлочные сапоги, ссохшіеся отъ времени. Ему объявили, что за нимъ прислали съ неба карету, которая дожидается у воротъ. Онъ подпрыгивалъ и восторженно восклицалъ:

— Ёду въ домъ блаженыхъ мужей, а вскую шатающіеся остаются здѣсь на потѣху сатанѣ! А ты, голубчикъ,—обращался онъ къ надзирателю,—непремѣнно угодишь къ анчуткѣ, если будешь морить слѣпыхъ купоросными щами и гнилой кашичкой!

Онъ громко запѣвалъ какую-нибудь веселую пѣсню и пускался въ плясъ.

— Именно, блаженъ мужъ! — со вздохомъ подумалъ Габаевъ, размышая о Кузѣ.

Онъ вышелъ изъ своей палаты и осторожно приблизился къ кровати Максима, который днемъ сильно стоналъ.

— Дядя Максимъ! —тихо окликнулъ Габаевъ, осторожно дотрогиваясь рукой до больного.

Максимъ что-то невнятно прошепталъ и слабо пожалъ руку юношѣ. Прошло минуты двѣ, а больной не произносилъ ни слова, тяжело дыша впалой грудью. Но вдругъ онъ глубоко вздохнулъ и слегка потянулся, какъ бы расправляя члены.

— Господи! Онъ умираетъ! — промелькнуло въ умѣ у Габаева. И сердце его наполнилось жалостью и участіемъ къ этому одинокому старику.

— Эхъ, жизнь! — грустно думалъ Габаевъ, держа въ своей рукѣ холодную руку умирающаго. — Тамъ Кузя распѣвается, радуясь предстоящему путешествію въ рай, другіе ждутъ, не дождутся его исчезновенія и не замѣчаютъ, что рядомъ съ ними умираетъ ихъ товарищъ. Всѣ мы такъ умремъ одиноко, незамѣтно, и ни одна близкая душа не скажетъ послѣдняго прости...

Больной снова издалъ глубокій протяжный вздохъ и затихъ на вѣки.

Габаевъ высвободилъ свою руку изъ безжизненной руки Максима и набожно перекрестился.

— Ёду въ рай! Ёду въ рай! — громко выкрикивалъ Кузя, котораго, уже готоваго къ отѣзду, вели подъ руки. Поровнявшись съ кроватю умершаго, сумасшедшій неистово завизжалъ:

—Чикъ-чики, чекалочки,
Ёдеть баринъ на палочкѣ,
А свинья въ телѣжкѣ,
Щелкая орѣшки...

Разъ, два три—люли! — Онъ подпрыгивалъ на ходу, причемъ все столы и кровати гремѣли.

Черезъ минуту все смолкло и въ богадѣльнѣ водворилась тишина. Габаевъ все еще стоялъ у постели Максима, какъ прикованный. Онъ словно переживалъ на яву чудовищный кошмаръ.

— Какъ все нелѣпо, тяжело! — мучительно вертѣлось въ его мозгу. — Все вмѣстѣ: и покойникъ, еще не успѣвшій остыть, и пляска сумасшедшаго...

Ему стало жутко и онъ выбѣжалъ изъ палаты. Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ товарищѣй и на минуту остановился. Иванъ Ильичъ взялъ его за рукавъ халата и съ особеннымъ удовольствіемъ промолвилъ:

— Кузя въ рай, а мы въ сладкія обѣятія сна.

— Буду спать до новаго сумасшедшаго! — добавилъ Горбуновъ.

Габаевъ сообщилъ товарищамъ о смерти Максима и быстро юркнулъ въ дверь, выходившую на каменную лѣстницу. Очутившись въ саду, слѣпой сѣлъ на скамейку, но не прошло

и минуты, какъ онъ снова всталъ и заходилъ по дорожкамъ. Ему хотѣлось забыться, не думать, но мысли сами собой лѣзли въ голову. „Ѣду въ рай! Іду въ рай!“—громко раздавалось въ его ушахъ и въ то же время онъ ясно слышалъ глубокій вздохъ умиравшаго, смѣшанный съ дикими звуками сумасшедшаго: „Чикъ-чики чекалочки, Ѣдетъ баринъ на палочкъ...“

— Фу, какой сумбуръ!—раздражительно промолвилъ Габаевъ, стараясь отдѣлаться отъ непріятныхъ воспоминаній.

Онъ сѣлъ на скамью и прислушался. Въ саду было тихо. Только издали доносился несмолкавшій гулъ городской жизни. Это напомнило ему Шибуева и Снѣжкова.

— Гдѣ-то они теперь? Быть-можеть, бродятъ по бульвару, коротая ночь, или спать въ ночлежкѣ на голыхъ нарахъ. Вотъ уже двѣ недѣли о нихъ ни слуха, ни духа.. Что ихъ ждетъ? Слѣпые, безъ денегъ и безъ крова. Быть-можеть, и скрипка уже продана на хлѣбъ... А она между тѣмъ единственная надежда.. Да и вообще трудно прожить безъ глазъ...

Габаевъ сорвался съ лавочки и забѣгалъ по дорожкамъ, задѣвая руками кусты, покрытые росою.

„Я блаженъ мужъ“... „Чикъ-чики, чекалочки“... — снова раздавалось въ его ушахъ и въ то же время ему казалось, что онъ ощущаетъ въ своей руки холодную руку покойника.

— Бр.. не съ ума ли я схожу,—промелькнуло въ его мозгу. И холодный трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу. Ему вдругъ стало жутко. И онъ опрометью бросился изъ сада. Ударившись грудью обо что-то твердое, слѣпой остановился.

— А, часовня,—сказалъ онъ, ощупывая деревянную раму.— Въ нее уже, конечно, принесли Максима. Ему теперь хорошо... желудокъ не болитъ и лѣкарства не нужны.. А завтра положить въ желтый гробъ, пошлютъ за ломовыми и отправятъ во свояси..

Слѣпой вздохнулъ и медленно зашагалъ впередъ, полный грустныхъ воспоминаній и размышеній. Когда онъ вошелъ въ палату, его обдало тяжелымъ спертымъ воздухомъ. Во всѣхъ углахъ раздавался свистъ и храпъ крѣпко спавшихъ призрѣваемыхъ. Габаевъ прилегъ на свою кровать и съ завистью подумалъ:

— Виши, какъ спать, счастливцы! А я, вѣроятно, и сегодня не усну! Голова горитъ и мысли такія тяжелыя!..

Онъ соскочилъ съ кровати и пошелъ на лѣстницу. Тамъ было тихо и темно. Слѣпой безпомощно опустился на каменную ступеньку и болѣзnenno простональ:

— Зачѣмъ такая пытка? Я увѣренъ, что для меня нѣтъ жизни, и въ то же время мнѣ хочется жить...

Ему вспомнилось собственное четверостишие, сложившееся само собой:

И кипитъ и бурлить
Кровь въ груди молодой,
Такъ и просится вонъ,
Да нѣтъ выхода ей.

И тотчас же какой-то голос добавил: „разъ, два, три—люди... я блажень мужъ...“ А затмъ раздался тяжелый топотъ и каменная лѣстница задрожала. Габаевъ быстро поднялся на ноги и напряженно прислушался. Но кругомъ было тихо.

— Фу, какая чепуха творится въ головѣ, точно я въ бреду...

Этакъ, вѣдь, пожалуй, и впрямь угодилъ въ Кузинъ рай...

Слѣпой опять прошелъ въ свою избу и, не раздѣвась, легъ на кровать. Сопѣніе и храпъ сдавшихъ раздражали его слухъ. Онъ былъ въ крайне возбужденіи состояніи.

— Какія безобразныя мысли лѣзутъ въ голову,—прошепталъ Габаевъ, сбрасывая съ себя халатъ и туфли. Оставшись въ одномъ бѣльѣ, онъ усѣлся на кровать, поджавъ подъ себѣ ноги.

Голова безпомощно опустилась на грудь. Длинные черные волосы до половины закрыли лицо. Габаевъ какъ бы застылъ въ неподвижной позѣ, весь отдавшись гнетущимъ мыслямъ. Богодѣльническая жизнь, какъ огромная могила, наполненная живыми мертвцами, душила слѣпца и приводила въ ужасъ. Онъ изнемогалъ, теряя всякую надежду, и въ то же время гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ души, раздавался стонущій голосъ, полный муки и слезъ: „я жить хочу!“

Габаевъ схватился обѣими руками за грудь и въ отчаяніи прошепталъ:

— Я умру... мое сердце готово разорваться на части... мнѣ нечѣмъ дышать!...

Онъ заметался на постели, какъ въ горячкѣ, не отнимая руки отъ сильно бившагося сердца. Соскочившія съ носа синія очки упали на полъ.

— Боже, Боже!—простональ слѣпой въ крайнемъ изнеможеніи.

Эти слова эхомъ отозвались въ его больной душѣ и стали повторяться внутри его. Онъ уже ничего не слышалъ, кроме этихъ словъ, звучавшихъ тихой мелодіей: „Боже! Боже!..“ Мгновеніе—и слѣпой порывисто опустился на колѣни рядомъ съ кроватью, устремивъ больные глаза въ темный уголъ, где висѣла икона Спасителя. Онъ глубоко вздохнулъ, сложивъ на груди руки, какъ бы замеръ въ неподвижной позѣ. Губы его шевелились, по лицу текли слезы... Въ мозгу сами собой слагались слова молитвы:

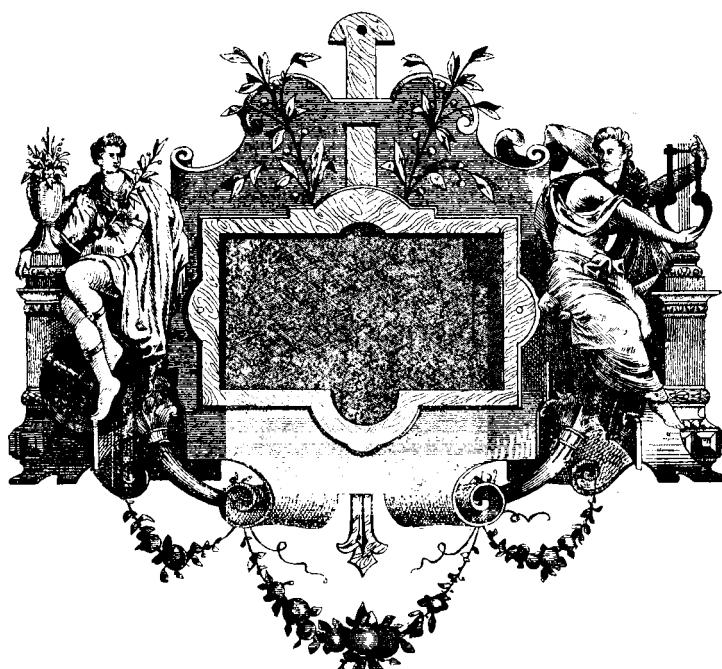
— Боже! я слабъ и ничтожень, но я—Твоє созданіе... Пощади меня! Лишь въ Тебѣ одномъ мое спасеніе!...

И Габаеву казалось, что онъ мысленно парить въ горнія высоты и соединяется съ Богомъ. Это его успокоило.

Забрезжившій свѣтъ ранняго утра несмѣло пробился изъ подъ опущенныхъ шторъ и озарилъ пылавшее и смоченное слезами лицо слѣпца.

Призрѣваемые крѣпко спали, оглашая палаты громкимъ храпомъ. И ничто не нарушало пламенной молитвы слѣпого юноши, изнемогавшаго „во мракѣ“ подъ бременемъ своего креста.

Всеволодъ Рязанцевъ.

* * *

(В. И. Бариновой).

День отгорѣлъ. Былыхъ очарованій
Невольный плѣнъ смущать не можетъ нась.
Но холодно безъ свѣтлыхъ упованій
И сладкихъ сновъ въ вечерній, грустный часъ.

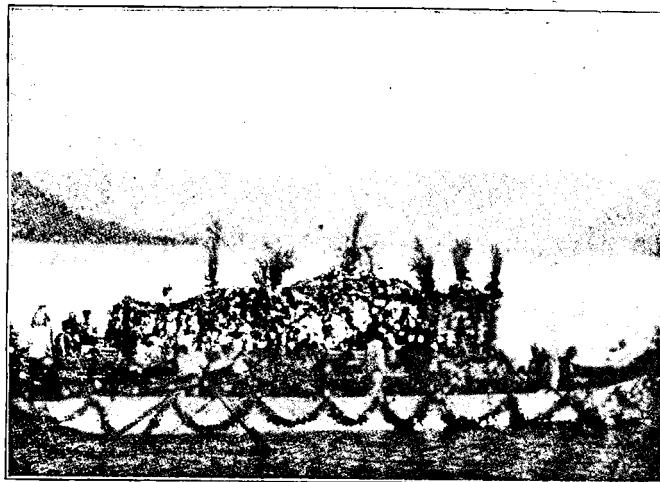
Усталые — и грезимъ мы и вѣримъ,
И жизни намъ дороже наши сны;
И мы не лжемъ и мы не лицемъrimъ—
Въ мечтахъ опять дыша тепломъ весны.

Мы чтимъ своихъ боговъ, которыхъ дерзновенно
Мы въ гимнахъ славили—на утренней зарѣ,—
И намъ попрежнему —все мило и священно
Въ заброшенномъ толпой завѣтномъ алтарѣ.

Потушены и свѣчи и лампады,
Молчитъ органъ, гремѣвшій въ наши дни...

Но оживутъ отъ гимновъ колоннады,
Зажгутся вновь погасшіе огни!
Намъ побѣдители ликующіе жалки,
Игрушкой кажется твердыня ихъ бойницъ;
Намъ видятся уже въ грядущемъ катафалки
На мѣстѣ праздничныхъ веселыхъ колесницъ.

А. Кругловъ.

Изреченія Тургенева.

„Ростите, молодыя силы,—надо вамъ работать, дѣло дѣлать. Благословеніе старика будетъ съ вами.

“У нѣмца если на грошъ таланта, такъ онъ на рубль старанія приложитъ. Русскій человѣкъ наоборотъ сдѣлаетъ“.

Библейскія женщины.

IV.

Анна, мать пророка Самуила.

оворять, что у всѣхъ великихъ людей были самоотверженныя и горячо любящія матери. Нѣжныя ласки послѣднихъ пробуждали въ душахъ ихъ дѣтей сѣмена добра и правды и помогали возрастиать имъ. Дѣти свои идеалы прежде всего ищутъ въ любящихъ сердцахъ матерей, пытаются ими и сами укрѣпляются въ добрыхъ чувствахъ. Недаромъ всѣ великіе люди такъ чтутъ и любятъ своихъ матерей.

Такою именно была и благочестивая Анна, мать пророка Самуила.

Мы придаемъ ей особенное значеніе, какъ провозвѣстницѣ Христовой, ибо въ ея благодарственной молитвѣ къ Богу въ первый разъ встрѣчается имя Христа, Помазанника Божія.

Анна была женою левита Елканы и жила съ мужемъ въ Римаѣ Ефраимской. Римаѣ—по Новому Завѣту Аримаѣя и Рамля въ позднѣйшее время. Расположенная на пути изъ Яффы въ Іерусалимъ, она видѣла въ своихъ стѣнахъ множество паломниковъ, шедшихъ съ Запада не поклоненіе Гробу Господнему, и была свидѣтельницей ихъ упорной борьбы съ исламомъ.

Анна не даромъ носила имя, обозначающее *благодать*. За свою твердую вѣру она и спискала себѣ благодать Божію, хотя раньше и претерпѣла много горя отъ своего безплодія, считавшагося у евреевъ позорнымъ.

Подобно Аврааму и по тѣмъ же причинамъ, у Елканы было двѣ жены: Анна и Фенанна. Послѣдняя имѣла 10 сыновей, чѣмъ всегда и превозносилась надъ бездѣтной Анной, доводя ее до слезъ своими несправедливыми укорами. Въ особенности тосковала бѣдная женщина въ дни ежегодныхъ паломничествъ въ Силомъ къ Скинії Свидѣнія, гдѣ Елканы приносить жертву въ

храмъ, послѣ чего раздавалъ части Фенаннѣ съ дѣтьми и осо-
бую часть Аннѣ, которую любилъ больше второй жены.

Но отъ горести и обидъ въ Силомъ Анна ничего даже не
могла Ѳѣсть.

Жалѣя ее, мужъ спрашивалъ:

— Отчего ты все плачешь и ничего не Ѳѣшь?.. О чемъ такъ
скорбитъ сердце твое? Не лучше ли я для тебя десятка сыно-
вей?

Но Анна была безутѣшна.

Однажды она отправилась къ храму и обратилась къ Богу
съ пламенной молитвой, сопровождавшейся горькими слезами.

Въ это время на сѣдалищѣ близъ входа во храмъ находился
первосвященникъ Илій. Онъ долго наблюдалъ за Анной.

„Боже силь!—молилась женщина,—воззри на удрученную
горемъ рабу Твою и пошли мнѣ сына! Я посвящу его Тебѣ и
онъ будетъ служить Тебѣ всю свою жизнь; не станетъ пить ни
вины, ни сикера и бритва не коснется головы его.“

Лицо молившейся раскраснѣлось отъ возбужденія, а губы
шевелились безъ словъ.

Илій счелъ Анну нетрезвою и сталъ гнать ее изъ храма.

Она покорно выслушала порицаніе себѣ и въ горячихъ
выраженіяхъ повѣдала ему о горѣ, подкупивъ священника ис-
кренностю исповѣди своей души.

Смягченный старецъ сказалъ:

— Возвратись къ себѣ съ миромъ. Богъ услышалъ тебя и
исполнитъ твою просьбу.

Анна вернулась домой съ надеждою въ сердцѣ и съ про-
ясненнымъ членомъ и стала все Ѳѣсть и пить.

Черезъ годъ она была обрадована рожденіемъ сына, кото-
раго назвала Самуиломъ.

Когда Елкана позвалъ ее на новое паломничество въ Си-
ломъ, Анна отказалась, говоря:

— Я не пойду туда до тѣхъ поръ, пока не выкормлю сына
и не отдамъ его на служеніе въ Домъ Божій.

— Поступай, какъ знаешь,—отвѣтилъ мужъ и отправился
въ путешествіе лишь съ Фенанной.

Когда Самуилъ немного подросъ, Анна сама привела его
въ храмъ.

Тяжело было Аннѣ разставаться съ сыномъ въ такомъ
нѣжномъ возрастѣ, когда онъ еще нуждался въ большихъ по-
печеніяхъ о себѣ. Но Анна твердо рѣшила сдержать свой обѣтъ
и отдала въ жертву лучшее, что имѣла въ жизни: своего един-
ственного сына, оторвавъ его отъ любящаго материнскаго
сердца.

Принадлежа по рожденію къ кастѣ левитовъ, Самуилъ все
равно былъ обязанъ со временемъ служить при храмѣ. Но по
еврейскому закону левиты призывались къ исполненію своихъ
обязанностей отъ 30 лѣтъ до 50, тогда какъ все остальное время
они были совершенно свободны. Жертва же Анны въ томъ и
состояла, что она отдавала сына на служеніе при храмѣ съ

Анна приводит Самуила в храмъ.

самаго младенчества. Посвященные обрекались ни пить вина и сикера и не стричь волосъ.

На картинѣ Ф. В. Топаама прекрасно изображена кольнопреклоненная Анна, передающая Самуила первосвященному. Лицо матери ясно выражаетъ твердую рѣшимость и скрытую скорбь, которую она не хочетъ обнаружить, чтобы не встревожить малютку. Одну ручку она довѣрчиво положилъ уже на руку Илія, а другую еще не отнимаетъ отъ матери, какъ бы не желая разстаться и съ нею, несмотря на то, что Анна давно втолковывала ему о неизбѣжности предстоящей разлуки.

Обласкавъ мальчика, Илій принялъ его и назначилъ ему жить при храмѣ.

Исполненіе обѣта вызвало въ сердцѣ Анны живѣйшую радость, и когда она принялась въ восторгѣ благодарить и славословить Бога, то въ это время на нее снизошло пророческое прозрѣніе и изъ ея устъ вылилась высоко-прекрасная молитва, оканчивавшаяся столь знаменательными словами:

„И противящіеся Богу вострепещутъ передъ Нимъ. Съ высоты небесной возгримитъ громъ. Господь будетъ судить концы земли и дастъ крѣпость царю Своему и вознесетъ могущество Своего Христа (помазанника)“.

Жертва Анны оказалась угодною Богу.

Впослѣдствіи у Анны родилось еще три сына и двѣ дочери.

А. Никитина.

Слезы—что грозы: послѣ нихъ человѣкъ всегда тише.

И. С. Тургеневъ.

Борисоглѣбскій и Спасопреображенскій соборы въ Черниговѣ.

По Деснѣ.

(Отъ Киева до Чернигова).

Путевые заметки.

I.

*Лысая Гора.—Мазепина карета.—Слияніе Десны съ Днѣпромъ.—
По Деснѣ.—Николаевская пустынь.*

На пароходѣ.

— Вотъ возьмите мой бинокль и посмотрите туда на Заднѣпровье,—обращается ко мнѣ кіевлянинъ, котораго я давно знаю, какъ одного изъ смѣющихся рѣпинскихъ запорожцевъ.

— Благодарю васъ, бинокля не надо: у меня отличное зрѣніе.

— Видите тамъ возвышенность, вонъ, надъ которой кружится птичья стая?

— Вижу...

— Такъ это—съ Лысая гора.

— А-а... А птицы надъ нею, это не вѣдьмы?

— А васъ интересуютъ лысогорскія вѣдьмы?—бросаетъ съ усмѣшкою великовозрастный гимназистъ, отрываясь отъ почтеннѣйшаго „Натѣр Пинкертон“.

— Какъ антики интересуютъ. Ухаживать за вѣдьмами, надѣюсь, не стали бы и вы...

Онъ отходитъ прочь, этотъ милый „собственный Платонъ“,

взъерошиваетъ свои густые волосы и вновь углубляется въ „Ната Пинкerton“^{*}, на помощь которому изъ кармана можетъ явиться въ любую минуту такой же почтенный „Шерлокъ Холмсъ“.

Но Лысая гора... Прежде чѣмъ пароходъ успѣетъ отвалить отъ киевской пристани, мы съ вами уже совершимъ путешествие на знаменитую гору, которая, бывало, пугала добрыхъ людей не менѣе, чѣмъ брынские лѣса. Въ теченіе многихъ вѣковъ, вѣдьмы прилетали въ рождественскій сочельникъ на Лысую гору и въ обществѣ чертей-кавалеровъ—задавали пиры. „Сборища эти, названныя впослѣдствіи, вѣроятно, изъ венависти къ евреямъ, шабашами, описываются различно, хотя въ этихъ описаніяхъ есть много общаго. Обыкновенно полагаютъ, что колдуны натираются волшебной мазью, читають заклинанья и улетаютъ въ трубу на метлѣ или на палкѣ, на гору. При вершинѣ трубы встрѣчаются они дьяволять, которые и переносятъ ихъ на мѣсто сборища. Тамъ слетаются давно умершія женщины, упыри, злые духи и колдуны. Сатана, въ образѣ козла съ чернымъ человѣческимъ лицомъ, сидитъ на высокомъ стулѣ или на большомъ каменномъ столѣ. Всѣ присутствующіе чествуютъ его колѣнно-преклоненіемъ и цѣлованіемъ и потомъ рассказываютъ, что сдѣлали злого. Если сатана недоволенъ, онъ наказываетъ виновныхъ ударами, и затѣмъ начинается пиръ при свѣтѣ пламени, горящаго между его рогами. Присутствующіе єдятъ мясо лошадей и пьютъ изъ коровьихъ копытъ и лошадиныхъ череповъ. Потомъ начинается пляска подъ звуки музыки; вмѣсто скрипки служить лошадиная голова, а вмѣсто смычка кошачій хвостъ. По окончаніи танцевъ сожигается козель и пепель его раздается вѣдьмамъ, которая съ помощью его дѣлаютъ зло людямъ. Шабашъ заключается брачной оргіей между вѣдьмами и чертями... Перваго января онъ совершаютъ прогулки съ нечистыми, третьяго возвращаются на гору, причемъ на пути задаиваютъ коровъ, 18-го теряютъ память отъ излишнихъ оргій. Масленицу онъ справляютъ на первой или послѣдней недѣлѣ Великаго поста, а въ ночь на Ивана Купала ищутъ волшебныхъ травъ: папоротника и терлича^{**}). Эти: „слетаются“, „пирутъ“, „ищутъ“ и т. п. слѣдуетъ понимать какъ *praesens historicum*, иначе говоря: было, да сплыло. Какой же парубокъ или дивчина станутъ вѣрить теперь въ нечисть; вѣдьмъ и танцующихъ упырей? Были бы они, такъ попадали бы подъ арестъ, а подъ арестомъ что-то никто ихъ не бачилъ (не видаль). Лысая гора живетъ на счетъ своего прошлага, которое покрываются мхомъ и стирается, какъ монета... Въ самой Лысой горѣ ничего привлекательнаго нѣтъ; поэтому не будемъ и блуждать по ней.

А Мазепина карета? Дѣйствительно, говорять про нее холы, что закопана она въ Лысой горѣ, полная денегъ^{**}). Черезъ каждые три года она выходитъ наверхъ, становится конемъ и

^{*}) „Всем. Иллюстр.“ 1874.

^{**}) Съ малорусскаго. Б. Д. Гринченко, „Изъ устья народа“, стр. 180—81.

бѣгаеть по-надъ Десною. Пришлось разъ бабамъ того коня увидать, да только не придумали онъ, что съ нимъ дѣлать. Пошли бабы по смородину въ плавли, глядь—по-надъ Десною бѣгаеть конь, да такой сверкающій и полный, видно, что не простой конь; это и была та карета съ деньгами, нужно было только махнуть по немъ лозинкою, и конь бы разсыпался деньгами. Будь мужчина, онъ бы такъ и сдѣлалъ, а то извѣстно—бабы не придумали. Разсказали бабы про коня, возвратившись домой, и пошли снова мужики на то мѣсто, да только коня ужъ не видѣли, а на томъ мѣстѣ нашли сколько-то мѣдныхъ денегъ. Тамъ, гдѣ зарыта Мазепина золотая карета, земля грохочеть и колышется. Иногда тутъ на горѣ волкъ появляется. Говорять, что въ Свѣтлое Христово Воскресеніе на томъ мѣстѣ горить свѣчка и если бы кто-нибудь послѣ всенощной пришелъ сюда съ зажженной еще въ церкви свѣчкою и, потушивши ее, сталъ копать на томъ мѣстѣ, гдѣ горитъ свѣчка, то непремѣнно откопалъ бы золотую Мазепину карету, полную денегъ. Очевидно, однако, что не находится охотниковъ работать на Пасхѣ...

Плынемъ. Днѣпръ полноводень, тихъ; онъ точно дремлетъ въ сознаніи собственного достоинства; это какъ бы балованный котъ, знающій, что сколько бы ни подбѣжало къ нему мышей, онъ проглотить ихъ всѣхъ; Десна—одна изъ такихъ, и чуть ли не самая лакомая мышь. Рожденная смоленскимъ болотомъ, она бѣжитъ сперва по родной землѣ древнихъ кривичей, затѣмъ перекатывается въ орловскую и наконецъ въ черниговскую губерніи, гдѣ и бросается въ днѣпровскія объятія; Днѣпръ Словутичъ, къ темнымъ волнамъ котораго жалобно взывала Игорева Ярославна, принимаетъ Десну въ свои объятія, и счастливая, она расплывается въ немъ и пропадаютъ ея синія воды въ трепетномъ теченіи любимаго сына Чернаго моря. Два шеста съ техническими знаками, поднявшись изъ воды, указываютъ мѣсто слиянія Десны съ Днѣпромъ, въ $9\frac{1}{2}$ верстахъ отъ кievской пристани.

Нашъ пароходъ невзначай ухнуль, перевалившись съ днѣпровскихъ на деснинскія, болѣе свѣтлые, воды; показались рыбалки, усатые хохлы, которые не замедлять появиться и въ Кіевѣ для сбыта даровъ Десны. Рыбы много въ рѣкѣ и какъ разъ такой рыбы, „за которую“ скучаются польско-еврейскіе „кіевляне.“ *) Кое-гдѣ, въ плавняхъ, уже затѣвается уха, судя по кострамъ. Ползутъ плоты, убѣждая васъ, что лѣсоистребленіе все еще не прекращается и ведется съ тою добросовѣстностью, съ какою семь тощихъ фараоновыхъ коровъ пожрали семь тучныхъ, но безъ очевидного результата. Иногда встрѣтится пухлая отъ грузовъ лайба, бѣляна или же гончакъ, а то брянка, напоминающая о далекомъ Брянскѣ. Вялая жизнь на Деснѣ—не удавшаяся жизнь. Петръ Великій, искренно вѣря въ то, что эта лѣсная рѣка станетъ важной промышленной артеріей, указалъ рус-

*) Кто хочетъ знать, какъ не надо говорить по-русски, пусть побываетъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ услышитъ: „тудою и сюдою“ вмѣсто: туда и сюда; „за вами“ вмѣсто: о васъ, и т. п.

скимъ людямъ на Брянскъ; въ при-десновыи, въ его время, выросла внушительная флотилія изъ брынскихъ лѣсныхъ великановъ, но то, что высоко цѣнилось и имѣло огромное значеніе въ глазахъ геніального человѣка, не составило предмета заботъ для миллионовъ простыхъ смертныхъ; къ колоссальнымъ природнымъ богатствамъ единственно Колупаевы приложили свои святотатственные длані: подъ ихъ пилами и топорами дремучіе лѣса застонали, закряхтѣли, заохали и стали падать на сырую землю. Гдѣ были гущины, стали, ухъ! какія плѣшины. Десна, издревле лѣсная рѣка, разсердила, забурлила и—око за око—принялась мстить человѣку, мелѣя и мелѣя. Однако, что же за великое царство, что же за колоссальное богатство эта Брынь-Полѣсье, если и по сю пору расправа съ ней все продолжается! „Го! го! го!“ реветь отъ самодовольства Колупаевъ, затесавшійся въ лѣсъ. „Гей! гей! гей!“ визгливо вторилъ ему израиль, привѣтливъ къ своимъ рукамъ на югѣ и хлѣбное дѣло. Насквозь пропахнувшіе селедками, которая за свой ростъ называются „кобылами“, евреи то-и-дѣло шмыгаютъ по „житницамъ“ въ чертѣ осѣдлости и дѣлаютъ вѣзу на пароходахъ во второмъ классѣ невыносимою. Въ малороссійскихъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ евреи, въ качествѣ торговцевъ,—это все: судь и милость. Хохлы только хрустятъ у нихъ на зубахъ, и что всего любопытнѣе: каждый Шейлокъ, безъ всякаго повода съ вашей стороны, старается указать вамъ, что крестьяне чуть на рукахъ его не носятъ,—такой онъ благодѣтель для односельчанъ и окрестныхъ „муничковъ“! Не хотите вѣрить? такъ ему все равно.

Время-отъ-времени въ плавняхъ видятся цапли. Здѣсь и гнѣздятся эти важные птицы, которая всегда удивляли меня созерцательной способностью; я думаю, что онъ слывутъ въ птичье мірѣ, если не за математиковъ, то, во всякомъ случаѣ, за хорошихъ бухгалтеровъ, которые подводятъ точные итоги рыбнымъ блудамъ и учитываютъ горластыхъ лягушекъ... Но есть среди этихъ сѣрыхъ космополитокъ и такія, что очень похожи на дежурныхъ чиновниковъ: вотъ онъ во фракѣ, хотя и приготовился къ докладу, а думаетъ о винтѣ по маленькой. Впрочемъ, ни юные, ни постарше бюрократы не любятъ сравненія съ цаплями, о чёмъ я и предупреждаю шутниковъ.

— „Николаевская пустынь“.

— Какъ, прошли уже 25 верстъ?!—„Что же вы удивляетесь, въ третьемъ классѣ кто-то уже успѣль выудить кошелекъ у старухи-богомолки, а компанія цыганъ уже выспалась и теперь выглядываетъ, съ кѣмъ бы поругаться!“—Высадять.—„Они англійские подданные“.—Тогда не высадять. Мда!

Сегодня воскресенье; двѣ-три семьи, поэтому, сошли на берегъ; отцы забрали на руки мирное и капризничающее „Божіе благословеніе“, матери подхватили продовольствіе и всѣ потянули въ пустынѣ, которая любима кіевлянами, какъ мѣсто прогулокъ и праздничного отдыха. Если я скажу, что мѣстный храмъ построенъ въ 1870 году, что старъ вся погорѣла, такъ что даже патріоты ювасного характера не знаютъ, что бы вамъ пока-

зать, то ясно станетъ, что ни Погодинымъ, ни Щукинымъ, ни студентамъ археологическихъ институтовъ нечего дѣлать въ Николаевской пустыни. Кругомъ ея лѣсь да пашни, да луга, просторъ и полезительный воздухъ.— „Хорошо!“ передаютъ другъ другу киевские муравьи и пчелы.— „Да, и-не дурно!“ соглашаются бояки, которыхъ нѣкогда мастерски изображалъ И. И. Ясинскій („Типы Царскаго сада“) и которые по праздникамъ также собираются здѣсь въ достаточномъ количествѣ; гдѣ медъ, тамъ и мухи.

II.

Лѣтнікъ и Жукинъ.—Остеръ.—Моровскъ.—Смолинъ.—Въ виду тысячелѣтнаго города.

Отъ моложавой зелени, за которую Николаевская пустынь старается спрятаться, Десна торопливо бѣжитъ „тудою и сюдою“, какъ ужъ извиваясь. А красиво, когда посмотришь окресть! Позади „Малая Москва“—великолѣпный Киевъ все еще провожаетъ насть, стоя на 80-метровой высотѣ, взору трудно оторваться отъ пестряди зданій, пылающихъ золотыхъ куполовъ и горделивыхъ колоколенъ. Могучъ разливъ весеннихъ водъ, но вотъ когда онъ склонится и на очистившихся лугахъ Вседержитель разстелетъ травяные и цвѣточные ковры, тогда все кругомъ наполнится сладостнымъ, медовымъ запахомъ и нѣжнѣе, истомнѣе, очаровательнѣе станутъ пѣсни деснинскихъ волнъ. Лѣса, деревни и островки и теперь, наперерывъ, заслоняя другъ друга, представляются намъ. На нѣкоторыхъ островкахъ пошипывается сочную траву скотъ. Четвероногихъ Робинзоновъ доставили сюда въ лодкахъ и оставили безъ надзора, полагаясь на присущій животнымъ инстинктъ самосохраненія. „Дежурные чиновники“—цапли издали слѣдять за копытными Робинзонами, но знакомиться съ ними не желаютъ. Деревни съ виду такъ средняго разбора, а вотъ дядя Опанасъ съ треугольной бородкой, въ свиткѣ и въ котелкѣ на пирамидальной головѣ, утверждаетъ, сидя со мною рядомъ, что тутъ надо судить не по мазанкамъ, а по тому, что есть въ мазанкахъ. Между тѣмъ, въ иныхъ хатахъ спятъ сотни рублей „про черный день“; а есть среди крестьянъ и тысячи. Не удивляйтесь,—Придесновье само по себѣ неубожество какое; водные бассейны кишатъ рыбью: вскипятить ихъ, такъ этакой ухи и москвики не хлебывали; поемные луга, черноземъ для пашни. А не за горами и Киевъ; штука-ли имѣть подъ рукою такой рынокъ для сбыта! Туда—рыбу, молочные продукты, овощи, сѣно, яйца, курицу и т. д., а оттуда—„гроши“. Зато мѣстные крестьяне и не имѣютъ столь панихиднаго вида, какъ, напримѣръ, въ центральной Россіи, гдѣ теленку негдѣ почесаться; если рѣчка, то Пересыханка; рыбы, кроме болотныхъ головастиковъ, знать не знаютъ, а рынкомъ считается уѣздный городишко Трушобинскъ или Глуповъ, верстъ за 70, гдѣ торговки, въ ожиданіи покупателя или покупательницы, высохли, какъ фараоновы муміи, а продаваемыми ими „фрацузскими булками“ хоть громи кремлевскія стѣны.

Дядя Опанасъ отъ удовольствія даже отодвинулъ котелокъ на затылокъ, и я могъ удостовѣриться въ томъ, что черноземные бываютъ и лбы. Говорю дядѣ Опанасу:—Этакъ, иная деревня заткнетъ за поясъ и уѣздный городокъ въ родѣ Остра...

— А что намъ Остеръ!—взмахнулъ онъ треугольной бороденкой:—Кievъ вотъ это предметъ, а Остеръ... что Лѣтки, что Остеръ—одна цѣна.

— Вы не изъ Лѣтокъ ли?

Треугольная бородка подалась къ шеѣ, пирамида какъ-то сморщилась; дядя Опанасъ блаженно осклабился и, точно не вѣсть чѣмъ обрадованный, отвѣчалъ:

— Эге, я изъ Лѣтокъ, здѣсечка и родился. А вы жъ какъ догадались?

— Каждый куликъ хвалитъ свое болото,—отвѣтилъ за меня капитанъ парохода; можетъ-быть, Опанасово презрѣніе къ старому Остру задѣло патріотическія капитанскія струны. Однако, пирамидальная голова не обидѣлась; напротивъ, дядя Опанасъ еще для чего-то кивнулъ ею въ знакъ согласія.

Хотя капитанъ и называлъ дядю Опанаса куликомъ, все же я немедленно проникся къ Лѣткамъ особыннымъ уваженіемъ и, не обращая уже вниманія на столь почтенныя палестины, какъ деревня Рожны, села Пуховка, Рожковка и Свиноводы и „особыя примѣты“ Десны: перемелы и перекаты,—приготовился къ созерцанію единственно Лѣтокъ, на которыхъ почтеть благословеніе нѣсколькихъ столѣтій съ документальной печатью.

— Лѣтки...

Ворча пароходъ причалилъ къ пристани. Дядя Опанасъ съ пирамидальной головой сошелъ съ парохода, подбоченился и такъ, на половину фертомъ, зашагалъ къ мѣстечку, можетъ-быть, посмѣшиваясь въ усы: „а что, моль, хороша наша трясинка?“ Лѣтки обманули; какъ отъ пристани, отъ нихъ поживы немногі; какъ древнія Лѣтковичи, они хранять остатки каменныхъ стѣнъ, да остатки рвовъ, да остатки валовъ; подобные остатки мнѣ часто напоминаютъ объѣдки, которыми подчуютъ бѣдноту послѣ свадебныхъ пировъ. И какъ трудно бываетъ судить по объѣдкамъ, насколько хороша была дружная семья блюдъ, такъ и по остатку рва или по грудѣ камней не очень-то рисуется былой жизни яркая картина. Вы возразите пожалуй: „а вонь, Пиѳагоръ, зная, сколько разъ ступня Геркулеса, измѣрившаго арену цирка, укладывалась въ длинѣ его, опредѣлилъ мѣру ступни, а по ней и мѣру всего Геркулесова тѣла!..“ Точно, согласенъ и... и возвращаю въ свою очередь: во-первыхъ, Пиѳагоръ былъ одинъ и другого, кромѣ кротонскаго, геніального Пиѳагора мы не знаемъ, а во-вторыхъ, Пиѳагоръ, опять-таки, одинъ и въ-третихъ, и такъ до безконечности—онъ все одинъ и одинъ... Если это не убѣдительно, то сдѣлайте одолженіе, возьмите палитру, полотна или холста, кисти и краски и изобразите „Лѣтковичи XV вѣка“, но ради Бога, безъ дяди Опанаса въ котелкѣ.

Послѣ нѣсколькихъ деревень, пароходъ къ которымъ близко не подходитъ, выдвигается Жукинъ, воспѣтыми поколѣ-

ніями лягушекъ. Избалованный глазъ туриста здѣсь не отдохнеть и не насладится. Широко залегли болота, знаменитыя полѣсскія болота съ типичными лѣсами, въ которыхъ уперся русскій умъ и какъ бы растерялся; въ самомъ дѣлѣ, уже давно онъ призадумался и все думаетъ, какъ лучше: съ болотами или безъ болотъ?.. Долго рѣшили и рѣшили наконецъ, что нужно осушать болота, эти чертовскія гнѣздовья. Стали осушать; въ результатѣ (далеко не конечномъ) около миллиона десятинъ плодоносящихъ и добродѣюющихъ; дальше—стопъ, машина! Начались рѣшенія въ противоположномъ смыслѣ, а именно: осушение Полѣсъя вліяетъ, где, на климатическую условія, а паче всего на водоносность днѣпровской системы. Споръ начался и ведется не торопясь къ удовольствію комаровъ-толкуновъ, воздушные матчиши которыхъ мнѣ, не балетоману, право, нравятся, и еще къ удовольствію птицъ, начиная отъ премудрыхъ совъ и кончая какою-нибудь курочкой, которая любить, чтобы ее жарили въ настоящемъ сливочномъ маслѣ и кушали, если не съ муромскимъ или нѣжинскимъ огурцомъ, такъ уже съ моченою брускиною.

Жукинъ не задерживаетъ насъ. До Остра 26 верстъ. Вечеръ хмуритъ брови и конечно преподнесетъ намъ уѣздный городокъ въ сумеркахъ, когда все кошки сѣры. Крыхаево, Боденки, Красаульская, Евминки, Сувидъ, Простка, Старикъ, Едменовка, Выползово... какъ видите, я добросовѣстно дѣлаю перекличку побережнымъ селеньямъ, полагая, что лучше будетъ, если ихъ запомнимъ мы съ вами, нежели „красный пѣтухъ“. Вотъ бѣжитъ рѣка Остеръ и—бухъ въ Десну! То-то небось принесла рассказъ про Козелецъ и Нѣжинъ, которые по своей неосторожности помѣстились на остерскихъ берегахъ.

Покрытый мхомъ Остеръ, древній городъ, силится вынырнуть изъ густоватыхъ сумерекъ и не можетъ. И незачѣмъ. Достаточно взглянуть разъ-другой на домишкі, чтобы согласиться съ пирамидально-головымъ дядею Опанасомъ въ томъ, что влюбиться въ Остеръ мудрено. Раньше онъ представлялъ собою довольно важное колесо въ русско-торговой колесницѣ, но съ проведениемъ Московско-Киево-Воронежской желѣзной дороги значеніе остерской пристани весьма понизилось*). Если это и колесо, то именно то колесо чичиковской брички, по поводу которого философствовали два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака. Въ настоящее время остерцы занимаются плетеніемъ рыболовныхъ сѣтей и рыболовствомъ и кустарятъ деревянную посуду; ярмарки ничтожны, хотя ихъ бываетъ четыре въ году. Славятся остерцы какъ матросы и рыбаки. На пристани русско-еврейскія торговки, переругиваясь между собою, предлагаютъ невзыскательному туристу жареную разварную рыбу, по примѣру варшавско-лодзинскихъ фирмъ, съ ручательствомъ на два года, печеные и вареные яйца и пироги, хотя и отмѣченные блѣдной немочью, зато добросовѣстно захватанные и дамскими ручками, и мужицкими лапами.

*.) Станція Бобрикъ въ 39 верстахъ.

Евреи говорять, что „ихній Вастёръ“—яй, яй, яй, какой старинный городъ! Ну, разумѣется, старинный, если съ нимъ связывается имя Мономаха и даже самого Владимира Святого. Во всякомъ случаѣ, Остеръ подъ 1098 годомъ внесенъ въ лѣтопись; ничего только не осталось отъ князей, за исключениемъ алтаря съ фресками древней Юрьевой Божницы *). Тутъ могутъ показать львовское Евангелие 1636 г. Надо ли говорить о прошлыхъ судьбахъ этого города, если известно, что онъ стоялъ на пути междуусобствующихъ князей, воинствующей литвы, неистовыхъ татарскихъ ордъ и польской вольницы въ Смутное время? Все ясно: жгли, грабили, разоряли Остеръ; онъ подымался изъ пепла, изъ развалинъ,—его опять валили, и такъ-то изъ вѣка въ вѣкъ, на протяженіи отъ первыхъ мономаховичей и до „Тишайшаго“ царя Алексія Михайловича.

— До Моровска долго будемъ плыть?

— Больше часа.

— Честное слово, капитанъ, ради него можно пожертвовать часомъ?

— Честное слово, нестоитъ. Отправляйтесь спать. Покойной ночи!

Я послушался—и на боковую. На обратномъ рейсѣ, изъ Чернигова въ Кіевъ, все-таки полюбопытствовалъ и не раскался, что легъ. Древнее мѣстечко (ему 770 лѣтъ) оказалось „какъ всѣ“, такъ что не стоило бы вспоминать о немъ, если бы не... Илья Муромецъ. Какъ известно, съ богатыремъ этимъ случилось маленькое недоразумѣніе, именно—цѣлая школа нашихъ ученыхъ отвергаетъ самое существованіе Ильи; другіе, правда, отстаиваютъ историческое происхожденіе Муромца, но, какъ напримѣръ, Иловайскій, рѣшаютъ, что это былъ хоть и муромецъ, да недавній сравнительно, вѣка XVII, и не богатырь, чистая душа, съ рыцарскимъ міросозерцаніемъ, а просто-на-просто прикащикъ Илья Ивановъ Коровинъ, прикинувшись Петромъ и разбойничавшій на Волгѣ и Дону. Споръ ведется талантливо, каждымъ по-своему обоснованно, и величавый образъ „старого казака“ поэтому то расплывается въ фантастическое пятно, то еще красивѣе укрѣпляется на поэтическомъ фундаментѣ былиннаго эпоса, и перекидывается Илья своей немеркнущій взоръ черезъ цѣль столѣтій, какъ сокровищница славнаго русскаго духа и народной красоты; или же, въ видѣ святыхъ мощей, онъ встрѣчаетъ богомольную Русь въ ближнихъ кіевскихъ лаврскихъ пещерахъ. „Илья изъ гор. Мурома“. Я видѣлъ его гробъ, какъ видѣли его до меня миллионы русскихъ, изъ числа которыхъ „московскій житель, церкви Покрова Пресвятая Богородицы священникъ Ioannъ Лукьянновъ“ писалъ: „видѣхомъ храбраго воина Илію Муромца въ нетлѣніи подъ покровомъ златымъ, ростомъ яко нынѣшихъ крупныхъ людей; рука у него лѣвая пробита копиемъ; язва вся знать на рукѣ; а правая его рука изображена крестнымъ знаменiemъ...“ (1711 г.) **). S. Zakonnik Піја, молвилъ Каль-

^{*}) Юрия Долгорукаго.

^{**}) Русский Архивъ, 1863, вып. первый.

нофойскій (въ 1638 г.), по мнѣнію котораго этотъ святой законникъ жилъ до него за 450 лѣтъ*).

Становясь на сторону защитниковъ бытія Ильи Муромца, они же суть: Квашнинъ-Самаринъ, Максимовичъ и другіе,—думаешь, однако, что богатырь жилъ не при Владимірѣ Красномъ Солнышкѣ, а при Владимірѣ Мономахѣ, когда, кажется, впервые появляются восточные „нищіе“ (дервиши), съ которыми сближаются былинные „калики перехожіе“, „нища братія“.

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать три года;
Пришли къ нему нища братія...

И тутъ начинается споръ уже иного рода. Черниговскій Моровскъ не согласенъ уступать Илью сына Ивановича и настаиваетъ на томъ, что онъ родился здѣсь, на берегахъ Десны, а не во владимірскомъ Муромѣ; отсюда „старый казакъ Илья Муромецъ поѣхалъ на добромъ конѣ мимо Черниговъ градъ“..

Подъ Черниговымъ силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силушку великую,
Сталь конемъ топтать и копьемъ колоть,
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
И подъѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.

Доброе старое время... пора богатырей... какъ это скоро все тогда дѣялось! Сѣль на коня, припустилъ его, потопталъ, покололъ, глядь—ужъ и у Чернигова. А я успѣлъ высаться, когда пароходъ пыхтѣлъ въ виду тысячелѣтнаго города, оставивъ гдѣто за горизонтомъ дюжины полторы крестьянскихъ муравейниковъ, съ болотами, съ лѣсами, съ млинами (мельницами), гдѣ, между прочимъ, изготавляются ткани, съ обычными заботами и куцымъ разумѣніемъ счастья. Было еще древнее мѣстечко Смолинъ „съ остатками валовъ до-татарской эпохи“, но мы смотримъ уже на Черниговъ, стражъ котораго Троицкій монастырь подставилъ свои священные главы солнечнымъ лучамъ. Золотое утро. Панорама все увеличивается и прельщаетъ...

III.

Въ 1000-летнемъ городѣ.—Немножко исторіи—Соборы.—Царскіе памятники.—Мазепинъ домъ.

Вотъ возвышается валъ съ Константиновскимъ садомъ на немъ и съ украшеніемъ въ видѣ четырехъ пушекъ; онѣ необыкновенны, какъ снившіяся гоголевскому городничему крысы, и сколько имъ отъ роду, никто не знаетъ. Подъемъ крутовать и „безболѣзенно“ возможенъ лишь въ сухую погоду, послѣ же дождей, въ осеннюю слякоть и при весенней распутицѣ тутъ неминуемо сводить счеты съ жизнью чистыхъ и нечистыхъ животныхъ, разумныхъ и неразумныхъ существа. Но вотъ макушка вала; развертывается „Плацъ-Парадъ“. Златоверхій каѳедраль-

*.) У Филарета Черниговъ, читаемъ: за вѣрность мнѣнія, что преп. Илья Муромецъ есть одно лицо съ богатыремъ Ильей Муромцемъ—нѣть никакихъ ручательствъ.

ный Спасъ-Преображенскій соборъ, рядомъ Борисоглѣбская церковь, а черезъ площадь храмъ св. Екатерины—это какъ бы святыя ворота, ведущія въ городъ. Превзойдя библейскаго Мѳусаила, который прожилъ 969 лѣтъ, Черниговъ кивнулъ маташкѣ-Москвѣ, усмѣхнулся въ сторону Санктъ-Петербурга, осѣлъ и весь отдался грезамъ... Чудно ему: была быль-бывальщина, стала сказка. Прошлое превратилось въ красивую фантазію... Кто мать, кто отецъ? Но „мать всегда извѣстна“, написано въ Кодексѣ Юстиніана, и дѣйствительно—матерью города Чернигова была *Сльверская Земля*, тогда какъ отцомъ называютъ и сѣверянскаго князя Чернаго, чью могилу и теперь еще показываютъ возлѣ Духовнаго училища, и сказываютъ, что дремучій—„черный“—лѣсъ могъ дать городу свое имя.—„Черный гай“ („Черниговъ“). Но это дѣло историковъ разбирается въ черниговскомъ родоначаліи, мы же не затѣмъ въ древнемъ городѣ. Грезитъ онъ, напоминая вамъ и о Ставрѣ Годиновичѣ, и объ Иванѣ Гостинымъ сынѣ, и о Димитріи, богатомъ торговомъ гостѣ... Былина прошла, какъ красивое марево; богатырская жизнь смѣнилась простенъкой, хрупкой, тусклой, и тамъ, где, можетъ-быть, зывалъ покупателей душа на распашку—Иванъ Гостиный сынѣ, теперь виситъ грязноватая вывеска еврейскаго или ему подобнаго торгаша. Торговое значеніе Чернигова невелико; любопытенъ онъ прошлымъ и святынями.

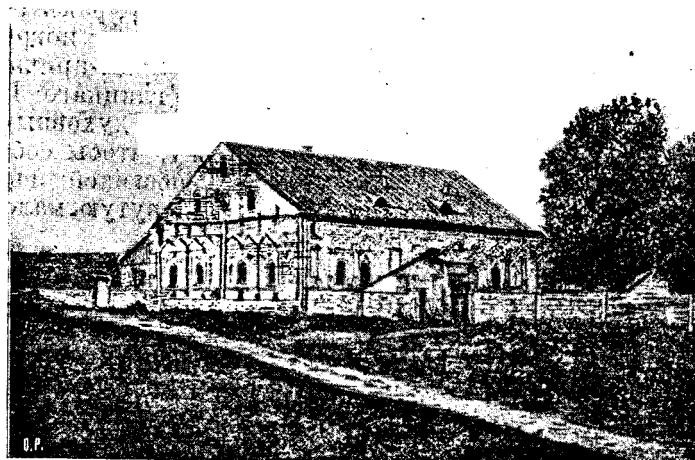
Онъ выгодно выдѣляются среди вообще скромныхъ, большою частью, деревянныхъ зданій. Наиболѣе притягательнымъ является Спасо-Преображенскій соборъ, византійскаго стиля; его и строили, и построили (1024 г.) греки, но татары разрушили, такъ что нынѣшнему храму, восстановленному при Алексѣѣ Михайловичѣ, не насчитывается 300 лѣтъ. Въ полуумракѣ его, разлитый между колоннами, отъ сводовъ до полу, я погрузился, когда обѣдня подходила къ концу и богоомольцы-причастники толпились около мощей святителя Феодосія Углицкаго. Въ храмѣ было шумливо; молитвенному настроенію и духовнымъ размышеніямъ отдаваться было трудно. Не скажу, чтобы соборъ содержался въ образцовомъ порядкѣ и подобающей высокому мѣсту чистотѣ. Какъ это непохоже на пресловутую малороссійскую чистоплотность!

Сосѣдній Борисоглѣбскій соборъ, тоже византійскаго стиля, наслѣдіе сѣдой-сѣдой старины, ибо построенъ княземъ Давидомъ Святославовичемъ, умершимъ въ 1123 году. На свое вѣку многое испытала эта святыня: ее разоряли татары, ею владѣли поляки. Будете здѣсь, такъ обратите вниманіе на царскія врата: когда (1702 г.) копали фундаментъ для соборной колокольни, то вырыли два серебряныхъ идола, и вотъ ихъ-то перелили для вратъ. Въ Борисоглѣбскомъ соборѣ погребенъ св. Феодосіемъ знаменитый Лазарь Бараповичъ, черниговскій архиепископъ (1593(1620?)—1693), литературный и политический дѣятель южной Россіи. Я не останавливаюсь на его кипучей и плодотворной дѣятельности: это извѣстно по сочиненіямъ Костомарова, Сумцова, Шляпкина и др., а только указываю мѣсто вѣч-

наго успокенія яркой звѣзды, какая вмѣстѣ съ Іоанникіемъ Голятовскимъ, Димитріемъ Туптало, Федосіемъ, Іоанномъ Максимовичемъ, Адамомъ Зерниковомъ и Филаретомъ (Гумилевскимъ) составляютъ славную и драгоценную черниговскую плеяду.

На соборной площади, въ зелени, видятся два памятника—бюста. На одномъ читаемъ: „Царю-Миротворцу“ 1894—1888—1881—1845. На другомъ: Императору Александру II Царю-Освободителю „19 февраля 1861 г.“ Бюсты работы покойнаго Мих. Петр. Попова (1837—1898), извѣстнаго и талантливаго профессора скульптуры.

Уединенно стоитъ домъ Мазепы, позади соборныхъ храмовъ; въ домѣ злополучнаго гетмана помѣщается губернскій архивъ; хотѣли помѣстить здѣсь историко-археологическій музей, но, должно-быть, въ „товарищахъ“ согласья нѣть и „лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ, а щука тянется въ воду“... къ сестрамъ, которыхъ, къ слову сказать, въ Деснѣ многое множество. Семь комнатъ со сводчатымъ потолкомъ безъ словъ говорять, что Мазепа не любилъ тѣсноты. Музею было бы гдѣ размѣститься. А какое отсюда приволье раскрывается: Десна, луга, лѣса и широкій-широкій, синій-синій небесный покровъ! И такъ это хорошо, такъ ласкаетъ глазъ и умиряетъ душу, что тотчасъ забывается тюрьма подъ гетманскимъ домомъ, этотъ, какъ я наблюдаю, обычный пришатокъ къ Мазепинымъ домамъ...

Мазепинъ домъ.

IV.

Нельсколько словъ о музѣ.—По городу.—Другіе храмы.—Тишина да гладь.

Музеевъ, какъ черниговскій, очень немногого на Руси. Собиралъ его „Василь Васильевичъ“ Тарновскій (род. 1837, ум. 1899 г.), хорошо извѣстный въ Малороссіи, „какъ человѣкъ, составившій богатѣйшій музей малорусскихъ древностей, и какъ глубокій почитатель таланта и личности незабвенного Кобзаря Украины Тараса Григорьевича Шевченка*). Отъ кievлянъ я слышалъ, что Тарновскій чуть ли не прожилъ все состояніе, собирая музейные предметы и архивные документы, и заявилъ, что желаетъ принести въ даръ Кіеву свою сокровищницу, когда не стыдно было уже показывать ее вся кому, а старая болѣзнь дѣламиала энтузиаста. Но въ Кіевѣ не нашлось мѣста для рѣдкостнаго собранія и оно очутилось въ Черниговѣ. „Все—благо“, сказалъ Ленскій у Пушкина, и Черниговъ обогатился за счетъ кievской... э-э... ну, премудрости, что-ли. Музей Тарновскаго надо видѣть, на десяткѣ-другомъ строкъ его не представишь. Путь къ нему черезъ весь городъ, который въ лѣтнюю пору бываетъ напоенъ ароматомъ южной растительности и слушаетъ добросовѣстныхъ солистовъ—соловьевъ. Въ особенности хороши ихъ пѣсни на окраинахъ, возлѣ лачугъ, въ полуzapущенныхъ садахъ, на монастырскихъ кладбищахъ...

Я любитель дроздоваго, а тѣмъ паче соловьинаго пѣнія и потому, полагаясь на выносливость пары собственныхъ ногъ, бродилъ по окраинамъ и такимъ образомъ, по выраженію автора „Недоросля“, упражнень быль осмотрѣніемъ города. Раскатистая соловьиная трель привела меня въ Святой нагорный лѣсъ надъ Десною къ древней церковкѣ въ честь Ильи-Пророка. „Въ Черниговѣ разсказываютъ среди мѣщанъ, что церковь св. Иліи выстроена каменщиками, достроившими соборъ Мстислава. У нихъ былъ атаманъ Илья. Увидѣвъ, что плотники берутъ шабашки, онъ, а за нимъ и его каменщики, тоже начали брать шабашки—кирпичъ, изъ котораго и выстроили церковь. Строили они ее по праздничнымъ днямъ. Сперва каменщики не хотѣли работать въ праздники, считая это грѣхомъ, но атаманъ объяснилъ имъ, что строить церковь въ праздникъ не грѣхъ. Въ честь атамана церковь названа была Ильинскою.“**). Три сросшихся пня, передъ входомъ въ нее,—сказываютъ,—это остатокъ отъ тройчатаго дуба, посаженнаго препод. Антониемъ, послѣ того какъ онъ поселился въ пещерѣ Болдиной горы и основалъ Ильинско-Троицкій монастырь. Всего показываютъ здѣсь три пещеры.

*.) „Кievская Старина“ разн. годовъ. Цитата изъ журнала 1902 г. т. LXXVIII.

**) „Изъ устья народа“, стр. 315—316.

Монастырскій, Троицкій, храмъ блещетъ довольствомъ, котораго много текло, между прочимъ, и отъ усердія Мазепы.

Чаровница соловьиная трель увела-увлекла меня въ Успенско-Елецкій монастырь. „На мѣстѣ нынѣшней Елецкой обители нѣкогда, какъ говорить преданіе, былъ дремучій лѣсъ. Однажды, проходя этимъ лѣсомъ, благочестивые путники замѣтили сильный свѣтъ, приведшій ихъ къ ели, на которой въ огнеподобномъ сѣяніи увидѣли они икону Божіей Матери. Пораженные столь чудеснымъ явленіемъ, они немедленно повѣдали о немъ жителямъ города Чернигова, который въ древности расположень былъ немнога сѣвернѣе нынѣшней Елецкой обители. Это событие произошло 1060 года. Благочестивый князь Святославъ Ярославичъ соорудилъ тогда же церковь въ честь Успенія Пресвятаго Бого-родицы, помѣстиль въ ней снятый съ ели явленный образъ и устроилъ при этой церкви монастырь“. Въ монастырѣ подвизались святые Димитрій (Ростовскій) и Феодосій (Черниговскій). Ихъ келіи сохранились и совсѣмъ не похожи на огромное большинство келій теперешнихъ монаховъ, которые, если не напоминаютъ гастрономическихъ лавокъ, то близки къ покоямъ старыхъ дѣвъ, папаши которыхъ заслужили генеральскій чинъ. Кладбище богато историческими личностями, между которыми довольно ужъ назвать генерального обознаго Василія Борковскаго-Дуніна, Якова Лизогуба („воинъ роскій славный“), историка А. И. Ханенка, Л. Полуботка, Дорошенка, Шафонскаго... А въ Успенскомъ храмѣ погребенъ не менѣе Лазаря Барановича замѣчательный архимандріть Іоанникій Голятовскій, скончавшійся 2 января 1688 года. Могила его затерялась.

Соловьиная пѣсня завела меня къ рѣкѣ Стрижню,—туда, гдѣ семинарія, а 200 лѣтъ тому назадъ жилъ Полуботокъ и Петръ Великій пировалъ у того, кто долженъ быть заchaнутъ въ Петровпавловской крѣпости за то, что высказалъ пожеланія и жалобы уполномочившихъ его малороссовъ. Отъ семинаріи, чрезъ площади, по улицамъ и проулочкамъ, добрался я до Константиновскаго сада, гдѣ невѣроятно-добропорядочный соловей, застигаемый сумерками, кончалъ и, словно какъ все, не могъ кончить своего романса. Я сѣлъ. Занималась вечерняя тишина въ тихомъ городѣ. Двѣ старыя богомолки сѣли рядомъ и, зѣвая и икая, стали дѣлиться одна съ другою хлѣбомъ, лукомъ, впечатлѣніями отъ мѣстныхъ святынь и молвою о юродивомъ Грицѣ, который жилъ въ Черниговской губерніи, предсказывалъ и давно умеръ. Наконецъ, соловьиный романсъ замеръ. Но взамѣнъ, не знаю—откуда, полилось пѣвучее сказанье:

„Чѣрна земля подъ копыты костыми посѣяна, а кровію польяна,— тугою вѣздоша по рускѣй земли.“

„Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями? Игорь пѣлки заворачаетъ: жаль бо ему мила брата Высеволода“.

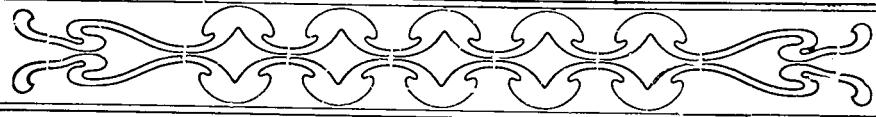
Встрепенулся—гляжу: все окрестъ насторожило. Черниговъ слушаетъ. А Десна вздохнула и разводить волны, а волны, какъ гусли, вторять сказанью. А сказанье ужъ до небесъ донес-

лось—и небеса готовы заслушаться таинственного баяна: вѣдь, зачѣмъ же звѣзды вонь выступаютъ одна за другою? Смотрятъ, слушаютъ... Ахъ, ты, старый Черниговъ! ахъ, вѣщій баянъ!

Павелъ Россіевъ.

Черниговскій Троицкій монастырь
Постр. въ 1695 г. при архіеп. Феодосії, Чернигов. чудотворцѣ.

Нетронутые.

(ПЕЙЗАЖЬ И ЖАНРЪ).

тояль чудный, лѣтній день.

Лучезарное небо опрокинулось надъ необъятною ширью луговъ, испещренныхъ яркими цвѣтами.

Вѣрующій человѣкъ прочтеть здѣсь цѣлую страницу той Божественной великой книги, называемой природою, котора ярука обѣ руку съ Библіей открываетъ намъ Зиждителя. Тихо, торжественно тихо и спокойно. Не шелохнется воздухъ. Лишь часа два прошло за полдень и живой міръ еще отдыхаетъ. Только какой-то пернатый хищникъ почти неподвижно парить, распластался въ глубинѣ лазури, да чуть слышно скользить ужъ въ осокѣ озерка, вправленного, словно синій яхонтъ, въ изумрудную рамку луга.

Но вотъ по Красныхъ загромыхала телѣга и скоро выѣхала въ луга. Въ ней сидѣлъ дѣдушка Заботинъ съ Ивановскимъ причетникомъ, которому надо было выдѣлить свою долю изъ снятыхъ Заботинымъ церковныхъ Ивановскихъ луговъ.

И священникъ, и дьяконъ Ивановскаго сами не косили луговъ, а сдавали ихъ, равно какъ и всю пахотную землю. Бѣлоручки, съ выглядывающими изъ-подъ полукафтаньевъ воротничками, они стыдились взять въ руки грабли или косу, хотя и не стыдились того полускучающаго, полуપրազճнаго, „дачнаго“ убиванія времени, въ которомъ проходила вся ихъ молодая жизнь, врачающаяся около выѣзовъ въ гости да около рѣдко сполна разрѣзывавшихъ книжекъ „Нивы“ съ рассказами Чехова и повѣстями Боборыкина. Не зная главнаго крестьянскаго дѣла, сути всей деревенской жизни, они не умѣли и говорить съ народомъ, краснѣли и конфузились при встрѣчѣ и разговорахъ съ крестьянами; между ними и крестьянами не было никакого общенія. Первая ступенька крыльца была тѣмъ единственнымъ мѣстомъ, которое знали въ ихъ домѣ крестьяне.

— Ты что?

— Да сказать батюшкѣ насчетъ обѣдни, обѣдню чтобы завтра отслужить. Годъ бабѣ-то моей вышелъ.

— Хорошо, я передамъ,—говорила кухарка.

Мужикъ нерѣшительно мялся, не отходя отъ крыльца. Кухаркѣ надо было спѣшить съ самоваромъ.

— Я скажу, скажу, сейчасъ самоваръ понесу и скажу.

Мужикъ все не уходилъ.

— Мне поговорить бы хотѣлось съ батюшкой... Ну, да ужъ ладно, такъ и быть,—говорилъ мужикъ, видя затворившуюся подъ носомъ дверь и слыша доносящіеся въ открытое окно громкій голосъ батюшки, смѣхъ гостившихъ у него свояченицъ и звонъ чайной посуды.

Онъ вспоминалъ прежняго священника, старишка о. Петра, и думалъ, уходя: „Экой былъ человѣкъ-то, Царство ему Небесное... бывало и приметь, и словомъ утѣшить, успокоить, совѣтъ ли какой!.. Господи-Батюшка, согрѣшили мы!..“

Послѣ смерти жены мужика тоска замучила. Онъ не зналъ, куда дѣваться отъ нея. „Впору хоть руки на себя наложить“. Онъ и хотѣлъ поговорить съ священникомъ.

Дьячекъ былъ неподstatъ священнику и дьякону. У него не сходили съ рукъ мозоли, онъ работалъ и самъ, и дѣтей пріучалъ къ труду. У него закрома всегда были полны хлѣба и овса, всегда гудѣли въ саду пчелы, а на дворѣ стояла лишняя скотинка. Онъ и на шестой копейкѣ жилъ не хуже вѣчно ныvшаго и жаловавшагося на недостатки дьякона.

Заботинъ считался его пріятелемъ. У нихъ были общія мысли, общіе разговоры, главной темой которыхъ въ послѣднее время были жалобы на нынѣшній народъ и нынѣшнее время.

— Что только за люди стали, Христосъ ихъ вѣдаетъ! И не поймешь никакъ... Ну, да что!..—говорилъ стариkъ, не любившій осужденія.

Но сейчасъ природа заставила ихъ забыть людей.

— Эка благодать-то!—умиленно говорилъ дьячекъ.

— Да!—вторилъ ему стариkъ.

— Милость-то Господня къ намъ грѣшнымъ какая, Егоръ Петровичъ!.. Вѣдь это что? Рай... А въ саду у меня теперь радость какая, особенно же весной! Вечеромъ на свободѣ выйду. Яблони всѣ въ цвѣту, пчелки гудятъ, соловьи въ вишняхъ другъ передъ другожкой заливаются. Словно я Адамъ въ раю. Такъ слезы и текутъ. Повѣришь ли, Егоръ Петровичъ,—безъ смѣха говорю!

— И за что только намъ грѣшнымъ Богъ посыпаетъ, Царь Небесный?—говоритъ стариkъ; а потомъ, помолчавъ немнogo, неспѣшно продолжаетъ:

— А, вишь, на томъ свѣтѣ, Тихонычъ, сказываютъ, будто для праведныхъ еще лучше будетъ?

— Да,—отвѣчаетъ Тихонычъ,—въ Апостолѣ прямо сказано: „Ихже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣка не взыдоша, яже Богъ уготова любящимъ Его“.

Егоръ Петровичъ вздохнулъ.

— Ты гляди, кашки-то сколько засѣло въ нынѣшнемъ году! Не сѣно будетъ,—малина!

— Это какъ Богъ дастъ, какая уборка будетъ...

— Конечно.

По луговой заросшей дорогѣ подѣхали къ стеклянной глади озера, обогнули его и очутились на церковныхъ лугахъ.

— Ну, давай дѣлить, Тихонычъ!—Егоръ Петровичъ снялъ поддѣвку, подъ которой у него, поверхъ рубашки, была жилетка, взялъ косу и пошелъ вдоль луга. Тихонычъ пошелъ другой стороной.

Отмѣрили, раздѣлили.

— Ну, давай жеребъ кидать,—сказалъ дьячекъ.

— Да что жъ жеребъ? Бери любую, Тихонычъ, всѣ одинаковыя,—сказалъ старикъ.—Если попадеть тебѣ и лучше, я не обѣднѣю оттого, у тебя семья большая; а умру—помолившись за меня, ты всегда въ храмѣ Господнемъ.

Поѣхали обратно.

— Василій все еще спить,—указывая на лежащаго у плетня молодого мужика, говорить при вѣздѣ въ Красныхъ Тихонычъ,—давеча спалъ и теперь спить. Вѣдь ужъ небось часа четыре будетъ: въ два мы, послѣ отдыху, поѣхали, да часа два, пожалуй, продѣлили... Все спить, а?

— Христосъ съ нимъ,—не глядя отвѣчаетъ Егоръ Петровичъ.

Вечеромъ по церковнымъ лугамъ щелкала конная косилка Егора Петровича и раздавалось звяканье косъ Тихоныча и его сыновей, косившихъ свою долю. А на другой день луга съ утра до вечера кишили народомъ. Сушили, сгребали, убирали, навивали. Заботинъ со всею семьей былъ тутъ же, за всѣмъ глядѣлъ, самъ принималъ посильное участіе въ работахъ. Тутъ находились даже и его внучата, и имъ было дѣло: кто лошадью копны къ стогу подтягивалъ, кто подгребалъ около стога, кто съ бабами убиралъ сено.

Скоро на жесткой, щетинистой поверхности луга стали медленно подыматься великаны стога. Когда они выросли и внушительно-молчаливо встали среди луга, на землю уже опустился вечеръ, ясный и тихій. Въ соседнихъ, нескошеныхъ лугахъ на перебой заскрипѣли дергачи. Воздухъ сдѣлался влажнымъ. Надъ озерками нависли бѣловатыя пелены тумана. Зелень потемнѣла и покрылась обильной росой. Тихонычъ съ ребятами взялись за косы.

— Помахаемъ часокъ, другой,—все впередъ. Теперь не косьба, а рай... Такъ, такъ, Митя! Дружнѣй, дружнѣй, ребятки!—подзадоривалъ онъ и безъ того съ увлеченіемъ работавшихъ сыновей.

— Богъ помочь!—говорить проходящій мимо крестьянинъ.

— Спаси, Христосъ,—отвѣчаетъ Тихонычъ.

— Задній-то, задній-то отстаетъ у тебя!

— Погоди, еще впереди будетъ! Это у него коса въ пяткѣ расшаталась,—правлялъ долго. Онъ у меня косить-то зубастѣй всѣхъ будетъ!

А задній такъ и валилъ чуть не цѣлыми охапками соч-

ную, душистую траву. Иногда его обдавало запахомъ мяты и дикаго чесноку. Раза два онъ задѣль косою шмелиныя гнѣзда, спугнуль какую-то луговую птицу, перерѣзаль подвернувшуюся лягушку. Но вотъ все ближе и ближе спины братьевъ, вотъ онъ!

— Костя! берегись, пятки подрѣжу!—торжествующе побѣдно говорить онъ, обтирая потъ со лба и растегивая воротъ.

— Ай да Митя!.. Ну, теперь, ребятки, и вздохнуть немнога надо.

— Ладно, и такъ сойдетъ! Пойдемте дальше,—возражали дѣти.

— Нѣть, добро, дѣтки, посидимъ минутъ десятокъ,—мѣлкомъ взглянувъ на тяжело дышавшаго Митю, проговорилъ Тихонычъ.

Присѣли. Кругомъ неоглядный просторъ луговъ, наверху—безграницый лазурный куполъ, вдали—затонувшія въ садахъ деревни съ подымающимися изъ трубъ струйками дыма. Садилось солнце. Оно уже опустилось за одинокую ветлу на краю Краснихи и пурпуровымиискрами брызнуло изъ-за ея вѣтвей.

— Денекъ бы завтра послалъ Богъ хорошій,—сказалъ Костя.

— Да, теперь погодка нужна бы: подвалено у насъ сѣна не мало,—отвѣчалъ отецъ.—Ну, да авось... Солнышко словно чисто садится.

— Блескъ-то, блескъ-то какой!—восторженно воскликнулъ Володя, поэтическая душа.—А озеро-то, озеро-то!

Зеркальная, застывшая поверхность протянувшагося длинною дугой по лугу озера искрилась, горѣла отъ солнца. Нельзя было глазъ оторвать отъ этого чуднаго зрѣлища. А солнце, выйдя изъ-за ветлы, коснулось горизонта, уже наполовину ушло за него, опрокинулось надъ нимъ, какъ исполнанская золотая чаша въ рукахъ Великаго Невѣдомаго Художника міра; быстро стало опускаться солнышко и наконецъ, сверкнувъ послѣднимъ, прощальнымъ глазкомъ на землю, скрылось совсѣмъ.

— Дивны дѣла Твои!—перекрестился Тихонычъ, подымаясь и беря въ руки косу.—И чего только мы, люди, жадничаемъ, бѣсимся да ъдимъ другъ друга? Чего нужно? Чего не хватаетъ? Вонъ оно, батюшко, всѣмъ свѣтить... радость какая, красота какая!—умиленно говорилъ Тихонычъ.—Чего мало?.. Ну, теперь рядушка по два, да и спать, дѣтки! Завтра на зорькѣ опять начнемъ.

Снова зазвенѣла сталь отъ брусковъ, засверкали косы, зажмыхала мокрая отъ росы трава.

А небо и озеро горѣли уже новымъ огнемъ, багрянцемъ зари, охватившей полнеба.

— Зари догорающей пламя разсыпало по небу искры...—въ тактъ взмахамъ косы восторженно декламировалъ Володя.—Ахъ, какъ это хорошо у Полонскаго!...

Всею полнотой жизни жила семья Тихоныча лѣтомъ, и какими маленьными, жалкими, убогими казались передъ нею

остальная семья причта! Его здоровыя, бодрыя, загорѣлныя, встававшія на зарѣ, дѣти съ мозолями на рукахъ—и изнѣженныя, вѣчно хилыя, всегда съ насморкомъ и золотухою дѣти священника и дьякона, проводившія чудные лѣтніе вечера на крыльцахъ и на скамеечкахъ маленькихъ палисадничковъ, въ обществѣ сестеръ кузинъ и вѣчно скучающихъ учительницъ, не замѣчавшія ни зари, ни заката, никогда не извѣдавшія на опытѣ тѣго удовлетворенія, тѣго мира душевнаго, какіе несетъ трудъ, ничего не знавшія, кромѣ пошлыхъ комплиментовъ учительницамъ да новыхъ, освободительныхъ разговоровъ, больше, впрочемъ, вращавшихся около критики семинарскаго инспектора. Они просыпались около 9 часовъ, до 10 и 11 пили чай, затѣмъ часа два лѣниво держали въ рукахъ книжки „Нивы“, затѣмъ обѣдали и спали послѣ обѣда... Послѣ вечерняго чая одѣвались получше и выходили гулять... на крыльцо.

Такъ и проходило ихъ лѣто.

Дѣти Тихоныча о дипломахъ не мечтали, хотя и шли въ семинаріи „перваками“, всею душой уважали и любили старика-отца, не стыдились его передъ товарищами, когда онъ въ смѣшной старомодной бекешѣ приходилъ зимою навѣщать ихъ въ семинарію; не стыдились его и впослѣдствіі, какъ постыдился своего старого отца, сельскаго батюшки, знаменитый докторъ, взявший жену изъ знати (въ разсказѣ Мамина-Сибиряка), и спрятавшійся отъ отца за оконный косякъ, выславшій швейцара сказать, что его нѣтъ дома. Старшій сынъ Тихоныча былъ впослѣдствіи довольно извѣстнымъ профессоромъ въ одномъ изъ духовно-учебныхъ заведеній. Сидя разъ въ кругу многочисленныхъ гостей на террасѣ при квартирѣ одного изъ своихъ сослуживцевъ и увида шедшаго по двору своего старого отца въ лапоткахъ и съ котомкой (старикъ зашелъ къ сыну по пути на бого molье), профессоръ не постыдился ни дѣйствительныхъ и иныхъ совѣтниковъ, ни ихъ женъ, разодѣтыхъ дамъ, съ юношескою живостью сорвался съ мѣста, бѣгомъ спустился съ террасы и съ радостнымъ восклицаніемъ: „Папа!“ бросился на шею къ своему старику-отцу.

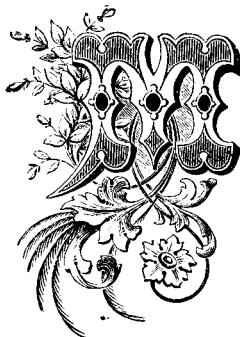
Это была должна дань старцу за то разумное воспитаніе, какое онъ, сельскій причетникъ, сумѣлъ дать своимъ дѣтямъ,— воспитаніе, въ основѣ котораго лежали глубокая, неподдѣльная религіозность и трудъ.

Николай Никитскій.

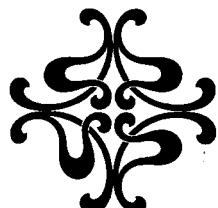

* * *

нѣ кажется, что небеса
Темнѣе съ каждою весною,
Что птицъ весеннихъ голоса
Звучать все новою тоскою.
Мнѣ кажется, старѣеть міръ,
Какъ самъ старѣю я, безсильный,
Что прошлой молодости пиръ
Лишь тризна надъ плитой могильной;
Что больше некого жалѣть,
Что все ушло со мною вмѣстѣ,
Что остается умереть,
Что на уныломъ этомъ мѣстѣ
Могилу роютъ для меня,
Что тамъ заснемъ и ты, и я!

К. М-скій.

Чужимъ светомъ.

(Наша книгоиздатели).

ОЧЕРКИ.

„Свѣтите чужимъ огнемъ и за это
благословить васъ Богъ“.
Изъ одной книги.

1.

ПРЕЛОДЫ.

Слово могучая сила. Недаромъ печать называется одной великихъ державъ.

Живеть вся тварь; жизнь даже камень
Таитъ въ себѣ... Но думъ полетѣ,
Восторгъ души и сердца пламень—
Лишь слово намъ передаетъ
Во всемъ величіи красивомъ,
Во всей понятной полнотѣ...
И по лѣсамъ, горамъ и нивамъ,
При яркомъ свѣтѣ, въ темнотѣ—
Несется слово, пробуждая
То гнѣвъ, то скорбь, то страсть въ крови;
И силенъ міръ, имъ выражая
Хвалу Творцу и гимнъ любви.

Слово понятно даже тому, кому недоступенъ языкъ красокъ и звуковъ, ибо живопись и музыка не можетъ сказать многаго, что выразить слово, которое именно передаетъ „во всей понятной полнотѣ“. Словомъ призываютъ на дѣла добра, любви, зовутъ ко Христу, и словомъ же призываютъ къ насилию, къ мятежу, зовутъ на служеніе демонамъ... Со словомъ прошли по землѣ апостолы, и со словомъ проходять по землѣ слуги антихриста. Одно слово сѣть добро, другое зло. Убивая человѣка, разбойникъ отнимаетъ только жизнь, а честовѣкъ, сбывающій зло словомъ, убиваетъ въ другихъ душу. И онъ вредище всякаго разбойника, ибо гибель души ужаснѣе гибели тѣла. Развращеніе души влечетъ и гибель тѣла. И справедливо въ Крыловской баснѣ „Сочинитель и разбойникъ“ вредный писатель наказывается строже разбойника. На свой ропотъ писатель слышитъ такой отвѣтъ:

Ты-ль Провидѣнію пеняешь?
И ты-ль съ разбойникомъ себя равняешь?
Передъ твоей—ничто его вина.
Онь вреденъ былъ,

Пока лишь жиль,
А ты... уже твои истлѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ:
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣть,
Но, разливалясь, вѣкъ отъ вѣку лютѣть.

Злое слово губить души людей не только одного поколѣнія, но и грядущихъ. Ренанъ умеръ, а его книга продолжаетъ отравлять сердца и души людей... Велика ответственность писателя, ибо могучая сила печатного слова. Но каюта справедливо вредного сочинителя, Крыловъ забылъ его пособника—вредного издателя. А русская поговорка вѣрно говорить: „не тотъ только воръ, кто воруетъ, но и тотъ, кто укрываетъ вора“. Виновать не только писатель за свое вредное слово, но виноваты и все тѣ, которые корыстно или по сочувствію его распространяютъ, то есть ответственны издатели вредныхъ книгъ.

Вредные книги всегда были. Но ихъ особенно много выбрасывалось на книжный рынокъ недавно, да много выбрасывается и нынѣ. Часто вышеупомянутая законность соблюдана—и книга, безусловно вредная, имѣть право на выходъ,—выходитъ и продается свободно. Издатель съ улыбкою говоритъ:

— Я не писатель, я купецъ, мое дѣло коммерческое. Выгодно—издаю. Виновать писатель—зачѣмъ пишеть!

Но это „воровская“ уловка. И правъ одинъ почтенный профессоръ, скавший, указывая на грязную книженку:

— Одинъ развратитель написалъ... А другой издалъ!

Почему издалъ?

— Дѣло выгодное-съ!

Конечно, не все такіе издатели, но такой взглядъ на издательство, какъ на дѣло *только коммерческое*—сильно распространенъ. Этимъ взглядомъ и объясняется то, что одинъ и тотъ же издатель выпускаетъ и духовный журналъ, въ которомъ превозносится о. Иоаннъ Кронштадтскій, печатаются его изречения,—и „красную“ газету...

— Это вы что же?

— Дѣло коммерческое!

И мнѣли газеты свои лозунги, смотря по минутѣ. Одни издатели на этомъ нажили капиталы, хотя, конечно, не соблюдили невинности, а другіе все равно прогорѣли. Сколько примѣровъ такого легкомысленного отношенія къ принципамъ! Нѣкто предполагалъ издавать „львию“ газету, ибо ему обѣщали „львиша“ субсидію. Но не далъ. Тогда нѣкто добился субсидіи у „праваго“ и сталъ издавать крайне-правую газету, обливая помоями „враговъ“.

— Вы это что же?

— А что? *Тотъ* не далъ... мнѣ все равно: изданіе дѣло коммерческое.. Еще „нѣкто“.

Обращается онъ къ „писателю“ (въ ковычкахъ, конечно) и говоритъ:

— Ну-ка, накатайте книжечку.

— Красную?

— Нѣть... теперь онѣ не тово... а послабѣе... да еще книжку въ другомъ духѣ... и такія нужны..

— Можетъ-быть, „житіе“?

— Съ „житіями“ пока погодите... еще туда..

Спустя нѣкоторое время „нѣкто“ говоритъ этому же писателю:

— А вальните-ка... еще патріотичную... „житіе“... что-то пахнуло... спрось начался. Наше дѣло коммерческое!

Принесъ „писатель“ (въ ковычкахъ) „житіе“.

— Ладно... а вы теперь и другую уже забористую... поскоромнѣе... ходко идутъ... Надо все... соображать: наше дѣло коммерческое!

Чуть не ежедневно печатный станокъ выкидываетъ скверныя и вредныя книженки. „Желтая“ пресса развращаетъ публику. Вместо просвѣщенія книга несетъ развращеніе. А издатели такихъ книгъ говоритьъ:

— Идуть-съшибко. Дѣло коммерческое-съ!

— Да вы же ранѣе иные издавали... хороши!

— Тогда тѣ шли... а теперь эти-съ... мы должны коммерцію держать... Просвѣщеніе дѣло писательское... а мы купцы...

Конечно, такой человѣкъ, которому все равно: газету издавать или трактиръ открыть—не пойметъ этической стороны дѣла, ибо для него *все* въ барышѣ. Но есть люди болѣе совѣстливые, которые, однако, тоже смотрѣть на издательство *только* какъ на предпріятіе торговое. Они думаютъ, что у нихъ и у писателя разныя задачи. Но развѣ только писатель является *отвѣтственнымъ*? Писатель пишетъ, а издатель *это писаніе* пускаетъ въ народъ. Если писатель свѣтить *своимъ свѣтомъ*, то издатель свѣтить *чужимъ свѣтомъ*. И если издатель пускаетъ въ массы читателей слово развратителя, что онъ его прямой сообщникъ. Издатель, какъ и писатель, служить или добру или злу.

Человѣкъ точетъ. Вы не можете его спасти, но вы призываєте другихъ и, взявъ чей-то фонарь, свѣтите ищущимъ въ рѣкѣ. Вы чужимъ фонаремъ помогаете спасающимъ. То же и въ издательскомъ дѣлѣ... Вы видите зло. Сами вы словомъ не можете бороться со зломъ. Но вы издаете книгу, направленную противъ зла, даете ходъ слову писателя, имѣющаго свѣтъ,—вы тоже боретесь со зломъ и свѣтите во мракѣ *чужимъ свѣтомъ*. У кого нѣть своего таланта служить родинѣ, но есть средства материальныя, тѣть пусть служимъ тѣмъ, что даѣтъ возможность писателю бороться словомъ. „Свѣтите чужимъ свѣтомъ и за это благословитъ васъ Богъ“. Если же вы, какъ издатель, пускаете въ оборотъ вредную книгу, вы помогаете злу. Не только убийца повиненъ, но и тотъ, кто далъ ему въ руки ножъ. Вѣдь безъ ножа онъ не могъ бы зарѣзать; значить—давший ножъ—тоже преступникъ. Пора это понять и не смотрѣть на издательство легкомысленно. Чисто коммерческий взглядъ является и причиною того, что часто прекрасная полезная книга не находить издателя, а скверная и вредная издается: первая не принесетъ большого и скораго дохода, а вторая пойдетъ ходко. Нѣкоторые издатели такъ набалованы, что если книга распродается три—четыре года, то уже они недовольны. Имъ нравится ходкія книги, а какія—все равно. Они не смущаются, что книга пустая, скверна: они вѣдь только купцы-издатели. Но они могутъ свѣтить и чужимъ свѣтомъ. И должны свѣтить... Мало дохода... Но вѣдь если книга идетъ тихо, то и писатель также терпить ущербъ. Онъ положилъ силы, знаніе, потратилъ время. Во имя долга, идеи онъ писаль. Отчего же во имя этого не обязанъ послужить родинѣ и издатель: писатель—талантъ, онъ—капиталъ,—писатель—своимъ свѣтомъ, онъ—чужимъ! Часто говорятъ: чудная книга, а не найти издателя: книга не ходкая. Но развѣ мало богатыхъ людей, бросающихъ деньги на вѣтеръ, для удовлетворенія своихъ прихотей? Эта болѣзненная мода на театры! Книга принесетъ гораздо больше пользы. Театръ интереснѣе для капиталиста, онъ пріятно нервируетъ. Но нельзя же все дѣлать только для себя. Надо и послужить народу. У насъ почти совсѣмъ не развито идейное издательство, издательство, какъ служба родинѣ, какъ выполненіе долга—свѣтить чужими свѣтомъ, бороться словомъ. И книга и журналъ—какъ просвѣтительное орудіе крайне нужны. Пора, сознавъ это,

людямъ капитала, какъ гражданамъ—выступить на дѣло просвѣщенія, не забо-
тясь только о барышахъ, какъ это дѣлаютъ торгашы, готовые издавать что
угодно, лишь бы книга шла ходко. Многіе думаютъ, что это не важная служба,
что издательство дѣло купеческое. Нѣть, издательство съ цѣлью просвѣщенія,
а не только наживы—дѣло почетное, ибо такой издатель хотя и чужимъ свѣ-
томъ, но свѣтить народу, служить родинѣ. Онь соратникъ писателя. Такъ пусть
же выходятъ на поприще издательства соратники писателя, пусть люди капи-
тала проникнутся чувствомъ долга и посвѣтять родинѣ чужимъ свѣтомъ. Они
могутъ сливаться въ общества, въ компаніи, разбиваться по специальностямъ
и способствовать развитию литературы, распространенію здороваго знанія и со-
дѣйствовать воспитанію общества, народа, помогая школѣ, церкви въ ихъ свя-
той миссіи. Такія идеинія издательства должны имѣть свои склады и магазины,
чтобы ихъ книги шли, ибо иначе торговцы—коммерсанты могутъ затирать ихъ
изданія. На все это нужны деньги и большія. Но развѣ ихъ нѣть? Развѣ нѣть
капиталистовъ, которые могли бы взять на себя такую святую задачу? Если
находятся деньги на поддержку театральныхъ затѣй, на изданіе произведений
писателей изъ желтаго дома, на всякия прихоти и безумства,—найдутся онѣ
и на организацію идеиныхъ издательствъ. Пора проснуться ото сна, лѣни и
вспомнить о долгѣ передъ народомъ и родиною. Мы катимся въ бездину. Нужна
борьба со зломъ и съ развращеніемъ, съ растленiemъ человѣческихъ душъ.

Навѣрное скажутъ: „но вѣдь идеинія издательства не могутъ быть одно-
родны по платформѣ“. Не всѣ одинаково смотрятъ на явленія жизни, и если
правые, умѣренные, вѣрующіе признаютъ одну книгу полезною, то лѣвые,
крайніе, невѣры—совсѣмъ другую. И тутъ будетъ борьба“.

И отлично. Борьба—жизнь. Я, конечно, взываю къ людямъ вѣрующимъ
и русскимъ по духу, но я понимаю, что и противники не будуть спать... Да
въ томъ-то и бѣда, что они-то, если хотите, и не спятъ. Спять и бездѣй-
ствуютъ именно тѣ, которые зовутъ себя патріотами, православными, национа-
листами и т. д. Слова еще не дѣло. Немало горячихъ словъ, а гдѣ дѣло? Гдѣ
идейные издательскіе союзы или идеиные издатели—сторонники церкви
и патріоты. Капиталисты среди нихъ много. Но они сидятъ на своихъ мѣш-
кахъ съ золотомъ и только говорятъ, да охаютъ.

„Платформы не одинаковы“. Пусть борьба, и) только идеиная, а не тор-
гашески-корыстная. Покойный Д. Ф. Касицынъ (да будетъ благословенна память
его) говорилъ:

— Объ этомъ изданіи я объявленія не помѣщу, потому что оно вредное
изданіе.

Это понятно и благородно.

Но многіе издатели теперь говорятъ:

— Объ этомъ изданіи мы не помѣстимъ объявленія, ибо оно... конкурентъ!

— Но оно выше по духу! Вашъ соратникъ!

— Тѣмъ болѣе—значить опасно: отобѣть, пожалуй, подписку.

По духу-то близко... да карману опасно... значить, врагъ!

Это уже торгашески-попло.

Одинъ издатель съ пѣной у рта накинулся на своего сотрудника:

— Вы похвалили журналъ г. N! Вѣдь это реклама... конкуренту!

— Какъ реклама? Развѣ я сказалъ неправду? Развѣ этотъ журналъ не
полезенъ? Не хороши?

— Да, но... онъ намъ мѣшаетъ... и наша цѣль убить его, а не поддер-
живать. Молчать надо о немъ во всякомъ случаѣ.

Это уже лавочка, а не служеніе словомъ родинѣ.

Да, пора проснуться капиталистамъ, пора имъ понять, что идеиное изда-
тельство—почетная служба родинѣ, литературѣ и что такие издатели достойны
благодарности наравнѣ съ писателями: и тѣ и другие свѣтятъ, только одни сво-
имъ, другіе чужимъ огнемъ. Не ваша вина, если вы не получили таланта
и потому свѣтите чужимъ свѣтомъ, но ваша вина, если вы получили богатство
и... не хотите содѣйствовать имѣющимъ *свой свѣтъ*: вы рабъ лѣнивый и лу-
ковый! *)

Нельзя сказать, чтобы у насъ не было совсѣмъ идеиныхъ издателей или
такихъ, которые если и преслѣдуютъ барышъ (до извѣстной степени это есте-
ственно и тутъ нѣть ничего дурного), то все же избѣгаютъ получать его на кни-
гахъ вредныхъ, хотя и ходкихъ. Вспомнимъ покойныхъ Солдатенкова, Павлен-
кова—издателей безусловно идеиныхъ. Солдатенковъ издалъ много прекрасныхъ
книгъ, которыхъ потому только и могли появиться на книжномъ рынке, что
издатель не имѣлъ въ виду барыша, а хотѣлъ посвѣтить чужимъ свѣтомъ.
„Платформа“—вопросъ иной. Также Павленковъ никогда ради выгоды не
издавалъ такой книги, которую онъ считалъ вредною или даже плохою. И есть
почтенные фирмы, которыхъ, ведя дѣло коммерчески, никогда не спускались
до наживы на ходкомъ, но разворачивающемъ книжномъ товарѣ.

Эти строки—вступительное слово, прелюдія къ этюдамъ о нашихъ книго-
издателяхъ, ***) такъ или иначе, въ той или иной степени служащихъ родинѣ,
свѣтящихъ „чужимъ свѣтомъ“. Поэтому я не буду останавливаться только на
идеиныхъ издателяхъ, въ родѣ Солдатенкова или Павленкова, но коснусь и дру-
гихъ, отмѣчая у нихъ службу „чужимъ свѣтомъ“ и уклоненіе отъ этого пути
на путь корыстной наживы. Я не буду держаться хронологической системы
въ силу разныхъ условій журнальной работы. Хронологическій характеръ
я оставлю до отд. изданія. Первый этюдъ я посвящаю Флорентію Федоровичу
Павленкову, который былъ не только издателемъ, но и авторомъ нѣкоторыхъ
изданныхъ имъ книгъ, т.-е. свѣтиль и чужимъ и иногда своимъ свѣтомъ. ***)

А. Кругловъ.

*) Замѣчается, къ прискорбю, такое явленіе: многіе издатели при на-
чалѣ своей дѣятельности проявляютъ большую корректность и желаніе свѣ-
тить чужимъ свѣтомъ. А затѣмъ—съ развитіемъ дѣла, богатства—они всѣ
уходятъ въ наживу, забывая о *служеніи* и цѣнѣ книги уже только по ея
ходкости. „Такъ заразительно вліяніе денегъ“—говоря словами одного про-
фессора.

**) О газетныхъ и журнальныхъ издателяхъ—буду говорить особо.

***) Этюдъ о Павленковѣ будетъ напечатанъ въ Ноябр. книгѣ.

Д. П. Варлыгинъ.

* * *

Ужъ нива срѣзана серпомъ
И пѣсня жаворонка спѣта,
И—близкой осени примѣта—
Лѣса пестрѣютъ янтаремъ.

Но увяддающее лѣто
Еще такъ радостно, свѣтло,
И съ неба чистаго тепло
Шлетъ солнце, полное привѣта.

И мнится, осени приходъ
Природа дружески встрѣчаетъ:
Пусть осень лѣто развѣнчаетъ,
Весна для лѣта расцвѣтѣтъ.

Д. Варлыгинъ.

„Счастливыхъ художниковъ нѣть, да и быть не можетъ. Счастье—покой, а покой ничего не создаетъ.“

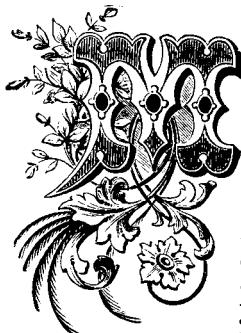
И. С. Тургеневъ.

Пережитое.

(Житейскія и литературныя воспоминанія.)

XI*).

Нѣ хочется сказать нѣсколько словъ о Феофанѣ Никандровичѣ Лермонтовѣ, погибшемъ такъ рано и такъ безплодно загубившемъ свои недюжинныя способности. И сколько такихъ молодыхъ силъ погублено на почвѣ политического увлеченія, между тѣмъ какъ, при иныхъ условіяхъ, все эти сильные и способные люди могли бы принести большую пользу народу, о которомъ искренно болѣли и которому служили фанатически, но не такъ, какъ нужно. Очень хорошо выразился о Лермонтовѣ (а это примѣнно и ко всѣмъ) одинъ вологодскій профессоръ семинаріи: — Вѣдь вотъ человѣкъ: умный, способный... могъ бы вести „поѣздъ“, а взялъ да и сталъ на рельсы: сверну въ сторону локомотивъ! Ну.. и раздавили!

Да, это былъ выдающійся умъ, олицетвореніе сильной воли, упорной, желѣзной энергіи... Ф. Н. любилъ математику, увлекался ею не менѣе, чѣмъ политикой, которая все-таки перетянула къ себѣ его симпатіи... Крѣпостной человѣкъ, самъ приготавившій себя къ сдачѣ экзамена, изучившій три языка настолько, что владѣлъ имъ въ совершенствѣ,—Лермонтовъ могъ бы явиться на любомъ поприщѣ выдающимся дѣятелемъ, но увлеченіе политикой, обусловливаемое между прочимъ его словною озлобленностью, толкнуло его на поприще агитации, и онъ погибъ, не сдѣлавъ ничего для того народа, изъ среды ко-

*) См. „Дневникъ Писателя“, 1908, Іюль—Августъ, стр. 40.

тораго вышелъ, за который скорбѣлъ, всей душей своей чувствуя его „вѣковое унижение“... О. Н. не разъ говорилъ:

— Вѣдь это (крестьянская жизнь)—тьма и грязь. Нужно дать мужику свѣтъ... волю... И онъ создастъ себѣ иную жизнь.

Вѣрно отмѣчая фактъ, онъ избралъ невѣрный путь для своей цѣли. Онъ забылъ, что народу прежде всего нужно просвѣщеніе, нуженъ свѣтъ. Когда деревня просвѣтится, она скажетъ сама свое слово, и какое оно будетъ—этого предугадать нельзя. Но это будетъ ея, дѣйствительно, сознательное слово, а не тѣ фразы, которыя мужикъ, наивистанный, распропагандированный агитаторами, повторяетъ, какъ попугай. Надо мужика поднять, а не искусственно ставить его на ходули. Отъ этого онъ выше не будетъ. Но Лермонтовъ отвергъ мирный путь, службу народу въ роли ученаго, просвѣтителя, писателя, государственного дѣятеля, избравъ путь политического борца и при томъ желавшаго не пробудить, а возбудить народъ, не поднять его умственно и духовно, а поднять его какъ стихійную силу. Является вопросъ: какъ онъ могъ пойти ложной дорогою, облашая большими умомъ и знаніемъ народной массы? Отвѣтъ одинъ: его толкнула обида, которою болѣла его душа, несомнѣнно благородная, ибо какъ человѣкъ—это былъ хороший, добрый и при сильной волѣ не лишенный душевной мягкости. Иногда политическими дѣятелями двигаетъ тщеславіе, корысть—и тогда больши́е умы сбиваются, отуманенные этими чувствами. О. Н. не былъ тщеславенъ и лично ничего для себя не добивался. Если бы онъ родился и выросъ въ иныхъ условіяхъ, онъ навѣрное бы пошелъ другимъ путемъ и въ лицѣ его мы имѣли бы выдающагося ученаго или общественнаго дѣятеля. А теперь онъ погибъ—и невольно жалко его и того, что его силы безплодно пропали... Всѣ, кто встрѣчался съ нимъ—отзываются о немъ хорошо, почти очарованные его личностью. Напр., П. В. Засодимскій пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „судьба столкнула меня съ замѣчательными личностями...“ И первымъ названъ О. Н. Лермонтовъ*). Старый романистъ называетъ О. Н. „человѣкомъ съ большими организаторскими способностями, самоотверженно преданнымъ идеѣ, не жалѣвшимъ для дѣла себя и другихъ“. Совершенно вѣрно. Жаль только, что благородная идея была ложна, какъ ложенъ и путь для ея осуществленія, и что Л. сгубилъ не только себя, но и многихъ другихъ, подчинившихся сильной волѣ и уму своего вождя. Покойный Куклинъ всего разъ видѣлъ Лермонтова и сказалъ:

— Это силища... только на что она пойдетъ? Если бы настройку!

Но она пошла на разрушеніе, она избрала путь насилия. Насиліе никогда не приводить къ добрымъ результатамъ. Даже насилие во имя свободы, ибо это насилие помимо всего есть уже оскорблѣніе свободы. И никогда обида, озлобленіе не помогали видѣть правду, а лишь туманили умъ. Погибъ О. Н. Лермонтовъ, погибло много молодыхъ силъ... И всѣмъ имъ можно сказать:

*) „Изъ воспоминаній“, стр. 209.

Вы много и сильно любили,
Вы много и сильно желали,
Но вѣчно чужими вы были
Для тѣхъ, за кого вы страдали.
На утренней зорькѣ разбиты,
Вы смолкли—бойцы молодые...
И ваши могилы забыты
И вы для народа чужие.
Вы много и сильно желали,
Вы много и сильно любили,
Но духа народа не знали,
Но Бога его позабыли.

Да, одни не знали, а другие, безумно мечтая, рѣшили, что смогутъ своей правдой замѣнить народу его правду... И тѣ и другие забыли Бога, и разбились „о камень“, на который упали... Безумцы и теперь думаютъ, что можно безъ Божьей правды и безъ Бога спасти народъ и дать ему счастье... Нѣтъ, безъ этой правды можно только развратить народъ, сдѣлать его звѣремъ и подвигнуть на „иллюминації“ и разгромы... Но это ли счастье? Это ли свобода? Это ли подвигъ? И особенно жаль тѣхъ, которые могли бы быть настоящими подвижниками на поприщѣ служенія родинѣ, но являются только безумными мечтателями и въ стремлѣніи къ благу приносять только вредъ себѣ и другимъ. Я говорю о честныхъ безумцахъ, а не о фальсификаторахъ въ этой области, каковые были всегда и которыхъ не мало нынѣ.

Этими строками я закончу свои замѣтки о Т. Н. Лермонтовѣ.

XII.

Осенью 1870 года я познакомился съ Одинцовыми, служившими въ земствѣ. Это былъ человѣкъ очень развитой, либеральный въ хорошемъ значеніи этого слова. Онъ корреспондировалъ въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ Корша, что поднимало его въ глазахъ молодежи, у которой газета Корша пользовалась сочувствіемъ („Голосъ“ считался газетой бюрократической). При первой же встречѣ Одинцовъ сказалъ мнѣ:

— Отчего вы не корреспондируете? Честный корреспондентъ—полезная сила. Стойте на стражѣ общественныхъ интересовъ, служите правдѣ, бичуйте безтрепетно все, что заслуживаетъ обличенія, будите спящихъ! Вы молоды, даже юны еще... первомъ владѣете... Будьте пѣтухомъ, поющимъ на зарѣ, мѣшающимъ спать болоту!

Такая роль мнѣ показалась заманчивой. Я написалъ первую корреспонденцію, посвятивъ ее педагогическимъ курсамъ и ремесленному училищу. Корреспонденція вышла обстоятельная и я послалъ ее въ „Русскую Лѣтопись“, издававшуюся въ Москвѣ Неручевымъ и М. П. Щепкинымъ, подписавшись подъ статьей А. Бишелеевскимъ. Я не просилъ гонорара, а выра-

зиль только желаніе получать газету. Недѣли черезъ три пришло письмо отъ Шепкина, который назвалъ мою корреспонденцію „богатой по содержанію и прекрасной по изложенію“ и просялъ писать впередъ, добавляя: „газета вамъ посылается. За дальнѣйшія корреспонденціи и статьи будете получать по 3 коп. со строки“. Еще недѣля—и я получилъ № съ моей корреспонденціей. Стояла подпись А. Бишевской, но я читалъ: А. Кругловъ, и мнѣ казалось, что всѣмъ извѣстно, кто такой Бишевской. Это меня радовало: моя общественная служба началась и удачно, ибо всѣ читавшіе корреспонденцію называли ее яркой. Обществу она очень понравилась. Я послалъ вторую корреспонденцію. Ее тоже помѣстили и очень скоро. Однако, гонорара не высыпали. Но это меня не тревожило. Я не о деньгахъ и думалъ, я былъ радъ, что служу путемъ печатнаго слова... „Рус. Лѣтопись“, какъ органъ прогрессивный и серьезный, имѣлъ вѣсъ и значеніе, хотя былъ не особенно распространенъ.

Зимою 1870 года я написалъ сатирическій разсказъ „Роковое слово“. Его фабула не выдумана,—я взялъ фактъ, только слегка пріукрасивъ его. По совѣту того же Одинцова я послалъ разсказъ въ „Искру“, возобновленную В. С. Курочкинымъ.

— Назначьте гонораръ,—совѣтовалъ Одинцовъ.

Но я не рѣшился: говорить о деньгахъ съ Курочкинымъ! Пусть самъ назначить, сколько хочетъ.

Я съ замираниемъ сердца сдалъ пакетъ на почту. Пріемщикъ прочиталъ адресъ и промолвилъ съ улыбкой:

— Обличаете насъ?

— Нѣтъ, это не то...—смузено сказалъ я.

— Знаемъ-съ!.. Курсы и „ремесленку“ здорово щелкнули! И вѣрно!

— Вы почемъ знаете?

— Ну, вотъ еще... Вѣдь вы же въ „Рус. Лѣтопись“ посыпали и мнѣ же сдавали пакетъ! Да въ городѣ всѣ знаютъ...

Очевидно, разболтали тѣ, которымъ я признался въ авторствѣ.

Я покраснѣлъ и поспѣшилъ удалился изъ почтовой конторы. Но на улицѣ я оправился отъ смущенія и мнѣ стало досадно, что я не оборвалъ чиновника.

Прошло болѣе мѣсяца—отвѣта изъ „Искры“ не было. Я рѣшилъ, что разсказъ не приняли, какъ вдругъ получаю письмо изъ редакціи. Хорошо помню, что это было въ праздникъ. Письмо мнѣ передала няня. Она въ послѣднее время ворчала, что я подолгу сижу ночами.

— Ну, чего себя изводишь... и свѣчи жжешь и здоровью вредишь... Да и днемъ все за писаніемъ... какой прокъ?

— Буду деньги получать, погоди!

— Жди... кто дастъ тебѣ за маранье. Не должностъ! Не казенные бумаги.

— Важнѣе казенныхъ бумагъ!

— Сказывай! Сочинители все бѣдные... на чердакахъ мрутъ... барышни читала, сама слышала...

Подавая мнѣ письмо, няня сказала:

— Отъ кого это?

— Изъ редакціи.

— Это начальство твое, что ли? Ну, что же тебѣ пишутъ?

— Вотъ прочту и узнаю,—отвѣтилъ я, а сердце сильно стучало въ груди. „Какой-то отвѣтъ!“ думалъ я, разрывая конвертъ.

Писалъ не Василій Степановичъ Курочкинъ, а нѣкто Леонтьевъ, бывшій отвѣтственнымъ редакторомъ. Онъ увѣдомлялъ, что разсказъ принять, очень понравился редакціи и мнѣ назначенъ гонораръ—4 к. за строку. „На этихъ условіяхъ,—заключалъ Леонтьевъ,—можете работать и впредъ... „Искру“ будете получать, если станете писать и далѣе“.

Я былъ счастливъ.

— Ну, приняли!—сказалъ я, сияя.

— Что: сочиненіе твое?

— Да, да... и 4 к. за каждую строку!

— И не врешь? Я вѣдь не прочту... говори что угодно.

— Спроси сестру... на вотъ письмо.

— Ладно, ладно... Тогда пиши больше... И матери подсобіе и себя одѣнешь на свои деньги. А служба все же лучше: казенное дѣло и чины...

„Роковое слово“ было помѣщено въ 1 № „Искры“ за 1871 годъ. Разсказъ произвелъ сенсацію и хотя былъ подписанъ псевдонимомъ (Глуповскій Обыватель), но всѣ узнали, кто авторъ. Да я и не скрывался. Разсказъ понравился и моимъ друзьямъ и особенно Андрею Николаевичу Николаеву, фельдшеру, съ которымъ я незадолго передъ этимъ познакомился. Это былъ человѣкъ свѣтлого ума, энергичный, начитанный. Еголюбилии уважали крестьяне, которые ему вѣрили болѣе, чѣмъ врачу. Андрей Николаевичъ выписывалъ много журналовъ, книгъ. Я часто ходилъ къ нему, хотя онъ жилъ въ Прилукахъ, въ 5 верстахъ отъ города. Мы читали, спорили и, если я оставался ночевать, то мы ложились спать не раньше 3, 4 часовъ утра... Потомъ Николаевъ куда-то уѣхалъ и я потерялъ его изъ вида. Гдѣ онъ нынѣ—я не знаю.

— Ну,—сказалъ Николаевъ,—теперь ты настоящій писатель... „Искра“, братъ, журналъ не такъ себѣ... литки съ тебя!

— Какіе?

— А вотъ такие... давай карточку... снимись... а то потомъ станешь важнымъ и не дашь пожалуй!

Онъ засмѣялся.

Я снялся и мы обмѣнялись карточками. Помню, я принесъ ему фотографію, когда онъ отпускалъ больныхъ. Руки у него были въ касторкѣ. Онъ спокойно облизалъ ее и поздоровался.

Я замѣтилъ:

— И не противно тебѣ касторку лизать!

А. Н. Николаевъ.

— Пустяки! Я могу съ хлѣбомъ ѿѣсть... Привыкъ, братъ! Я сталъ сотрудничать въ „Искрѣ“. Печатали, но денегъ не посылали... Изъ-за одной обличительной корреспонденціи меня чуть не выслали изъ Вологды. Я хотѣлъ было описать и это „гоненіе“ на меня, но — „Искра“ прекратилась.

— Что же тебѣ денегъ-то не посылаютъ? — спрашивала няня.

— Писалъ я... не шлютъ!..

— И совсѣмъ, видно, не пришлютъ?

— Не знаю... Должны... Прекратилось вотъ изданіе-то...

— Стало-быть, и конецъ всему!.. Ну плохая у тебя должностъ... не то, что служба: тамъ вѣрныя денежки!.. Лучше готовься на учителя... да по отцу иди... вотъ и Саша Воронецкій (мой двоюродный братъ) учителемъ служить...

— Не хочу я служить...

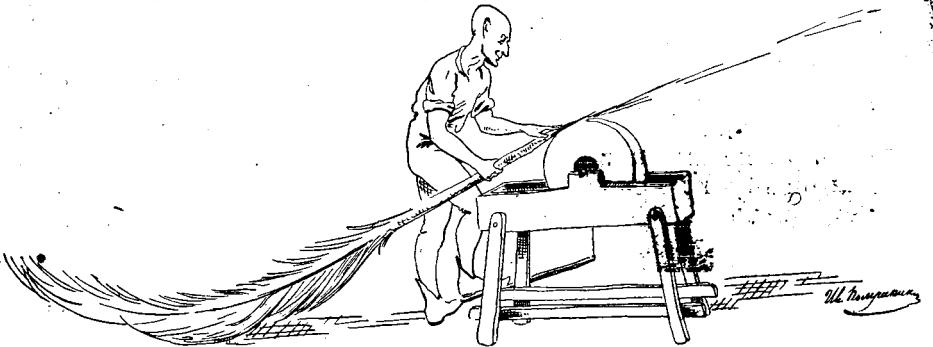
— А сочинительствомъ и не прокоришь себя... Хорошо, пока у матери живешь... а дальше какъ?

И няня сокрушенno покачала головою.

Я написалъ сейчасъ эти слова няни и думаю: какъ они знаменательны!.. Да, потомъ мнѣ не разъ, въ первые дни моей самостоятельной жизни, приходилось вспоминать эти слова. Тяжела была борьба съ невзгодами и, если я все перенесъ, то между прочимъ и потому, что окрѣпъ за годы беззаботной жизни подъ роднымъ кровомъ. Въ эти беззаботные годы я могъ много читать, подготовляться къ той работѣ, которая ждала меня впереди. Да будутъ благословены эти годы, согрѣтые любовью и заботами матери, няни и моей старшей сестры!

А. Кругловъ.

Роковое слово.

(РАЗСКАЗЪ).

рекомендаем читателям взять, какъ говорится, прямо изъ жизни нашего городка. Гдѣ этотъ городокъ, въ какой полосѣ Россіи и подъ какимъ названіемъ значится на картахъ государства Россійскаго—читателю знать не надо. Пусть будетъ это городъ Глуповъ—нарицательное имя, чрезвычайно удачно придуманное Щедринымъ для нашихъ провинціальныхъ городовъ.

Въ нашемъ Глуповѣ, какъ и во всякомъ Глуповѣ, есть почтмейстеръ; у нашего глуповскаго почтмейстера, какъ и у большей части глуповскихъ почтмейстеровъ, есть жена; эта жена нашего глуповскаго почтмейстера—не въ примѣръ женамъ вообще глуповскихъ почтмейстеровъ—молодая, образованная, развитая, симпатичная женщина. Кто ее знаетъ, гдѣ и какъ она училась, только вышла изъ нея барынья: мужу на утѣшеніе, дѣтямъ въ назиданіе и обществу—надо бы сказать—на пользу и удовольствие, если бы только ей пришлось жить въ обществѣ, а не въ глуповской средѣ.

На счастье нашей почтмейстерши, однако, въ Глуповѣ сгруппировался кружокъ порядочныхъ людей: молодой городской врачъ, двое изъ учителей уѣзднаго училища, судебный слѣдователь, да только что кончившій курсъ въ университетѣ молодой человѣкъ, пріѣхавшій къ роднымъ отдохнуть отъ усиленныхъ занятій. Разумѣется, нельзя было этимъ людямъ не сойтись и не сблизиться; ну, и сблизились и собирались проводить время у почтмейстерши, потому что всѣ они были холостяки. Все шло какъ слѣдуетъ, кружокъ почтмейстерши былъ доволенъ; почтмейстерша была счастлива; въ Глуповѣ про почтмейстершу сплет-

ничали; почтмейстерша на сплетни не обращала вниманія. Самъ почтмейстеръ весь вечера просиживалъ въ клубѣ.

О чёмъ говорили, собираясь у почтмейстерши, сказать трудно, потому что говорили обо всемъ, кроме городскихъ сплетенъ. Это-то и погубило кружокъ.

Собрались какъ-то разъ, да кому-то, чуть ли не самой почтмейстершы, и приди въ голову сказать:

— А что, господа, если бы намъ сложиться да выписывать, ну, хоть два журнала, а не соберемъ денегъ на два — такъ одинъ? Читать можно вслухъ тѣ статьи, которыя поинтереснѣе, а потомъ и поговорить о нихъ. Потолкуемъ такъ полушутя, полу серьезно, а потомъ, когда случатся дамы, и попляшемъ подъ фортепиано.

Всѣ ухватились за эту мысль и къ концу вечера условились со слѣдующаго же воскресенья собираться у почтмейстерши для чтенія, только не пугать никого названіемъ этихъ собраній литературными вечерами.

Подписька на выписку журнала немедленно открыта, собрано 17 р. и рѣшено предложить участвовать въ подпискѣ и другимъ глуповцамъ, кто пожелаетъ.

Ну, и начались собранія у почтмейстерши. Собрались въ одно воскресенье и читали какую-то статью изъ журнала, привезенного съ собою бывшимъ студентомъ. Потомъ потолковали, поспорили, пошумѣли при открытыхъ окнахъ и разошлись. Собрались на второе воскресенье — принесъ кто-то одинъ изъ томовъ сочиненій Бѣлинскаго — снова читали и опять спорили, шумѣли и разошлись въ надеждѣ, что къ будущему воскресенью придетъ книжка выписанного журнала.

Но въ промежутокъ между вторымъ и предполагаемымъ третьимъ воскресеньемъ произошло нѣчто, разрушившее воскресные собранія у почтмейстерши.

Это нѣчто состояло въ слѣдующемъ и произошло вотъ какъ.

Штатный смотритель глуповского училища возымѣлъ желаніе собрать у себя гостей какъ разъ во второе воскресенье почтмейстерши. Приглашаетъ онъ одного изъ двухъ учителей, посѣщавшихъ почтмейстершу; тотъ отказывается.

— Отчего же вы не хотите у меня быть?

— Не не хочу, а не могу.

— Почему же не можете?

— Такъ... знаете... не совсѣмъ здоровъ... намѣренъ принять въ воскресенье лѣкарство.

Штатный смотритель обидѣлся, — да это куда бы ни шло, а то на грѣхъ случись вотъ что. Въ понедѣльникъ супруга штатнаго смотрителя объявила ему, что учитель Гаврилинъ не хотѣлъ быть у нихъ въ воскресенье потому, что онъ по воскресеньямъ бываетъ на сходкахъ у почтмейстерши.

Услыхавъ это, штатный смотритель вскочилъ съ постели, какъ сидѣлъ на ней, т. е. въ одной рубашкѣ и въ одномъ сапогѣ, который успѣлъ передъ этимъ надѣть, схватилъ за руку

дрожайшую половину, уже направившуюся было въ кухню, притащилъ ее на средину комнаты, поставилъ лицомъ къ свѣту, уставился на нее своими глазицами, да какъ крикнетъ:

— Ты что это сказала? Какое это слово ты выговорила? Ну, говори, что же ты молчишь? Да говори же, если не хочешь меня съ ума свести или въ могилу уложить.

Смотрительша совсѣмъ обомлѣла и не могла рта разинуть, не понимая, что такое попрічилось съ ея всегда смирнымъ супругомъ. Но когда она почувствовала, что ея плечу грозить опасность отъ сострясеній, которыя дѣлалъ смотритель, дергая ее за руку, такъ она завопила благимъ матомъ.

— Батюшки, Иванъ Прокофьевичъ! Помилуй, Христа ради! Что съ тобой, боленъ ты, что ли, родимый, не послать ли за докторомъ?

— Тесь! Глупая женщина! Молчи! Или нѣть! Тьфу! Говори, повтори, какое слово ты сказала?

— Да которое, Иванъ Прокофьевичъ? Вѣдь я много ихъ сказала?

— Одно, только одно—то, которое самое-то страшное...

Смотрительша начала было уже выть. „Иванъ Прокофьевичъ рехнулся“,—думала она.

— Замолчишь ли ты, глупая женщина! Нѣть! Тьфу! Скажешь ли ты мнѣ, повторишь ли ты это проклятое слово?

— Да какое же слово-то, Иванъ Прокофьевичъ?

— То самое, что про почтмейстершу сказала.

— Это ты про сходки-то что ли?—наугадъ хватила смотрительша.

Штатный смотритель, едва услыхалъ опять это слово, какъ бросиль руку смотрительши, схватилъ себя за волосы и уже совершенно, какъ сумасшедшій, забѣгалъ по комнатѣ, повторяя на всѣ лады и интонаціи: сходки, сходки, сходки!

Несчастный смотритель стональ, принимался плакать, становился передъ образомъ и просилъ Бога помиловать его, смотрителя, въ виду того, что у него жена, дѣти. Смотрительша проклинала и себя, что сказала такое страшное слово, кляла и кухарку, которая рассказала ей, что у почтмейстерши собираются школьные господа, въ свою очередь начинала стонать и плакать, не сознавая, однако, что собственно въ этомъ словѣ такого, что могло повергнуть ея супруга въ отчаяніе. Дѣти тоже плакали, кухарка начинала подвывать барынѣ, словомъ, въ домѣ происходилъ страшный переполохъ, какъ вдругъ къ большому несчастію явился почтальонъ и подалъ смотрителю расписную книжку, со вложенными въ нее казеннымъ пакетомъ на имя штатнаго смотрителя. На пакетѣ была надпись: секретно.

Во всю двадцатилѣтнюю дѣятельность на педагогическомъ попришѣ Иванъ Прокофьевичъ не получалъ ни разу отъ своего начальства пакетовъ съ такой надписью; понятно, слѣдовательно, какъ на него должна была подействовать эта надпись, прочтенная подъ вліяніемъ нравственнаго состоянія, въ которомъ онъ находился. Она не отвратила мыслей Ивана Прокофьича отъ

рекомендованного слова, охватившаго его всецѣло, но спутала его окончательно. Онъ продолжалъ соваться по комнатамъ, съ конвертомъ въ рукахъ, не рѣшаясь его распечатать, продолжалъ стоять и повторялъ уже не одно слово сходки, а въ перемежку со словомъ „секретно“.

— Да распечатай ты пакетъ-то, Иванъ Прокофьевъ,—рѣшилась промолвить штатная смотрительша.

Штатный смотритель посмотрѣль на штатную смотрительшу какъ-то дико; поднялъ конвертъ выше головы, повернулъ его надписью къ смотрительшѣ и, помолчавъ съ минуту, произнесъ торжественно: „Секретное! Удались, я долженъ оставаться одинъ!“

Штатная смотрительша было усомнилась оставить супруга въ такомъ настроеніи одного, но штатный смотритель повторилъ приказаніе съ большею строгостью и прибавкою словъ: „глупая женщина“, и глупая женщина удалилась, уведя съ собою и дѣтей.

Оставшись одинъ, смотритель посмотрѣль съ минуту на страшную надпись, потомъ медленно и нерѣшительно изломалъ казенную печать; его ударило въ дрожь. Руки не слушались и бумага не безъ труда увидѣла свѣтъ Божій.

Судите сами, что было съ штатнымъ смотрителемъ, когда онъ, наконецъ, прочель бумагу, оказавшуюся предписаніемъ начальства. Въ бумагѣ указывалось на то, что вредныя идеи проникаютъ и въ ту среду, въ умы тѣхъ лицъ, кои призваны воспитывать юношество, а потому предписывалось строго слѣдить и принимать мѣры противъ всякихъ собраній и сборищъ, съ цѣллю и проч. и проч.

Что послѣдовало за прочтеніемъ такой бумаги, пусть, повторяю, читатель самъ представляетъ себѣ, ручаюсь только за одно, что какъ бы ни было пылко и игриво его воображеніе, ничего близкаго къ дѣйствительности оно не создастъ. Сходки! Секретно! Принять мѣры! Принять секретно! Секретно сходки! Принять сходки! Секретно мѣры.. Все это къ вечеру такъ перепуталось въ головѣ штатнаго смотрителя, что онъ рѣшительно не могъ уже сообразить, что собственно ему предписываетъ начальство: мѣры ли принять, или секретно сходки устроить.

Штатный смотритель забылъ про утренній чай, почти не обѣдалъ и, утомленный внутренней борьбой, свалился на постель часовъ въ шесть вечера, заснувъ крѣпкимъ сномъ. Проснувшись на другой день ранѣе обыкновеннаго, смотритель вспомнилъ о почтмейстершѣ и полученной бумагѣ; перечиталъ послѣднюю и уразумѣлъ наконецъ, что ему слѣдуетъ „принять мѣры“ противъ „сходокъ“... Но гдѣ онъ? Конечно, у почтмейстерши! Сообщивъ, что почтмейстерша ему не подчинена, онъ рѣшилъ начать съ своихъ непосредственныхъ подчиненныхъ—учителей.

Было шесть часовъ утра, когда штатный смотритель, облекшись въ вицъ-мундиръ и надѣвъ на голову картузъ съ кокардой, отправился къ тому самому учителю Гаврилину, который отказался быть у него въ воскресеніе подъ предлогомъ нездоровья. Штатному смотрителю онъ казался опаснѣе другого

учителя, во первыхъ, потому, что онъ былъ учитель русскаго языка и исторіи, слѣдовательно, чуть-чуть не литераторъ, а въ подобныхъ случаяхъ, какъ ему, штатному смотрителю, было известно, слѣдуетъ прежде всего браться за литераторовъ, и во вторыхъ, потому, что злоумышленіе этого учителя ему представлялось совершенно яснымъ и доказаннымъ: отказываясь быть у своего начальника въ одно изъ воскресеній, онъ скрылъ настоящую тому причину.

Приходитъ штатный смотритель къ учителю Гаврилину и застаетъ его спящаго сладкимъ утреннимъ сномъ.

Смотрителю стоило не малаго труда разбудить этого злорвѣднаго нигилиста, какъ онъ его мысленно называлъ.

— Иванъ Прокофьевичъ!—воскликнулъ Гаврилинъ, увидѣвшіи штатнаго смотрителя такъ рано въ своей квартирѣ, и едва удержался отъ смѣха: штатный смотритель въ хлопотахъ, вместо своей манишки, надѣль женинъ воротничекъ.

Штатный смотритель долго ходилъ по комнатѣ, не зная, какъ приступить къ дѣлу.

— Послушайте,—началъ онъ наконецъ,—вы знакомы съ Марьей Григорьевной?

— Знакомъ... да вѣдь вы не одинъ разъ бывали у нея вмѣстѣ со мною.

Смотрителя передернуло.

„Вотъ бѣда-то, — подумалъ онъ,—чего добраго дойдетъ до начальства, скажутъ, что и я бывалъ на сходкахъ.“

— Ну, да, ну, да, я знаю; но собственно говоря... Э-э... собственно говоря, я спрашиваю не про такое, такъ сказать, домашнее знакомство.

— Я васъ не понимаю, Иванъ Прокофьевичъ. Про какое же знакомство вы говорите? Марья Григорьевна честная женщина, да я же одинъ никогда у нея не бываю.

— Нѣтъ, нѣтъ... не то... а...

— А что же?

— Я говорю про ваши сходки у нея,—брякнулъ вдругъ штатный смотритель.

— Сходки! Какія сходки?

— Э, полноте!.. я уже все знаю... все, все... понимаете ли, все знаю! И не я одинъ знаю, а и начальство знаетъ, и...

— Что вы знаете, мнѣ неизвѣстно, но смѣю васъ увѣрить, что никакихъ сходокъ не существуетъ. Успокойтесь, пожалуйста.

— Не существуетъ сходокъ? Да? Ну, а зачѣмъ вы ходите къ почтмейстершѣ по воскресеньямъ? а? говорите, зачѣмъ?

— Затѣмъ же, зачѣмъ ходите къ ней и вы, хоть не по воскресеньямъ.

— Э, э, э... ну, я совсѣмъ другое... Я не по воскресеньямъ... я, я... Да не во мнѣ дѣло, а зачѣмъ ходятъ къ ней и тѣ, другие-то?

— А ужъ вы ихъ и спросите... Я думаю, впрочемъ, они скажутъ вамъ то же, что и я.

— Такъ вы не сознаетесь?.. Вы... вы продолжаете записаться? Вы упорствуете?

— Я не попимаю, право, наконецъ, что это съ вами сдѣлалось, Иванъ Прокофьевичъ?

— Что сдѣлалось? А вотъ что: вы, вы тамъ составляете ассоціаціи, запрещенныя закономъ, вотъ что... Я вашъ начальникъ... мнѣ придется отвѣтить. А отвѣтить за васъ не желаю... у меня, сударь, жена, дѣти... Скажите мнѣ откровенно,—начальникъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, штатный смотритель,—что вы затѣваете съ почтмейстершой?

— Да право-же, ровно ничего.

— Да вы не скрываетесь! Я могу васъ защитить... Я знаю... Вы устраиваете сходки!

— Да кто вамъ, Иванъ Прокофьевичъ, наплелъ этотъ вздоръ?

— Никто не плелъ-сь, милостивый государь,—начальникъ, снова горячасъ, штатный смотритель,—а вы, вы, вы лжете, смѣю вамъ доложить! Ну, зачѣмъ вы, напримѣръ, выписываете журналъ? А, а? Зачѣмъ?

— Да затѣмъ, чтобы читать,—разсмѣявшись, отвѣчалъ Гаврилинъ, который не имѣлъ силы разсердиться, видя предъ собой уморительную фигуру штатнаго смотрителя.

— Читать! ну, и выписывали бы!

— Мы и то выписываемъ!

— Вмѣстѣ? Всѣ?

— Что же тутъ страшнаго?

— Ахъ, Боже мой!.. да развѣ вы не знаете, что закономъ запрещены всякия ассоціаціи... Нѣть, ужъ вы какъ хотите... да, да, вы ужъ лучше со мной не ссорьтесь, ходить въ гости—ходите, а сходокъ ни, ни! Это воспрещено!.. да-сь, не позволено... долго ли до грѣха! Нѣть, ужъ пожалуйста... а то я донесу начальству...

— Да вѣдь...—начальникъ было Гаврилинъ.

— И не говорите, не позволю!.. Сейчасъ донесу его превосходительству. Сейчасъ!

Сказавши еще нѣсколько угрозъ, смотритель выбѣжалъ изъ квартиры Гаврилина, намѣреваясь направиться къ другому виновнику, но на улицѣ онъ встрѣтился съ исправникомъ и счелъ за благо немедленно же принять мѣры противъ почтмейстерши. Онъ наскоро объяснилъ блюстителю порядка въ чемъ дѣло и заключилъ словами:

— Зло надо пресечь въ самомъ начальникѣ! Иначе...

— И, и... Боже сохрани!—перебилъ исправникъ.

Оба отправились къ почтмейстершѣ, которую и застали за чаемъ, окруженнуя дѣтьми.

— А, Иванъ Прокофьевичъ! Герасимъ Петровичъ! Что вы такъ рано?—удивленно промолвила Марья Григорьевна.

— А развѣ еще очень рано?—освѣдомился, покраснѣвъ немногого, исправникъ.

— Да только еще восьмой часъ,—улыбнувшись, отвѣтила Марья Григорьевна.

— Да, да, да... точно, еще восьмой часъ... Да-съ, только мы вѣдь къ вамъ по дѣлу,—сказалъ какъ-то таинственно смотритель и указалъ при этомъ глазами на дѣтей.

— Выходите, дѣти,—сказала Марья Григорьевна, нѣсколько изумившись торжественности вступленія.

— Скажите, э, э... что это у васъ бываетъ по воскресеньямъ?—началь смотритель, безжалостно комкая свой картузъ съ кокардой.

— По воскресеньямъ? Ничего!

— Нѣть, вы пожалуйста ужъ не скрывайтесь... Мнѣ вѣдь все известно, я знаю, что мои подчиненные ходятъ къ вамъ и составляютъ... такъ сказать, сходки... и... и разсуждаютъ о политическихъ предметахъ...

— О!—улыбнувшись, начала было Марья Григорьевна.

— О незаконныхъ предметахъ,—перебилъ ее штатный смотритель,—и дѣлаютъ закономъ запрещенные ассоціаціи.

Смотритель остановился и оглянулся на исправника, желая побудить его къ принятию участія въ производствѣ дознанія.

Исправникъ понялъ взглядъ и заговорилъ тоненькимъ голосомъ.

— Да-съ, да-съ... сходки не могутъ быть терпимы въ благоустроенномъ государствѣ; это, такъ сказа-а-атъ... анархія... самоправленіе, и... и... и... Боже мой!

Почтмейстерша была въ совершенномъ недоумѣніи,

— Послушайте,—сказала она,—неужели въ благоустроенномъ государствѣ нельзѧ ходить въ гости?

— О, нѣть,—возразилъ исправникъ, пріятно улыбаясь.—Какъ это можно-съ! Помилуйте! Мы говоримъ не про это-съ... что вы! это собранія... ничего, ничего! Собранія допускаются... но сходки... вѣдь мы собственно говоримъ про сходки!

— Но какое же различіе между сходкой и собраніемъ?—полюбопытствовала Марья Григорьевна.

— Различіе есть-съ и очень даже большое различіе-съ,—началь исправникъ.—Собраніе... это такъ сказать... ну, напримѣръ, когда собираются для, для... ну, да вы меня понимаете?

— Хорошо, положимъ, что понимаю. А что же такое сходки?

— Сходки... О, это совсѣмъ другое дѣло: это вещь запрещенная закономъ! на сходки собираются для другихъ цѣлей... для, для... ну, да вѣдь вы понимаете.

— Ничего не понимаю!—съ досадой, наконецъ, сказала почтмейстерша.—Я думаю только одно, что ко мнѣ сходятся порядочные и образованные люди, что мы иногда читаемъ вслухъ что-нибудь и потомъ за чаемъ толкуемъ о томъ, что читали, не запирая никому дверей и очень рады, если кто придетъ...

— Ну, вотъ-съ, ну, вотъ-съ!—радостно подхватилъ штатный смотритель.—Читаете вмѣстѣ и потомъ разсуждаете о томъ, что прочли; значитъ, сходки, потому здѣсь имѣется предположенная цѣль.

— Какая же цѣль?

— Ну, ужъ конечно, политическая-съ! Такъ вѣдь, Герасимъ Петровичъ?—обратился штатный смотритель къ исправнику.

— Да почему же непремѣнно политическая? Почему же, если ужъ и есть какая-нибудь цѣль, не цѣль просто пріятно провести время? — спросила почтмейстерша.

— Помилуйте, — замѣтилъ исправникъ, — развѣ такъ проводить время, кто хочетъ провести его пріятно?

— А какъ же надо проводить его? Неужели же надо непремѣнно для этого играть въ карты?

— Ну, вотъ-съ, — затарантилъ смотритель. — Такъ всѣ нигилисты разсуждаютъ, во всѣхъ вреднѣйшихъ журналахъ, состоящихъ на замѣчаніи у правительства. Я васъ прошу покорнѣйше, Герасимъ Петровичъ, обратите вниманіе, примите мѣры. Мнѣ тоже начальство предписало принять мѣры. Вы видите, что тутъ ясно сходки, а не просто гости, потому и въ карты...

— Такъ васъ смущаетъ слово сходки, — замѣтила съ улыбкой почтмейстерша. — Но кто же вамъ велѣлъ наши вечернія чтенія отъ нечего дѣлать окрестить этимъ роковымъ словомъ, приводящимъ васъ въ трепетъ? Ну, называйте ихъ воскресными вечерами.

— Нѣтъ-съ, не могу-съ, это не то-съ...

— Э, полноте, Марья Григорьевна! — прерваль исправникъ. — Что вамъ... бросьте все это; неужели вамъ хочется скориться изъ-за пустяковъ, поднимать исторіи... И супругу вашему не-пріятность... Живите, какъ всѣ мы, грѣшные... Пусть къ вамъ ходятъ гости, танцуютъ... пусть, пожалуй, иногда и почитаютъ что-нибудь; но къ чему сходки? Ей Богу, не хорошо-съ! узнаетъ губернаторъ, бѣды не оберешься!

„Что за чушь“, — думала почтмейстерша. — Читать — пусть читаются... но къ чему сходки? — Да какая же наконецъ, у меня сходки и чего вы отъ меня требуете? — почти крикнула она, потерявъ терпѣніе.

— Мы требуемъ, чтобы у васъ не было сходокъ... этихъ... сами знаете, запрещенныхъ плодовъ... хе, хе, хе!.. — проговорилъ смотритель, довольный своей остротой.

— Успокойтесь, — сказала почтмейстерша, — у меня болѣе ничего не будетъ: ни сходокъ, ни собраній, а потому прошу и васъ, господа, избавить меня отъ вашихъ дальнѣйшихъ посѣщеній.

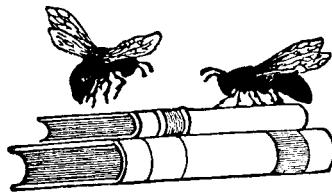
Исправникъ и смотритель хотя нѣсколько и сконфузились отъ послѣднихъ словъ почтмейстерши, но остались все-таки довольно общими результатомъ, потому что мѣры, по предписанію начальства, были приняты и зло пресѣчено въ корнѣ.

Вологда, 1870, Сентябрь.

Глуповскій Обыватель *).

*) Помѣщаю здѣсь этотъ разсказъ, какъ мой дебютъ въ области беллетристики (см. „Пережитое“ въ этой книгѣ „Дн. Пис.“) и оставляю псевдонимъ, которымъ разсказъ былъ подписанъ въ „Искрѣ“ (№ 1, 1871 г.). Я озаглавилъ разсказъ „У страха глаза велики“, по ред. „Искры“ дала свое заглавіе — „Роковое Слово“.

А. Кругловъ.

Бесѣда.

I.

СЛОВА и ДѢЛА.

„Пустая бочка больше гремить“. Это мудрое изречение народное, отмѣченное и баснописцемъ Крыловымъ, подтверждается на каждомъ шагу въ жизни. Все кричащее, броское, хотя и легковѣсное, малосодержательное, часто совсѣмъ ничтожное, обращаетъ на себя большее вниманіе, чѣмъ дѣйствительно цѣнное, истинно-полезное. Слово зачастую цѣнится больше дѣла, несмотря на то, что еще древній греческій ораторъ Демосѳенъ сказалъ: „Довѣрять дѣламъ людей, но не вѣрь ихъ словамъ“. Но вѣдь не даромъ сказано также: „Ужъ сколько разъ твердили миру, что лесть гнусна, вредна...“ Ко многимъ истинамъ міръ возмутительно глухъ. Дѣло важнѣе слова... Скромный труженикъ полезнѣе краснорѣчиваго болтуна: это всѣмъ ясно. И все-таки крикливыи болтуны беруть перевѣсъ надъ такимъ труженикомъ.

Мы всѣ неравнодушны къ рѣчамъ и идемъ на красивыя слова, какъ рыба на наживку. Краснобаи всегда въ цѣнѣ, въ почетѣ и забиваются людей хорошаго честнаго дѣла. Истинный талантъ, всегда скромный, чистый, благородный, не подслуживающійся передъ толпой, не любящій выставки, не гоняющійся за блескомъ, легко затирается беззастѣнчивой наглостью нахальной посредственности, угождающей тѣмъ, отъ кого зависитъ успѣхъ. Мы не умѣемъ цѣнить простоты, смѣшивая ее съ бездарностью, вывѣсочную яркость принимаемъ за сильную художественную кисть. Мы любимъ все броское, кричащее и ему отдаляемъ преимущество передъ скромнымъ, истиннымъ знаніемъ. Насъ интересуютъ не тѣ, которые безшумно, но плодотворно работаютъ на пользу родины и народа, а тѣ, которые громко кричатъ о работе, хотя сами и пальцемъ не шевельнуть для народа. Если люди знанія, дѣла, искренно любящіе родину, выскажутъ мнѣніе, неугодное моднымъ крикунамъ, то большинство такъ

называемой интеллигенцией будетъ на сторонѣ краснобаевъ. Если кто-нибудь умѣль двадцать лѣтъ кричать, мы это поставимъ въ заслугу; а если кто-нибудь двадцать лѣтъ молча, скромно работалъ, мы, узнавъ объ этомъ, снисходительно скажемъ ему „спасибо“, а то и на такую благодарность поскупимся. Поэтому нерѣдко людишки-болтуны добиваются славы, а мужи истины и добра проходять тернистый путь въ тѣни. О краснобаяхъ, крикунахъ пишутся въ газетахъ цѣлые книги, а о настоящихъ работникахъ, о сѣятеляхъ и пахаряхъ на нивѣ просвѣщенія извѣстно очень мало, а часто и совсѣмъ ничего неизвѣстно. Мы превозносимъ „передовую женщину“, стремящуюся на курсы, на эту тему написали много трогательныхъ повѣствованій, и забываемъ образцовую жену и мать, ту семьянку, которой крѣпка жизнь и которую слѣдуетъ прежде всего поставить на высоту. Мать, эта „зиждительница рода“, — какъ прекрасно сказала Полонскій, — поставлена ниже женщины, стремящейся къ общественной дѣятельности, хотя бы эта дѣятельность не шла дальше аптечной работы или переписки въ желѣзнодорожной канцеляріи. Я помню, какъ въ одномъ губернскомъ городѣ посились съ барышней, уѣхавшей на высшіе курсы и бросившей безъ средствъ старуху-мать. Этой послѣдней, когда она обвиняла дочь, говорили съ укоромъ:

— Какъ вы можете обвинять? Ваша дочь стремится къ свѣту, къ широкой дѣятельности... Вы должны принести въ жертву свои узкие личные интересы.

И барышня уѣхала, увѣренная въ своей правотѣ, и на ея поѣздку смотрѣли какъ на подвигъ. Ее называли „свѣтлою, незаурядною личностью“.

Въ томъ же городѣ жила скромная дѣвушка, которая отказалась отъ дальнѣйшаго образованія, пожертвовала даже личнымъ счастьемъ, отказавшись отъ брака съ любимымъ человѣкомъ, — и никто не называлъ ее личностью выдающеюся, никто не удивлялся ея подвигу. Она работала съ утра до ночи, чтобы прокормить слѣпого отца и поднять на ноги сестеръ и братьевъ, и это находили явленiemъ, не выходящимъ изъ ряда вонъ, не заслуживающимъ особенного вниманія. Заурядная труженица, — что тутъ особеннаго. Ничего броскаго, моднаго, бьющаго въ глаза — что же говорить объ этомъ? Мало этого: скромной труженицѣ даже указывали на уѣхавшую барышню, какъ на замѣчательную и образцовую личность. И что же? Барышня кончила курсы, вернулась въ городѣ и поступила на службу въ контору фабрики. Мать умерла, не дождавшись возвращенія просвѣщенной и передовой дочери. Образованная конторщица похвасталась своимъ образованіемъ, увлекла какого-то богача, вышла замужъ и превратилась въ свѣтскую даму, которая любить наряды, увеселенія и, какъ приправу ко всему этому, разговоры о свободѣ женщины и ея правахъ и пр. и пр. Скромная труженица сгорбилась, постарѣла, пожелтѣла, но... поставила на ноги обѣихъ сестеръ и трехъ братьевъ, которые безъ нея остались бы безграмотными невѣждами... Гдѣ же больше добродѣ-

тели? Гдѣ же больше подвига? Чья заслуга выше? Отвѣтъ ясенъ, а между тѣмъ общество оцѣнило поступки обѣихъ дѣвушекъ несправедливо, увлекшись моднымъ предразсудкомъ.

Еще случай. Молодая женщина, разочаровавшись въ мужѣ, человѣкѣ дѣйствительно грубомъ, разошлась съ нимъ и сумѣла отстоять свои права, пожертвовавъ судбою дочери, которая выросла въ ненормальныхъ условіяхъ... Всѣ говорили: „Вотъ—современная женщина: она не захотѣла быть рабыней и подчиняться... взяла свое счастье съ бою“.

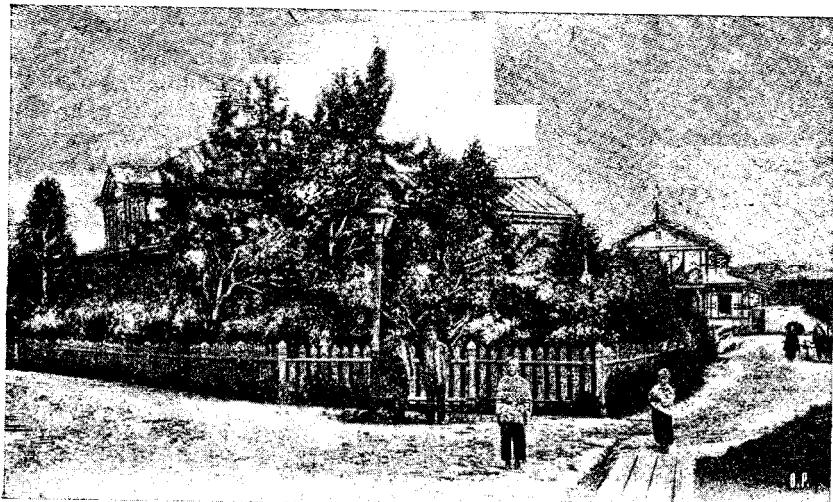
Ея подруга, чтобы сохранить дѣтямъ положеніе и возможнѣсть получить образованіе, забыла о себѣ и долгіе годы несла ярмо. Она добилась даже того, что ея мужъ наконецъ перемѣнился къ лучшему. И про нее говорили: „Да, конечно... она спасла дѣтей. Но вѣдь надо имѣть такую рабью натуру, чтобы все переносить...“ Великаго, тяжелаго подвига матери совсѣмъ не оцѣнили. Вместо искренняго сожалѣнія и преклоненія передъ мученицей-матерью, только полупрезрительное снисхожденіе къ „рабынѣ!..“

Если бы я захотѣль, я привѣль бы много примѣровъ, которые ясно подтвердили бы, что у насъ цѣнится не то, что стоять высокой цѣны, а скорѣе то, что въ сущности малоцѣнно и не заслуживаетъ одобренія. Переидемъ въ область общественной жизни—и мы увидимъ то же самое. Но жизнь никогда не улучшится, если не будетъ людей, которые незамѣтно, скромно, но неустанно работаютъ на пользу общую. Ученому отдадимъ честь, но не забудемъ и того маленькаго пахаря на нивѣ проповѣщенія, который въ деревенской глупи сбѣть съмена добра и знанія. Не даромъ сказалъ известный педагогъ и государственный дѣятель: „Безъ начальной хорошей школы—средняя безсильна“. Общество цѣнитъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, и ихъ имена окружены ореоломъ славы. Но достойны глубокаго уваженія и тѣ неизвѣстные пастыри, которые служать примѣромъ для своей паствы, которые своей жизнью научаютъ истинамъ Евангелія и, перенося нужду, въ убогой обстановкѣ, проповѣщаютъ темную невѣжественную деревню... Не надо шумомъ измѣрять дѣятельность и забывать тѣхъ будничныхъ героевъ или, скорѣе, тружениковъ не-героевъ, которыми крѣпка самая земля и свѣтла жизнь. Разумѣется, героямъ слава. Но не надо смѣшивать дѣла со словомъ и цѣнить его болѣе. Не надо молчать о тѣхъ, чья жизнь поучительна, окрыляетъ и бодритъ другихъ, какъ бы ни были малы такие не-герои. „Маленькаго добра нѣть, а есть только добро“,—сказалъ одинъ англійскій мыслитель. Это вѣрно. И люди добра—не маленькие люди. Къ нимъ нельзя относиться пренебрежительно. Люди красиваго слова—не выдающіеся люди. Ихъ нечего незаслуженно возвеличивать. Не даромъ народная поговорка гласить: „Соловья баснями не кормятъ“. Отъ басенъ соловей сѣть не будетъ и умретъ голодной смертью. Красивыя слова, „басни“, ничего не дадутъ странѣ, когда ей нуженъ хороший питательный хлѣбъ—и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ слова.

Но еще Некрасовъ сказалъ:

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводить изъ народа
Столько славныхъ, то и знай;
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди тупыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой.

Да, ихъ—людей дѣла, людей сердца, скромныхъ подвижниковъ и честныхъ работниковъ,—не мало. Сознаніе, что есть такие люди, поражаетъ надежду, укрѣпляетъ вѣру у тѣхъ, которые изнемогаютъ. Говорить о такихъ людяхъ—истинныхъ работникахъ, апостолахъ просвѣщенія, герояхъ труда—нужно, полезно, обязательнно.

Любанское училище.

II.

Ю Б И Л Е Й.

„Просвѣщеніе нужно прежде всего. Реформы... но что сдѣлаютъ реформы — пока народъ теменъ? Свобода? Но развѣ ее пойметъ — какъ надо понять и постичь — темный народъ? Духовная темнота — вотъ главное зло нашей жизни!“

Такъ писалъ мнѣ покойный Е. А. Покровскій, редакторъ „Вѣстника Воспитанія“, въ которомъ я нѣсколько лѣтъ вѣль критическій отдѣлъ. Заканчивая письмо, Покровскій говорилъ:

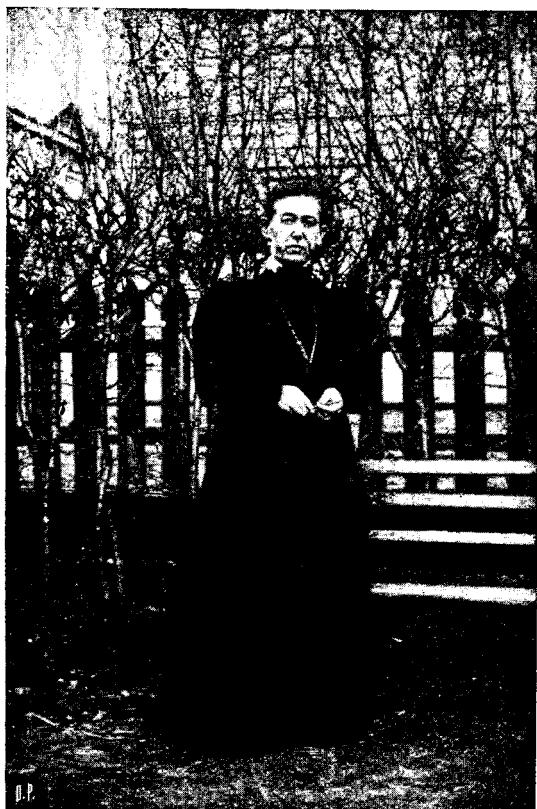
„надо итти въ деревню, къ народу съ лучами свѣта, знанія—чтобы подготовить спокойное развитіе исторической жизни“.

Да, это глубокая правда. И вся смута—результатъ народнаго невѣжества прежде всего. И потому-то „свѣтъ“ деревнѣ нуженъ прежде всего. *Безъ свѣта—скажу снова—и хлѣбъ не спасеть, и воля не дастъ счастья.* Будетъ *свѣтъ—будетъ и хлѣбъ физической, будетъ и свобода, воля—настоящая, безъ насилия и своеволія.* А при тѣмъ — *вѣчный голодъ и вмѣсто воли—безураздница и своеволіе.* Я подробно говорилъ на эту тему въ моей первой бесѣдѣ (см. „Дневн. Писателя“, январь 1907 г.) и повторяться здѣсь не буду. Всѣ истинные друзья народа сознаютъ *это*, идя въ деревню въ роли просвѣтителей. На просвѣтительномъ поприщѣ русская женщина доказала свою способность и любовь къ народу. Я говорю, конечно, о несущихъ деревнѣ *хлѣбъ духовный*, а не вредный суррогатъ, отравляющій умы и сердца темной народной массы. И такихъ истинныхъ *просвѣтительницъ*—не мало. Съ беззавѣтною любовью онѣ отдавали и отдаютъ на-

роду свои знанія, свои силы. Сколько трогательныхъ картинъ приходилось наблюдать. „Ты настъ жалѣешь—и мы къ тебѣ идемъ, какъ къ родной“,—это сказала простая баба одной учительницы. Мало словъ, а какъ много ими сказано! Я до сихъ поръ не могу забыть однихъ похоронъ: все село провожало учительницу къ мѣсту ея вѣчнаго успокоенія. Плакали дѣти и взрослые...

Извѣстный врачъ Портugalовъ, отвѣчая на одно мое письмо, въ которомъ я касался знакомой учительницы, восклицаетъ: „этого довольно: хорошая сельская учительница! Значитъ, подвижница. Значитъ, ей поклонъ до земли!“

Да, труженицы наивѣ народнаго просвѣщенія достойны земной поклонъ! Онѣ

Марья Юрьевна Федорова.

глубокагоуваженія, не стыдно отдать имъ земной поклонъ! Онѣ

по истинѣ подвижницы, и живой укорь всѣмъ любительницамъ красивыхъ фразъ, искательницамъ „дѣла великаго“, но въ сущности бездѣльницамъ, драпирующимся въ тогу друзей народа. Перенося нужду, массу всевозможныхъ непріятностей, жертвуя здоровьемъ, лишая себя многихъ удовольствій, эти труженицы отважно борются съ невѣжествомъ, неся свѣтъ въ самые отдаленные уголки родины.

Одною изъ такихъ труженицъ, воиномъ мирной арміи—является и Марья Юрьевна Федорова, вотъ уже 25 лѣтъ работающая въ Любанскої школѣ. Нѣть ничего трогательнѣе юбилея „народнаго учителя“. Эти скромные юбилеи—зnamенательны. Они показываютъ, что такая служба замѣчена и оцѣнена. Это уже признакъ извѣстнаго общественнаго роста. И тѣмъ отраднѣе отмѣтить такой юбилей.

Я зналъ М. Ю. Федорову еще совсѣмъ, можно сказать, юной. Я жилъ случайно въ Любани, и при мнѣ 19-лѣтней дѣвушкой начала свою учительскую дѣятельность Марья Юрьевна. Она вся горѣла любовью къ дѣлу — при наружномъ спокойствіи и была полна стремленій къ борьбѣ за свое дѣло — при умѣніи сдерживаться и при душевной мягкости. Она была неопытна, какъ всѣ начинающія, но постоянная работа, самосовершенствованіе скоро помогли ей окрѣпнуть и, во всеоружіи опыта и знанія, она всецѣло отдалась дѣлу народнаго просвѣщенія. Горячая любовь сказалась на преподаваніи, на отношеніяхъ къ ученикамъ, устойчивость въ честной борьбѣ на достижениіи завѣтныхъ просвѣтительныхъ цѣлей.

Ученики ее полюбили. Населеніе ее оцѣнило. И когда М. Ю. сдѣлалась завѣдующею училищемъ, она доказала, что не напрасно ей вѣрили важное дѣло. Число учащихся быстро росло. Съ 130 оно дошло до 300 слишкомъ. М. Ю. не только умѣла учить, привлекать къ себѣ дѣтскую любовь, но и вліять на родителей, доказывая имъ необходимость образованія для дѣвочекъ такъ же, какъ и для мальчиковъ. Родители видѣли горячую любовь, заботу М. Ю. и вѣрили ей, и охотно поручали своихъ дѣтей.

Шли годы неустаннаго труда и безпрерывной борьбы. Стремясь къ своей высокой цѣли, М. Ю. отвоевывала каждый поступательный шагъ, убѣждая однихъ, хлопоча у другихъ, разъѣзжая по дѣламъ, волнуясь и тратя здоровье. Пока *теорія*—вѣдь согласны всѣ. Но разъ надо перейти на практическую почву, часто является „но“ и всегда много этихъ „но“. Конечно, у энергичной учительницы были и есть друзья, отъ которыхъ зависитъ осуществленіе теорій и стремленій, ибо нельзѧ же не видѣть трудовъ, не цѣнить горячей любви, безкорыстной борьбы, нельзѧ не признавать истины.

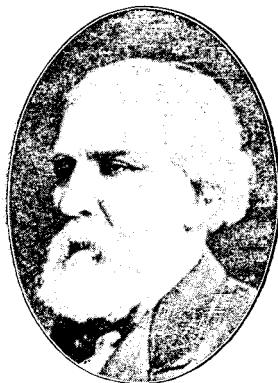
Прошло 25 лѣтъ со дня поступленія М. Ю. Федоровой учительницей въ Любанскої школы. И вотъ—въ результатѣ мы видимъ расширение школы, устройство классовъ ручного труда, открытіе библіотеки, ученической столовой, общежитія для пріѣзжихъ учениковъ, курсовъ шитья и кройки для взрослыхъ и

наступающую реализацію мечты о вечерне-воскресныхъ классахъ.
Это—все плоды дѣятельности М. Ю. Федоровой. Сдѣлано много, но значеніе всего этого еще болѣе усугубляется, если принять во вниманіе тотъ трудный путь, по которому прошла М. Ю., руководимая сознаніемъ долга передъ народомъ, окрыляемая горячою любовью къ нему. Не фразы, а дѣло, и только дѣло!

„Скромные юбилеи“... Но есть скромные юбилеи, которые несомнѣнно болѣе значительны, чѣмъ иные пышные юбилеи, потому что есть скромныя дѣла, которыхъ очень велики по своему значенію. Однимъ изъ такихъ именно юбилеевъ является 25-лѣтній юбилей М. Ю. Федоровой. Встрѣтясь съ нею чуть ли не въ первые дни ея учительства, я пожелалъ ей успѣха. Она его достигла—и теперь я издалека шлю ей привѣтъ и поздравленіе съ успѣхомъ. Какъ другъ „маленькаго народа“, какъ самъ „добровольный учитель“ въ минувшемъ, какъ одинъ изъ русскихъ гражданъ, я шлю Марѣ Юревнѣ русское спасибо и низкій поклонъ. Въ числѣ сотрудниковъ „Дн. Писателя“ находится и бывшій ученикъ М. Ю. Федоровой, учитель К. И. Смирновъ, теперь тоже просвѣтитель на народной нивѣ. М. Ю. умѣла вдохнуть въ своего ученика любовь къ знанію, къ дѣлу и ту устойчивость въ трудахъ, безъ которой ничего нельзя достичь на посту народнаго учителя. К. И. Смирновъ, какъ одинъ изъ многихъ учениковъ М. Ю., является живымъ доказательствомъ того, что она умѣла учить и не даромъ работала годы. А та любовь, съ какой говорятъ о своей учительницѣ бывшіе ея ученики, ясно показываетъ, что прекрасныя душевныя качества всегда въ концѣ концовъ оцѣняются. „Сильный всегда возьметъ свое“, справедливо сказалъ Тургеневъ. Сильный и горячо любящій, добавлю я отъ себя.

А. Кругловъ.

Великий художникъ

слова^{*}).

ть одной изъ живописнейшихъ мѣстностей Франціи, въ Буживалѣ, недалеко отъ Парижа, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, скончался великий русскій писатель Иванъ Сергеевичъ Тургеневъ.

Скончался онъ, окруженный друзьями, но вдали отъ родины, которую страстно любилъ и за которую глубоко страдалъ.

Хотя большую часть своей жизни Тургеневъ прожилъ за границей, но всѣ его произведенія, за небольшими исключеніями, навѣяны русской жизнью, русской природой. За границей онъ не отсѣрвился отъ русскаго дѣла; первымъ изъ своихъ собратьевъ получивъ широкую европейскую извѣстность, онъ остался чисто русскимъ писателемъ, связаннымъ всѣми фибрами своей души съ дорогой ему родиной.

Онъ въ своихъ разсказахъ, повѣстяхъ и романахъ чутко отмѣчалъ всѣ теченія русской жизни.

Россія изнываетъ отъ крѣпостного права—и Иванъ Сергеевичъ пишетъ рядъ разсказовъ подъ общимъ заголовкомъ „Записки Охотника“, въ которыхъ онъ со всей своей художественной мощью ярко рисуетъ картины и типы „крѣпостной“ эпохи. Соціальные условия русской жизни создали особый типъ „лишнихъ людей“, и Тургеневъ въ первыхъ же своихъ романахъ выводить этихъ лишнихъ людей. Одинъ за другимъ проходятъ передъ нами: Василий Васильевичъ изъ разсказа „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“, Рудинъ—герой романа того же наименованія и Лаврецкій изъ „Дворянскаго Гнѣза“—эти яркіе представители эпохи 30—40-хъ годовъ.

Приблизжалась эпоха великихъ реформъ, чувствовалось, что въ недалекомъ будущемъ наступитъ время, когда для обновленія русской жизни понадобятся люди дѣла. Тургеневъ въ русской дѣйствительности какъ бы не находилъ такихъ людей и взялъ героямъ болгарина—Инсарова. Но героиня—русская дѣвушка.

^{*}) Эта статья была намѣчена для август. книжки, но опоздала и печатается въ настоящей, въ которой помѣщаются и „Тургеневскія странички“, приготовленныя также для пред. номера. Онъ и теперь имѣеть свой *raison d'être*: И. С. скончался въ августѣ, но погребеніе великаго писателя на Волковомъ кладбищѣ состоялось въ сентябрѣ 1883 г.

Эпоху 60-хъ годовъ,—время освобожденія крестьянъ, когда совершалась борьба двухъ поколѣній: старого, дoreформенного, воспитывавшагося на идеализмѣ нѣмецкой философіи, и поколѣнія новаго, молодого, увлекающагося материализмомъ и отрицающемъ,—Тургеневъ изобразилъ въ нашумѣвшемъ романѣ „Отцы и дѣти“, въ которомъ представителями старого, отживающаго, дoreформенного поколѣнія выведены старики Кирсановы, а представителемъ молодого является сильная фигура Базарова.

Семидесятые годы съ ихъ „хожденіемъ въ народъ“ нашли себѣ отраженіе въ романѣ „Новь“.

И такъ всегда Тургеневъ отмѣчалъ этапы умственной русской жизни и изображалъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Всѣ свои образы онъ бралъ изъ дѣйствительности, никогда не выдумывалъ ихъ, никогда они не были только продуктомъ его головной работы.

Онъ самъ въ письмѣ къ Полонскому пишетъ: „я въ теченіе моей сочинительской карьеры никогда не отправлялся отъ идей, а всегда отъ образовъ (даже Потугинъ—„Дымъ“—имѣть въ основаніи извѣстный образъ).“

* * *

Родился Иванъ Сергеевичъ 28-го октября 1818 года въ Орлѣ, гдѣ въ то время стоялъ полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ. По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, нѣкогда вышедшему изъ Золотой Орды и насчитывающему въ своихъ рядахъ нѣсколько лицъ, извѣстныхъ въ исторіи и литературѣ.

Отецъ Ивана Сергеевича, Сергѣй Николаевичъ, служилъ въ кирасирскомъ полку и былъ женатъ на дочери богатаго орловскаго помѣщика, Варварѣ Петровнѣ Лутовиновой.

Вскорѣ послѣ рожденія будущаго писателя отецъ его выпелъ въ отставку съ чиномъ полковника и поселился въ имѣніи своей жены селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ, въ десяти верстахъ отъ города Мценска Орловской губ. Здѣсь Иванъ Сергеевичъ провелъ все свое дѣтство до девятилѣтняго возраста.

Жизнь въ деревнѣ шла тихо, медленно, какъ вообще вся прежняя помѣщичья жизнь. И отецъ, и мать Ивана Сергеевича относились не только къ своимъ крѣпостнымъ, но и ко всѣмъ живущимъ въ ихъ домѣ лицамъ сурово, прямо деспотически, такъ что въ домѣ всѣ, начиная съ дѣтей, трепетали при ихъ появлѣніи.

Сурово воспитывала Варвара Петровна и своихъ дѣтей. Иванъ Сергеевичъ самъ впослѣдствіи говорилъ: „драли меня за всякие пустяки чуть не каждый день“.

Не мало пришлось вынести будущему писателю въ дѣтствѣ, близко пришло видѣть, какъ относятся помѣщики къ своимъ крѣпостнымъ, и многія картины изъ „Записокъ Охотника“ написаны имъ прямо на основаніи собственныхъ наблюдений.

Иванъ Сергеевичъ воспитывался, какъ и слѣдуетъ сыну богатаго помѣщика, подъ руководствомъ гувернеровъ-нѣмцевъ и швейцарцевъ, доморощенныхъ лядекъ и пянеекъ. Всѣ эти нѣмцы и швейцарцы были народъ невѣжественный.

Неизмѣримо сильнѣе было воспитательное вліяніе родной природы, тяжелыхъ картинъ крѣпостного быта, дружбы съ простыми дворовыми людьми. Главную роль въ обученіи игралъ французскій языкъ, а на русскій не обращалось никакого вниманія. О русской словесности онъ узналъ не отъ своихъ учителей,

а отъ старого камердинера своей матери. Въ автобиографическомъ разсказѣ „Пунинъ и Бабурина“ Тургеневъ сохранилъ для потомства образъ этого дворянаго, который въ глубинахъ старого сада, съ томомъ ложно-классической „Россіады“ въ рукахъ, восторженно посвящалъ будущаго великаго писателя въ красоты русской литературы, презираемой и гонимой въ домѣ его матери.

Въ началѣ 1827 года Тургеневы переселились въ Москву, потому что дѣти подросли и ихъ надо было учить. Иванъ Сергеевичъ спачала былъ отданъ въ частный пансионъ, такъ какъ вообще дворяне того времени старались избѣгать гимназій, гдѣ ихъ дѣти могли встрѣтиться съ разночинцами. Вскорѣ Тургеневъ былъ переведенъ въ другой, частный же, пансионъ директора Лазаревскаго института.

Послѣ домашней и пансіонной подготовки Тургеневъ, которому въ то время было пятнадцать лѣтъ, въ 1833 году, поступилъ въ московскій университетъ, на словесный факультетъ, но пробылъ тамъ только одинъ годъ и перешелъ въ петербургскій, потому что его старшій братъ поступилъ въ Петербургъ въ гвардію, и туда же перѣхала вся семья. Въ томъ же, 1834 году, умеръ отецъ Тургенева.

Кромѣ университетскихъ лекцій Тургеневъ бралъ еще уроки древнихъ языковъ и, по отзывамъ своихъ учителей, всегда относился къ задаваемымъ сочиненіямъ и работамъ съ необычайнымъ усердіемъ и жаромъ.

Еще будучи студентомъ III курса, Иванъ Сергеевичъ пробуетъ свои силы въ литературѣ: онъ написалъ фантастическую драму въ стихахъ, подъ заглавиемъ „Стенію“, въ подражаніе Байрону. Эту свою драму онъ отнесъ на просмотръ профессору Плетневу; тотъ пожурилъ, зачѣмъ онъ тратить время на подобные пустяки, но все-таки сказалъ, что въ Тургеневѣ есть дарованіе, обласкалъ его и пригласилъ на свои „литературные вечера.“ Ободренный Иванъ Сергеевичъ принесъ ему еще нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ Плетневъ выбралъ два и напечаталъ въ „Современникѣ“.

Въ 1836 году Тургеневъ окончилъ курсъ въ университете со званіемъ дѣйствительного студента, но въ слѣдующемъ году снова держалъ экзаменъ и получила степень кандидата.

Чувствуя, какъ мало онъ получилъ отъ университета, Тургеневъ, какъ въ то время дѣлала почти вся молодежь, дѣлать доучиваться за границу. Онъ слушаетъ въ Берлинѣ лекціи извѣстныхъ профессоровъ. Къ этому времени относится его дружба со Станкевичемъ и Грановскимъ. Вмѣстѣ съ другой русской молодежью, они составили дружескій кружокъ, увлекавшійся нѣмецкой идеалистической философіей, литературой и искусствомъ.

Въ 1841 году Тургеневъ возвратился въ Москву. По чисто формальнымъ препятствіямъ ему не удалось посвятить себя научной дѣятельности, о которой онъ мечталъ, живя за границей, и онъ рѣшилъ, по настоянію матери, поступить на службу. Службу онъ оставилъ черезъ два года, чтобы никогда болѣе къ ней не возвращаться.

Въ началѣ 1843 года Иванъ Сергеевичъ выпустилъ отдельной книжкой поэму „Параша“. Особенного въ этой поэмѣ ничего не было, но Бѣлинскій по нѣкоторымъ штрихамъ угадалъ въ неизвѣстномъ авторѣ будущій талантъ и далъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ довольно восторженный отзывъ о поэмѣ.

Это послужило началомъ дружбы Тургенева съ Бѣлинскимъ, крайне благотворной для первого, который трогательно воспроизвелъ благородный образъ Бѣлинского въ своихъ воспоминаніяхъ.

Въ это же время Тургеневъ сопшелся съ кружкомъ молодыхъ писателей, къ

которому принадлежали Панаевъ, Языковъ, Анненковъ, Некрасовъ, Григоровичъ, Гончаровъ и др.; этот кружокъ окончательно утвердилъ его намѣреніе отдаваться литературной дѣятельности.

Вскорѣ Тургеневъ убѣждается, что сила его все же не въ стихотворствѣ, и принимается за прозу. За „Парашей“ слѣдуетъ рядъ рассказовъ, напр., „Разговоръ“, „Андрей Колосовъ“, „Три портрета“ и др; въ нихъ Тургеневъ отчасти подражаетъ Гоголю.

Въ 1847 году, на незамѣтномъ мѣстѣ, въ отдѣлѣ смѣси, „Современника“, появился разсказъ Тургенева „Хорь и Калинычъ“; этимъ разсказомъ начались „Записки Охотника“. Разсказъ сразу привлекъ къ себѣ вниманіе общества. Громадный успѣхъ этого очерка ободрилъ Тургенева, и далъ, одинъ за другимъ появляются его простые, мастерски написанные ~~раз~~ рассказы изъ крестьянской и помѣщичьей жизни. Въ 1852 году Тургеневъ собралъ свои очерки и издалъ ихъ подъ заглавіемъ „Записки Охотника“. Это—въ полномъ смыслѣ классическая книга нашей народнической литературы. Книга имѣетъ высокое историческое значеніе. Тургеневъ въ ней показалъ, что крѣпостные мужики не только люди, но что имъ доступны такие же сложные душевные процессы, такая же многосторонняя нравственная жизнь, какъ и всѣмъ лучшимъ представителямъ культурного общества.

Раньше, еще въ XVIII вѣкѣ Радищевъ и Новиковъ, не мало говорили о простой и доброй душѣ русского человѣка, объ его природномъ умѣ, объ его терпимости и гуманности, но никто не умѣлъ ввести своихъ читателей и слушателей въ самыя нѣдра этой души, поставить невѣрующихъ лицомъ къ лицу съ мужицкимъ духовнымъ міромъ и заставить увидѣть здѣсь всѣ признаки истинно человѣческой и притомъ богато одаренной натуры.

Тургеневъ это сдѣлалъ безъ всякаго партійнаго задора, безъ чувствительныхъ изліяній, безъ преднамѣренного подбора фактовъ и лицъ. Читая его книгу, вы невольно чувствуете, что иначе и быть не можетъ, что иныхъ типовъ народная русская жизнь не могла и создать. Передъ вами больше чѣмъ фактическая исторія: передъ вами совершенно естественное, неизбѣжное развитіе психологическихъ законовъ.

А между тѣмъ сколько новаго узнавала публика изъ этихъ, столь, повидимому, обыкновенныхъ повѣствовавій. И узнавала именно то, чего менѣе всего могла ожидать.

Тургеневъ показалъ рядъ личностей, одаренныхъ изумительнымъ поэтическимъ чувствомъ природы, безгранично гуманныхъ, соединяющихъ глубокую вдумчивость съ младенческимъ незлобіемъ. Другой типъ выводимыхъ Тургеневымъ героевъ въ „Запискахъ Охотника“ не имѣетъ ничего общаго ни съ поэзіей, ни съ ясной наивностью души, но для высшей публики онъ долженъ быть казаться столь же неожиданнымъ среди деревенской дикости и глупости. Одного изъ такихъ героевъ авторъ сравниваетъ съ Сократомъ. Передъ нами дѣйствительно самобытная житейская мудрость, воспитанная долголѣтнимъ тяжелымъ опытомъ, мудрость холодная, отчасти скептическая, но, спокойная, добродушная, совершенно чуждая хищническихъ инстинктовъ.

Эти два типа занимаютъ первое мѣсто въ „Запискахъ Охотника“. Тургеневъ каждый изъ нихъ иллюстрируетъ нѣсколькими фигурами: Калинычъ, Касьянъ, Ермолай и Хорь, Овсянниковъ, мечтательные созерцатели и практическіе мудрецы. И всѣ они при своемъ несходствѣ—русскіе до послѣдняго нерва, рус-

скіе въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движениі. Эти своеобразные поэты и философы могли возникнуть только на русской почвѣ и притомъ—крѣпостнической.

Крѣпостная зависимость отдѣляла крестьянъ непроходимой пропастью отъ остального человѣческаго общества, вообще отъ умственной культуры. Мужику приходилось собственными силами и въ своей средѣ искать удовлетворенія насущныхъ запросовъ человѣческой души. Кругомъ люди или равнодушные, или враждебные ему. Рядомъ съ нимъ—такіе же униженные и оскорбленные, какъ онъ самъ. Всякій, кто сколько-нибудь по своимъ способностямъ и природнымъ наклонностямъ выдавался надъ темной средой, долженъ былъ чувствовать глубокое, мучительное одиночество.

Итакъ, „Записки Охотника“ открыли въ мужикѣ и сердце, и умъ, и даже высшій цвѣтъ человѣческой жизни—поэзію. И все это—безо всякихъ украшений, цвѣтистыхъ рекомендаций со стороны обладателей этихъ сокровищъ и восторговъ автора. Простая, но гениальная исторія о простыхъ, но великихъ предметахъ.

И все это выведено на чудномъ фонѣ, на прекрасномъ описаніи русской природы, за которое Тургеневъ вполнѣ заслуживаетъ справедливаго названія величайшаго художника природы: онъ заставляетъ настъ жить жизнью неба, лѣса, поля, жизнью каждой травки, каждого дерева, онъ заставляетъ настъ чувствовать всѣ малышия измѣненія въ природѣ.

Публика встрѣтила „Записки Охотника“ восторженно, и быстро были на расхватъ раскуплены два тома ихъ.

Публика по „Запискамъ Охотника“ сразу поняла, что тутъ передъ ней новый, огромный художественный талантъ и мало того: талантъ съ сердцемъ, искренне любящимъ, искренне ненавидящимъ. Она пошла за этимъ талантомъ и не обманулась въ немъ.

Къ „Запискамъ Охотника“ тѣсно примыкаютъ два другихъ разсказа, написанные позже и не вошедшіе въ сборникъ: „Муму“ и „Постоялый дворъ“. Первый изъ нихъ, быть-можеть, самое сильное осужденіе крѣпостного права, когда-либо вышедшее изъ-подъ пера Тургенева. Образъ помѣщицы-самодурки очерченъ здѣсь съ замѣтной ненавистью. Вы видите, какъ вмѣстѣ съ преданной собаченкой тонуть въ водѣ живое человѣческое сердце, оскорбленное, униженное, измятое дикимъ произволомъ.

Кстати надо сказать, что и на дѣлѣ Тургеневъ поступалъ такъ же, какъ въ своихъ произведеніяхъ. Осуждая крѣпостное право, онъ, еще въ 1850 году, когда умерла его мать и имѣніе перешло къ нему и его брату, по собственнымъ его словамъ, „немедленно отпустилъ дворовыхъ на волю, пожелавшихъ крестьянъ перевѣль на оброкъ, всячески содѣствовалъ успѣху общаго освобожденія, при выкупѣ вездѣ уступилъ пятую часть—и въ главномъ имѣніи не взялъ ничего за усадебную землю, что составило крупную сумму. Другой, быть-можеть, на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы больше и скорѣе, но я обѣщаюсь сказать правду и говорю ей, какова она ни на есть. Хвастаться ею нечего; но и безчестія, я полагаю, она принести мнѣ не можетъ.“

Съ 1850 по 1854 г., живя безвыѣздно въ деревнѣ, Иванъ Сергеевичъ написалъ повѣсти „Два пріятеля“ и „Затишье“, начало комедіи „Мѣсяцъ въ деревнѣ“; а въ 1855 г. появились его повѣсти „Яковъ Пасынковъ“ и „Постоялый дворъ“, служащія какъ бы продолженіемъ „Записокъ“.

Въ 1854 году Тургеневъ выѣхалъ заграницу, гдѣ и пробылъ до самой смерти, только изрѣдка наѣзжая въ Россію.

За время пребыванія Ивана Сергеевича за границей, начиная съ 1858 года, появился рядъ его романовъ, отражающихъ идеи и стремленія русского общества

въ разныя эпохи. Одинъ за другимъ слѣдуютъ его повѣсти и романы: „Рудинъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Первая любовь“, „Наканунѣ“, „Отцы и дѣти“, „Дымъ“, „Новь“ и др.

Это было время полнаго расцвѣта творческихъ силъ Ивана Сергеевича. Все, что ни выходило изъ-подъ пера его въ теченіе 50—60-хъ годахъ, составляло своего рода литературное событіе и возбуждало горячую журнальную полемику.

Въ „Рудинѣ“, вышедшемъ въ 1856 году, Тургеневъ воплотилъ всѣ лучшія, благородныя черты сороковыхъ годовъ. И все это лучше, благородное подорвано въ самомъ корѣѣ своей органической связью съ крѣпостнымъ бытомъ, своими барскими замашками, своей расшатанной, надломленной волей. Рудинъ прекрасно образованъ, даровитъ, талантливъ даже, а между тѣмъ итти дальше благороднаго кипѣнія и горѣнія онъ не можетъ. Онъ не способенъ ни къ какой упорной, систематической работѣ, не способенъ къ труду, хотя бы ничтожному, но такому, въ которомъ пришлось бы запачкать свои блѣныя, выхоленныя барскія руки. Онъ чувствуетъ инстинктивное отвращеніе ко всему, что напоминаетъ упорную, упрямую воловью работу. Его руки быстро устаютъ, сердце скоро охладѣваетъ, нервы утомляются.

Подъ вліяніемъ словъ Наталии: „Вѣрно, отъ слова до дѣла еще далеко!“ Рудинъ дѣлаетъ попытки приняться за дѣло, притомъ имѣющее цѣлью не личное счастье, а общественное благо. Съ какимъ-то судорожнымъ увлеченіемъ онъ то береть мѣсто управляющаго большими имѣніями, желая улучшить бытъ крестьянъ, то, сойдясь съ мечтателемъ идеалистомъ, хватается за фантастический проектъ превратить одну рѣку въ судоходную, то дѣлается педагогомъ, чтобы передать свои знанія молодежи. И кончаетъ свою жизнь, погибая въ Парижѣ за чужое дѣло, на баррикадахъ.

Къ той же серии лишиныхъ людей принадлежитъ и герой романа „Дворянское гнѣздо“, Лаврецкій, но онъ въ ней занимаетъ крайнее мѣсто, граничащее уже съ людьми иного склада. Лаврецкаго сдѣлало лишнимъ воспитаніе, по его собственнымъ словамъ, „вывихнувшее“ его.

Въ Лаврецкомъ Тургеневъ вывелъ людей отживавшаго помѣщичьяго строя. Въ нихъ много душевныхъ свойствъ, достойныхъ гуманной кисти художника, глубокая любовь къ тихой семейной жизни, рыцарское благородство, наивная мечтательность, простодушная лѣнъ, весьма поверхностное знаніе дѣйствительной прозы, извѣстная рѣзкость характера, не мѣшающая сердечному отношенію къ людямъ и къ ихъ горю... Все это воплощается въ симпатичныхъ, часто поэтическихъ образахъ.

Лаврецкій—истинный герой русскаго захолустнаго идиллическаго романа, выросшій на старой почвѣ, еще незнакомой съ другими, трудно разрѣшимыми вопросами, не видавшей жестокаго столкновенія безчисленныхъ личныхъ и общественныхъ стремлений и интересовъ, не знавшей всего, что должна была внести великая реформа въ патріархальную жизнь дворянства...

„Дворянское гнѣздо“, появившееся въ началѣ 1859 года, по оказанному ему публикой приему, превзошло всѣ ожиданія автора и его друзей. Тургеневъ сдѣлался самой популярнѣйшей личностью въ обществѣ. Женщины не щадили словъ выражать свой восторгъ романомъ.

Постоянное увлеченіе женщинъ Тургеневымъ объясняется тѣмъ, что онъ слишкомъ хорошими, идеальными представлять героинь своихъ романовъ. Всѣ героини его являются полной противоположностью безвольнымъ, слабымъ мужчинамъ, „лишнимъ людямъ“. Эта противоположность становится особенно яркой

потому, что Тургеневъ при изображеніи женщинъ главное вниманіе сосредоточивается на такихъ моментахъ ихъ жизни, когда съ особенной силой сказываются лучшія стороны женской души.

Въ 1861 году появился новый романъ Тургенева подъ заглавіемъ „Отцы и дѣти“. Романъ, собственно одно лицо романа, вызвало страшную бурю въ обществѣ.

Въ романѣ Иванъ Сергеевичъ вывелъ борьбу двухъ поколѣй: старого, дореформеннааго, и молодого, увлекающагося материализмомъ и отрицаніемъ. Наивысшей степенью отрицанія проникнутъ главный герой романа, Базаровъ. Онъ отрицааетъ общіе, отвлеченные принципы. Да и нѣтъ никакихъ общихъ, отвлеченныхъ принциповъ: „принциповъ вообще нѣтъ,—говорить онъ,—а есть ощущенія“. Чувство любви по его мнѣнію—„романтизмъ, чепуха, гиль“. Искусство, игравшее такую важную роль въ жизни отцовъ, совершенно ненужный и вредный балласть. Не Пушкина надо читать, а „Силу и матерію“ Бюхнера, который изложилъ послѣднее слово естественныхъ наукъ въ пониманіи міра и человѣка. Чувство природы, „наслажденіе ея красотами тоже недостойны мыслящаго человѣка: природа не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ.“ Все въ настоящемъ строѣ жизни подлежитъ отрицанію: нѣтъ ни одного „постановленія въ современномъ быту, въ семейномъ или общественномъ, которое бы не вызывало полнаго беспощаднаго отрицанія“.

Доводя свое отрицаніе до крайнихъ логическихъ предѣловъ, Базаровъ однако не всегда остается вѣренъ имъ; въ немъ живетъ живой человѣкъ, который борется съ тѣсными рамками теоріи. Хотя онъ и говоритъ, что чувство любви „чепуха, гиль“, но въ его отношеніяхъ къ Одинцовской видна могучая сила его страсти, а въ бесѣдахъ съ Аркадіемъ чувствуются ноты симпатіи, дружбы.

Общество совершенно не поняло романа. Оно толковало его именно въ томъ смыслѣ, что онъ былъ „ниспроверженіемъ вигилистовъ“. Получилось страшное недоразумѣніе. Лучший, „самый прогрессивный“ романъ Тургенева былъ забракованъ прогрессивной русской публикой. Молодежь обидѣлась до такой степени, что рѣшилась прямо высказать это демонстративно и не послала Тургеневу обычнаго почетнаго билета на концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ.

Характерны строки, посвященные этому роману самимъ авторомъ:

„Не стану распространяться о впечатлѣніи, произведенномъ этой повѣстью; скажу только, что, когда я вернулся въ Петербургъ въ самый день извѣстныхъ пожаровъ Апраксинскаго Двора,—слово „вигилистъ“ было подхвачено тысячами голосовъ, и первое восклицаніе, вырвавшееся изъ устъ первого знакомаго, встрѣченного мною ва Невскомъ, было: „Посмотрите, что ваши „вигилисты“ дѣлаютъ? Жгутъ Петербургъ!“... Я испыталъ тогда впечатлѣнія разнородныя во многихъ близкихъ и симпатичныхъ мнѣ людяхъ, я получалъ поздравленія, чуть не лобзанія отъ людей противнаго мнѣ лагеря, чуть не враговъ. Меня это конфузило и огорчало. Но совѣсть не упрекала меня; я хорошо зналъ, что я честно и не только безъ предубѣжденія, но даже съ сочувствіемъ отнесся къ выведенному мною типу... Мои критики называли мою повѣсть памфлетомъ, упоминали о раздраженномъ, уязвленномъ самолюбіи; но съ какой стати стать бы я писать памфлетъ на Добролюбова, съ которымъ я почти не видался, но котораго высоко цѣнилъ, какъ человѣка и талантливаго писателя?“

Тургеневъ былъ страшно обиженъ, разочарованъ, пожалуй даже ошеломленъ, уѣхалъ за границу и въ теченіи цѣлыхъ шести лѣтъ не брался за перо. Но потомъ онъ снова берется за него и пишетъ романъ „Дымъ“, въ 1874 году

появился романъ „Новь“, въ 1877—1880 г.г. иѣсколько разсказовъ, въ 1881 г. „Лѣсь торжествующей любви“ и „Отчаянныи“, въ 1882 г. „Стихотворенія въ прозѣ“ и „Клара Миличъ“.

Съ начала 80-хъ годовъ изъ-за границы начинаютъ приходить тревожныи извѣстія о состояніи здоровья Ивана Сергеевича. Только благодаря атлетическому сложенію да наркотическимъ средствамъ могъ онъ выносить приступы болѣзни, опредѣлить которую не могли лучшія знаменитости медицинскаго міра. Но и больной, Тургеневъ не оставляетъ дорогой ему литературы. Недугъ быстро развивался. Въ 1883 г. для окружающихъ стало очевидно, что со дня па день надо ждать конца. Измученный страданіями, Иванъ Сергеевичъ цѣлыми днями лежалъ неподвижно, въ забытьи, и сознаніе лишь изрѣдка и ненадолго возвращалось къ нему. Наканунѣ смерти и въ самый день ея умирающій оставался въ безсознательномъ состояніи, а 22 августа, въ 2 часа пополудни, Тургеневъ скончался. Согласно завѣщанію, тѣло его было перевезено въ Петербургъ и похребено на Волковомъ кладбищѣ. По мысли одного французскаго писателя на могильномъ памятнику изображена разбитая цвѣть, символически указывающая на значеніе, которое имѣли его „Записки Охотника“.

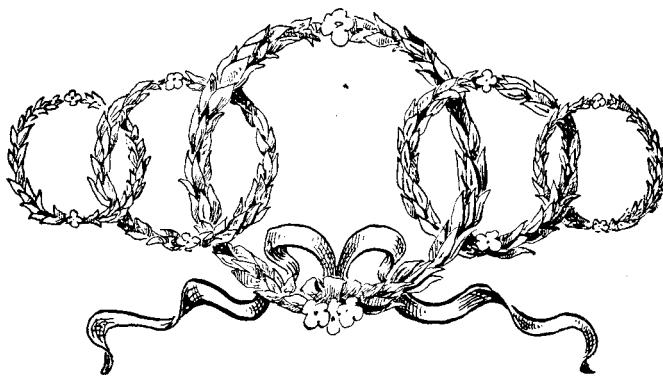
Вѣсть о смерти Ивана Сергеевича произвела въ Россіи глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Только теперь общество сознало, какого великаго писателя, отражавшаго въ своихъ произведеніяхъ русскую жизнь, русскаго человѣка, безъ всякой наянутой, не натуральной подкраски,—какого отзывчиваго человѣка, горячо любившаго и жалѣвшаго искренно всѣхъ, потеряло оно! Всей своей литературой дѣятельностью, всей своей личной жизнью онъ подтверждалъ свои слова, сказанныя имъ за иѣсколько дней до смерти: „Любите людей, какъ я ихъ всегда любилъ“.

По самой виѣшности его можно было ожидать найти въ немъ доброго, сердечнаго покровителя всѣхъ беззащитныхъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, представитель и къ старости сталъ еще красивѣе со своей длинной, серебристо-сѣдой бородою и такими же бѣлыми волосами. Въ обращеніи онъ сохранялъ всегда вѣжливость и мягкость, которыя проглядываютъ и во всѣхъ его литературныхъ работахъ.

Жизнь такъ и бѣтьключемъ съ каждой страницы его произведеній, почему они и захватываютъ читателя, какъ захватываетъ всякаго отзывчиваго человѣка сама жизнь со всѣми ея горестями и радостями... Но горечи у него больше,—и тѣмъ не менѣе она не должна разбивать наши силы, не должна умерщвлять въ самомъ зачаткѣ благородные порывы во имя правды и любви, потому что жизнь постоянно идетъ впередъ, не угасая ни на минуту. Въ сердцѣ каждого изъ настѣ теплится огонекъ жизни,—и наше дѣло, наша обязанность разжечь его въ живительное пламя.

Николай Акимовъ.

Тургеневскія странички.

I.

Изъ стихотвореній И. С. Тургенева.

I. Весенній вечеръ.

Гуляютъ тучи золотыя
Надъ отдыхающей землей;
Поля просторныя, нѣмья
Блестятъ, облитыя росой;
Ручей журчитъ во мглѣ долины —
Вдали гремитъ весенній громъ,
Лѣнивый вѣтръ въ листахъ осины
Трепещетъ пойманнымъ крыломъ.

Молчитъ и млѣтъ лѣсь высокій,
Зеленый, темный лѣсь молчитъ.
Лишь иногда въ тѣни глубокой
Безсонный листъ прошелестить.
Звѣзда дрожитъ въ огняхъ заката,
Любви прекрасная звѣзда,
А на душѣ легко и свято,
Легко, какъ въ дѣтскіе года.

II.

Замѣтила ли ты?

Замѣтила ли ты, о, другъ мой молчаливый,
О, мой забытый другъ, о, другъ моей весны,
Что въ каждомъ днѣ есть мигъ глубокой, боязливой
Почти внезапной тишины?

И въ этой тишинѣ есть что-то неземное,
Невыразимое... душа молчить и ждеть:
Какъ будто въ этотъ мигъ все страстное, живое
О смерти вспомнить и замретъ.

О, если въ этотъ мигъ невольною тоскою
Стѣснится грудь твоя и выступить слеза...
Подумай, что стою я вновь передъ тобою,
Что я гляжу тебѣ въ глаза.

Любовь погибшую ты вспомни безъ печали;
Прошедшему, мой другъ, предаться не стыдись...
Мы въ жизни хоть на мигъ другъ другу руки дали,
Мы хоть на мигъ съ тобой сошлись.

III.

Осень.

Какъ грустный взглядъ люблю я осень.
Въ туманный, тихій день хожу
Я часто въ лѣсъ и тамъ сижу —
На небо бѣлое гляжу
Да на верхушки темныхъ сосенъ.
Люблю, кусая кислый листъ,
Съ улыбкой развались лѣнивой,
Мечтой заняться прихотливой
Да слушать дятловъ тонкій свистъ.
Трава завяла вся; холодный,
Спокойный блескъ разлитъ по ней.
И грусти тихой и свободной
Я предаюсь душою всей....
Чего не вспомню я? Какія
Меня мечты не посѣтятъ?
А сосны гнутся, какъ живыя,
И такъ задумчиво шумятъ...
И, словно стадо птицъ огромныхъ,
Внезапно вѣтеръ налетитъ,
И въ сучьяхъ спутанныхъ и темныхъ
Нетерпѣливо прошумитъ.

IV.

Изъ писемъ Тургенева къ Фету.

(Письмо изъ Парижа отъ 31 марта 1864 г.).
Покинувъ градъ Петровъ, я въ Баденѣ поспѣшилъ
И съ удовольствиемъ тамъ десять дней прожилъ.
На брата посмотрѣть заѣхалъ я во Дрезденъ
(Какъ у Веригиной на насъ съ привѣтомъ лѣзъ Денъ, —

(Вы не забыли, чай? Но въ сторону его!)
 Я въ Баденѣ, мой другъ, не дѣлавъ ничего,
 И то же самое я сдѣлаю въ Парижѣ,
 И чувствую, что тамъ къ природѣ люди ближе,
 И что не нуженъ намъ ни Кантъ, ни Геродотъ,
 Чтобъ знать, что устрицы кладутъ не въ носъ, а въ ротъ.
 Недѣльки черезъ двѣ лечу я снова въ Баденѣ,
 Тамъ травка зеленѣй и воздухъ тамъ прохладенѣ,
 И шепчутъ горь верхи: „гдѣ Фетъ? гдѣ тотъ поэтъ?
 Чей стихъ свѣжѣй икры и сладостнѣй конфетъ?
 Достойно насть воспѣть одинъ онъ въ состоянны...“
 Но пребываетъ онъ въ далекомъ разстоянны.

V.

Эпиграммы.

1.

Дружинину.

Дружининъ корчить европеїца....
 Какъ ошибается бѣднякъ!
 Онъ трупъ россійскаго гвардейца,
 Одѣтый въ англійскій пиджакъ.

2.

Кетчеру.

Вотъ еще свѣтило міра!
 Кетчеръ, другъ шипучихъ винъ;
 Переперъ онъ намъ Шекспира
 На языкъ родныхъ осинъ.

VI.

Стихотворенія въ прозѣ.

1.

Камень.

Видали ли вы старый, сѣрый камень на морскомъ прибрежье, когда на него, въ часъ прилива, въ солнечный весенний день, со всѣхъ сторонъ бьютъ живыя волны — бьютъ и играютъ и ластятся къ нему — и обливаютъ его мицкую голову разсыпчатымъ жемчугомъ блестящей пѣнѣ?

Камень остается тѣмъ же камнемъ, но по хмуровой его поверхности выступаютъ яркие цвѣта.

Они свидѣтельствуютъ о томъ далекомъ времени, когда только что начинаяль твердѣть расплавленный гранитъ и весь горѣть огнестыми цвѣтами.

Такъ и на мое старое сердце недавно со всѣхъ сторонъ нахлынули молодыя, женскія души — и подъ ихъ ласкающимъ прикосновеніемъ зардѣлось оно уже давно поблѣжими красками, слѣдами бывалаго огня!

Волны отхлынули... но краски еще не потускнѣли — хоть и сунуть пальцѣ къ вѣтеръ.

2.

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Гдѣ-то, когда-то я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мню... но первый стихъ остался у меня въ памяти:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Теперь зима; морозъ запушилъ стекла оконъ; въ темной комнатѣ горить одна свѣча. Я сижу, забившись въ уголь; а въ головѣ все звенить да звенить:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

И вижу я себя передъ низкимъ окномъ загороднаго русскаго дома. Лѣтній вечеръ тихо таетъ и переходить въ ночь, въ тепломъ воздухѣ пахнетъ разездой и липой; а на окнѣ, опершись на выпрямленную руку и склонивъ голову къ плечу, сидитъ дѣвушка — и безмолвно, и пристально смотритъ на небо, какъ бы выжиная появленія первыхъ звѣздъ. Какъ простодушно-вдохновенны задумчивые глаза, какъ трогательно-невинны раскрытыя, вопрошающія губы, какъ ровно дышетъ еще не вполнѣ расцвѣтшая, еще ничѣмъ не взволнившая грудь, какъ чистъ и нѣженъ обликъ юнаго лица! Я не дерзаю заговорить съ нею, но какъ она мнѣ дорога, какъ бьется мое сердце!

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

А въ комнатѣ все темнѣй да темнѣй... Нагорѣвшая свѣча трещитъ, бѣглыя тѣни колеблются на низкомъ потолкѣ, морозъ скрипить и злится за стѣною — и чудится скучный, старческій испотъ...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Встаютъ передо мною другіе образы... Слышится веселый шумъ семейной, деревенской жизни. Двѣ русыя головки, прислоняясь другъ къ другу, бойко смотрятъ на меня своими свѣтлыми глазками, алые щеки трепещутъ сдержанымъ смѣхомъ, руки ласково сплелись, въ перебивку звучатъ молодые, бодрые голоса; а немного подальше, въ глубинѣ уютной комнаты, другія, тоже молодыя руки бѣгаютъ, пугаясь пальцами, по клавишамъ старень资料的 samovar... и Ланнеровскій вальсъ не можетъ заглушить воркотню патріахального самовара...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

Свѣча меркнетъ и гаснетъ... Кто это кашлять тамъ такъ хрипло и глухо? Свернувшись въ калачикъ, жмется и вздрагиваетъ у ногъ моихъ старый песь, мой единственный товарищъ... Мнѣ холодно... Я зябну... и все онѣ умерли... умерли...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“

3.

Русский языкъ.

Во дни сомнѣній, во дни тѣгостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,— ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русскій языкъ!—Не будь тебя—какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершаются дома?—Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ ~~даже~~ былъ не великому народу!

II.

О стихотвореніяхъ Тургенева.

Тургеневъ, какъ большая часть крупныхъ литературныхъ дарованій, началъ свое литературное поприще поэтическими опытами. Онъ скоро отказался отъ поэзіи и вслѣдствіи какъ бы не признавалъ своихъ первыхъ стихотворныхъ работъ, исключая ихъ изъ собранія своихъ сочиненій. Несмотря на такой взглядъ, самого Тургенева, его первыя стихотворенія и поэмы совсѣмъ не такъ слабы, какъ это думалъ самъ авторъ. Въ мелкихъ стихотвореніяхъ Тургенева и еще болѣе въ его поэмахъ „Параша“ и „Разговоръ“ видѣнъ настоящій поэтическій талантъ. Бѣлинскій недаромъ восхищался въ „Параши“ такими поэтическими картинами, какъ, напримѣръ, вотъ это описание южного знонаго дня:

Томительно-глубокой синевой
Все небо полно; какъ больной въ недугѣ
Земля горитъ и сохнетъ; подъ скалой
Сверкаетъ море блескомъ нестерпимымъ—
И движется, и дышеть, и молчитъ...
И всецѣла подъ тѣмъ неутомимымъ.
Могучимъ солнцемъ рдѣютъ... дивный видъ!
А, вотъ, зарынчешь весь въ песокъ блестящій,
Рыбакъ лежитъ и каждый проходящій
Любуется имъ съ завистью—я самъ
Имъ тоже любовался по часамъ.

Отъ такихъ стиховъ и такой поэтической живописи, конечно, не отказался бы ни одинъ поэтъ съ признаннымъ, крупнымъ дарованіемъ. Вообще слѣдуетъ сказать, что какъ въ поэмахъ, такъ и въ мелкихъ стихотвореніяхъ картины природы у Тургенева выходятъ превосходно. Вотъ еще два очень выразительныхъ отрывка:

Ея лицо мнѣ нравилось... Оно
Задумчиво грустію дышало;
Всегда казалось мнѣ: ей суждено
Страданій въ жизни испытать не мало.—
И что жъ? мнѣ было больно и смѣшно:
Вѣдь въ наши дни спасительно страданье...

Взглядъ этихъ глазъ былъ мягокъ и могучъ—
Но не блестѣлъ онъ блескомъ торопливымъ;
То былъ онъ ясенъ, какъ весенний лучъ,
То холодомъ проникнуть горделивымъ,
То чуть блисталъ, какъ мѣсяцъ изъ-за тучъ.
Но взглядъ ея задумчиво спокойный

Я больше всѣхъ любилъ: я видѣлъ въ немъ
Возможность страсти горестной и знайной —
Залогъ души, любимой божествомъ.

Оцѣнивая поэтическіе опыты Тургенева, предшествовавшіе его повѣстямъ и романамъ, нельзя не признать ихъ вполнѣ достойными первыхъ шаговъ великаго таланта и имѣющими значеніе не только въ качествѣ „пробы пера“ будущаго великаго романиста. Недаромъ же поэзіей Тургенева восхищался Бѣлинскій, недаромъ онъ сразу замѣтилъ начинающаго поэта и сразу поставилъ его въ рядъ выдающихся тогдашихъ стихотворцевъ. И, конечно, онъ былъ правъ и его критическая проницательность не обманула его: уже въ юношескихъ работахъ онъ отгадалъ будущій великий талантъ и предсказалъ его вліяніе на русскую литературу. Пускай виослѣдствіи, по признанію самого Тургенева, Бѣлинскій охладѣлъ къ его первоначальнымъ поэтическимъ работамъ. Но все-таки же эти работы и для своего времени были выдающимся явленіемъ, да и до сихъ поръ могутъ считаться такими*).

III.

О Лизѣ изъ „Дворянскаго Гнѣзда“.

Душевная красота дана была Лизѣ отъ природы, но именно вѣнчаніе одухотворенной тишины, подспудной жизни съ затаившимся въ ней преданіемъ, съ хранимымъ въ ней немеркнущимъ свѣтомъ — именно вѣнчаніе этой тишины охранило душевную красоту Лизы, осмыслило ее, дало ей форму.

„Наружный шумъ“ никогда не врывался въ тотъ міръ „тайственно волшебныхъ думъ“, который былъ въ душе Лизы, не мѣшалъ ей внимать себѣ, прислушиваться ко внутреннему голосу своей души, и она, сама того не зная, исполняла завѣтъ поэта:

Взыпая, возмутишь ключи,
Нитайся пми и молчи!

Она, въ тишинѣ, читалась этими ключами, просачивавшимися въ ея душу изъ окружавшаго ее міра замершаго преданія. Впечатлѣнія жизни она молча „слагала въ сердцѣ своеѣ“ — и все нарастало и нарастало ея душевное богатство.

Въ ея жизнь не врывались никакіе чуждые элементы. Гувернантка, учителя, — все это скользнуло мимо Лизы, не затрогивая ея души. Но съ самого младенчества эту душу наполнило собою чувство религіозное. Няня ея Агафья, тетка Мароа Тимофеевна, всѣми корнями вросшая въ почву, созданную преемственнымъ преданіемъ, дали ей первыя дѣтскія впечатлѣнія. А весь складъ натуры Лизы былъ таковъ, что впечатлѣнія глубоко западали въ ея душу и усоялись въ тайной, но непрерывной работѣ мысли. Глаза ея, еще ребенка, говоритъ Тургеневъ, „свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что рѣдко въ дѣяхъ“. „Она задумывалась не часто“, читаемъ мы далѣе, „но почти всегда не даромъ; помолчавъ немного, она обыкновенно кончала тѣмъ, что обращалась къ кому-нибудь старшему съ вопросомъ, показывавшимъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ“.

*) В. П. Буренинъ, „Литературная дѣятельность Тургенева“. Крит. очеркъ.

Немного разсказываетъ намъ Тургеневъ о внутренней жизни Лизы вообще и о внутренней ея жизни въ дѣствѣ — въ особенности. Образъ Лизы сдѣланъ твердою, но уже слишкомъ осторожна рукои. Но и въ этой главѣ овь не даетъ исторіи дѣства и воспитанія Лизы: есть только намеки, все же дающіе намъ ключъ къ уразумѣнію Лизы и ея послѣдующей исторіи.

„Бывало Агаэя (няня Лизы), вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ, какъ воокъ прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ лицомъ, сидѣть прямо и вяжетъ чулокъ“, читаемъ мы въ романѣ, — „у ногъ ея на маленькомъ креслицѣ сидѣть Лиза и тоже трудится надъ какою-нибудь работой или, важно пѣднявъ свѣтлые глаза, слушаешь, что разсказываетъ ей Агаэя; а Агаэя разсказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ разсказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житія отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мучениковъ; говорить она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду — и царей боялись, Христа исповѣдывали, какъ имъ птицы небесныя кормъ носили и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цветы выростали. „Желтофіоли?“ спросила однажды Лиза, которая очень любила цветы... Агаэя говорила съ Лизой важно и смиленно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такія высокія и святые слова. Лиза ее слушала — и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какою-то сладкою силой втѣснялся въ ея душу, наполняль ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ; Агаэя и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвалась и уводила тайкомъ къ заутренїѣ; Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полуслѣдъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку, — вся эта смѣсь запрещенного, странного, святого, потрясали дѣвочку, проникали въ самую глубь ея существа“.

И уже когда Агаэи не было въ домѣ, Лиза „попрежнему шла къ обѣданїѣ, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденіемъ, съ какимъ-то сдержаннѣемъ и стыдливымъ порывомъ“.

Вотъ все существенное, что рассказалъ намъ Тургеневъ о воспитаніи Лизы и о жизни ея души въ дѣствѣ. Это очень мало, это не все, но чуткій художникъ понялъ или, скорѣе, почувствовалъ самую сущность дѣла. Онъ почувствовалъ, что разгадка образа, созданного имъ въ томъ, что Лиза получила то же воспитаніе духовное, какое получаетъ и народъ нашъ, что, какъ и народъ нашъ, Христа она познала не непосредственно изъ Евангелия, а черезъ святыхъ Его и мучениковъ Его, что раньше, чѣмъ она познала Христа, уже „образъ Вездѣсущаго Бога... втѣснился въ ея душу и наполнилъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ“, и что поэтому слово Евангельское было воспринято ею во всей его полнотѣ и истинѣ, какъ слово святое и строгое, которое страшно даже произносить человѣческими устами... Отъ Агаэи Лиза восприняла въ душу свою то, что народъ нашъ воспринимаетъ въ свою душу, странствуя по монастырямъ или выслушивая разсказы странниковъ, молясь на гробахъ подвижниковъ и заступниковъ земли русской, съ умиленіемъ читая или слушая житія святыхъ и мучениковъ...

Но все это для Лизы, какъ и для народа нашего, было лишь подготовкой къ воспитанію духовному — самое воспитаніе и она, какъ народъ нашъ, получила въ церкви, въ храмѣ. Она полюбила храмъ, какъ любить его народъ нашъ, и тамъ для нея раскрылся глубокій смыслъ ея вѣры, и тамъ она нашла утвер-

жденіе того, что жило въ душѣ ея. Она воспринимала въ свою душу ученіе вѣры не въ сухомъ изложеніи катехизиса или учебника, а въ живомъ дѣйствіи, въ живомъ откровеніи самой вѣры. Въ церковныхъ службахъ — и вся исторія христіанства и вся его догматика: исторія, раскрывающаяся въ дѣйствіи, во всемъ ея величавомъ трагизмѣ, — догматика, раскрывающаяся не въ сухихъ формулахъ, а въ святыхъ словахъ умиленной и скорбной молитвы, въ поэзіи церковныхъ пѣснопѣй, въ вѣчныхъ словахъ, произносимыхъ предъ самыми престоломъ вѣчного Бога.

Въ храмѣ произносятся каждый разъ одни и тѣ же слова, но слова вѣчные, и эти слова каждый разъ, какъ ихъ снова слышала Лиза, снова и съ новою силой сходили въ ея душу: смыслъ ихъ все углублялся, значеніе ихъ все становилось понятнѣе. Въ храмѣ же она видѣла вокругъ себя этотъ смиренный, колѣнопреклоненный народъ, съ благоговѣніемъ прислушивавшійся къ святымъ и вѣчнымъ словамъ, — она видѣла этихъ смиренныхъ людей, убогихъ, темныхъ, простыхъ, но готовыхъ во всякую минуту отдать жизнь свою за эти святые и вѣчные слова; въ храмѣ она жила одною жизнью съ этимъ народомъ, чувствовала одинимъ чувствомъ съ нимъ... И вѣчное, одно вѣчное наполняло ея душу, укрѣплялось въ ней, отодвигая отъ нея все временное, все житейское...

Вотъ откуда ея слова, такъ поразившія Лаврецкаго. Когда онъ началъ говорить ей о религіи, о ея значеніи въ исторіи, о значеніи христіанства, Лиза сразу поняла смыслъ этихъ философскихъ разсужденій, поняла и то, что не въ нихъ сущность дѣла.

— „Христіаниномъ нужно быть,—заговорила не безъ нѣкотораго усилия Лиза, — не для того, чтобы познавать небесное... тамъ... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть“.

„Лаврецкій съ невольнымъ удивленіемъ поднялъ глаза на Лизу и встрѣтилъ ея взглядъ“.

— „Какое это вы промолвили слово,—сказалъ онъ“.

— „Это слово не мое,—ответила она“.

Да, это слово не ея, это то вѣчное слово, которое вошло въ ея душу въ храмѣ и укрѣпилось въ ней.

Это вѣчное, и только оно, которое въ ея душѣ господствуетъ надо всѣмъ, надъ всѣми ея чувствами и помыслами — это вѣчное дало силу ей, хрупкой и слабой дѣвушкѣ, перенести съ мужественною твердостю тяжкое испытаніе, постигшее ее, дало ей силу добровольно и сознательно возложить на себя крестъ и понести его. Она нестерпимо страдаетъ, конечно, но она не подчиняется страданію, а сама принимаетъ его, сознательно и осмысленно, и вотъ почему ея страданіе восходитъ на высоту подвига. Ея душа, постигнутая несчастіемъ, истерзанная нестерпимымъ страданіемъ, не впадаетъ въ отчаяніе и уныніе, а напротивъ, расширяется, возвышается и обнаруживаетъ то высокое чувство, которое таилось въ глубинѣ, не высказанное, но всегда сознаваемое. Уже рѣшившись итти въ монастырь, она говорить теткѣ:

— „Счастіе ко мнѣ не шло. Даже когда у меня были надежды на счастіе, сердце у меня щемило. Я знаю все: и свои грѣхи и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ, я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо“.

И она ушла въ монастырь. Она знаетъ, что дѣлаетъ и зачѣмъ дѣлаетъ. Не разбитая жизнь, не разбитая надежда на счастіе гонитъ ее туда, не для того, чтобы укрыться отъ вѣтра жизни, какъ хотѣлъ укрыться отъ него Гамлетъ — въ могилѣ, идти въ монастырь; — нѣть, она идетъ туда, совершая сознательный подвигъ, она идетъ туда молиться за міръ, за грѣхи отца своего, которые

скорбью и тягостью легли на ея душу, мучать ея чуткую совѣсть,— она идетъ молиться за живыхъ и за мертвыхъ, за тѣхъ, за кого, быть-можетъ, уже некому помолиться...

„Говорять, Лаврецкій посыпалъ тотъ отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза — увидѣть ее“, читаемъ мы въ романѣ. — „Перебираясь съ клироса на клирость, она прошла близко него, прошла ровною, торопливо смиренною походкой монахини — и не взглянула на него; только рѣбенцы обращенного къ нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо — и пальцы сжатыхъ рукъ, перевитые четками, еще крѣпче прижались другъ къ другу“.

Такою въ послѣдній разъ появляется Лиза въ романѣ, — появляется въ строгомъ и скорбномъ образѣ подвижницы, живущей только во имя вѣчныхъ словъ и готовой умереть за нихъ...

Если есть въ русской литературѣ женское трагическое лицо — такъ это Лиза. Тургеневъ не могъ показать намъ ее во всей красотѣ трагического страданія, онъ далъ намъ только не всегда вѣрный и колеблящійся эскизъ; но гдѣ можно найти болѣе высокій трагизмъ, какъ не въ подвигѣ великаго страданія, сознательно на себя принятомъ?

Ан. Григорьевъ говорить, что создавая „Дворянское Гнѣздо“, Тургеневъ какъ бы натянулъ на раму огромный холстъ для огромной исторической картины, но зарисовалъ лишь небольшой уголъ этого холста. Это очень вѣрое сравненіе, и даже въ этомъ зарисованномъ углѣ иное сдѣлано красками, живыми и яркими, а иное и главнѣйшее показано лишь въ блѣдныхъ очертаніяхъ, едва набросано; но отъ всей этой недоконченной картины все-таки вѣеть живою жизнью и живымъ чувствомъ этой жизни, неторопливой, но и не останавливающейся жизни преемственного преданія. Пусть лицо Лизы блѣдно и неясно, пусть она не облечена въ плоть и кровь, пусть оно являеть собою какъ бы туманное видѣніе, которое вотъ-вотъ истаетъ и исчезнетъ, но именно это лицо достойно стать центромъ великой исторической картины, ибо даже и въ блѣдномъ очеркѣ своемъ Тургеневъ показалъ намъ въ Лизѣ мѣру душевной красоты русской женщины *).

IV.

Означеніи Тургенева.

Тургеневъ въ своихъ произведеніяхъ былъ, безъ сомнѣнія, прежде всего художникомъ и преслѣдоваль главнымъ образомъ художественную цѣль — воспроизведеніе дѣйствительности по возможности реалистически, правдиво. Но его художественный реализмъ не имѣть ничего общаго съ одностороннимъ натурализмомъ и подкладка у него вполнѣ идеалистическая. При такой основѣ своего творчества очень естественно, что онъ давалъ извѣстное идеиное освѣщеніе воспроизводимой имъ дѣйствительности, очень естественно, что въ группировкѣ этого материала онъ допускалъ вполнѣ свободное и широкое участіе ума, который составляетъ одно изъ существенныхъ качествъ его творчества. Короче говоря: онъ былъ въ одно и то же время и художникомъ и мыслителемъ. Его мысль была столь же проницательна и воспріимчива, какъ и непосредственная творческая впечатлительность; но послѣдняя въ большинствѣ его произведений является болѣе глубокою и правдивою, чѣмъ его мыслительная сторона. Не рѣдко

*) Тургеневъ, кр. оч. Ю. Николаева (Говорухи-Отрока).

въ его произведеніяхъ замѣтна какъ бы нѣкоторая борьба между мыслью и не-посредственной творческой впечатлительностью, причемъ художникъ всегда на-столько честенъ и добросовѣщенъ, что не даетъ преимуществъ первой и подчи-няетъ ее послѣдней: черта рѣдкая въ писателяхъ нашего времени. „Точно и сильно воспроизвести истиину, реальность жизни“ даже тогда, когда вся истина „не совпадаетъ съ собственными симпатіями“ — это Тургеневъ считалъ „вели-чайшимъ счастіемъ“ для поэта, какъ въ этомъ онъ сознается самъ. Благодаря такой глубокой любви къ истинѣ, произведенія Тургенева, особенно произведенія зрѣлой эпохи, несмотря на все ихъ общественное, даже, коли хотите, порой, политическое, значеніе, не выходятъ узко-тенденціозными, тѣмъ болѣе дидакти-ческими.

Тургеневъ былъ глубокимъ знатокомъ русской жизни, русскаго быта, осо-бенно быта народнаго и быта средняго дворянства. Большинство его произведеній вращается въ этихъ двухъ сферахъ и тутъ онъ распоряжается полнымъ хозяиномъ. Онъ зналъ всѣ характерныя стороны и всѣ детали изображаемыхъ имъ лицъ крестьянской и дворянской среды, зналъ ихъ языки и превосходно, въ высшей степени искусно воспроизводилъ его. Слѣдуетъ замѣтить, что въ воспроизведеніи крестьянского языка онъ сумѣлъ соединить точность, правдивость и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстную обработку этого языка; благодаря этому, народный говоръ у него не звучитъ такъ грубо и голо, какъ у позднѣйшихъ живописцевъ крестьянской среды, которые въ видахъ большей вѣрности въ копировкѣ простонароднаго языка утрировали его, щеголяя странными и вульгарными „словечками“. Тутъ, кажется, Тургеневъ тоже воспринялъ нечто отъ Пушкина: гениальный поэтъ съ вели-чайшей осторожностью пользовался „простонароднѣмъ“ языкомъ, воспроизводя только его общія типическія черты и особенности и какъ бы стушевывая все, что могло бы сообщить ему карикатурность и грубость. Въ чемъ заключается секретъ художественного возсозданія народнаго языка, въ противоположность голому копировавшему крестьянского говора — это вообще опредѣлить довольно трудно; но несомнѣнно, что Тургеневъ, какъ и другіе крупные художники, какъ Левъ Толстой, Достоевскій, Гончаровъ, въ высшей степени владѣлъ этимъ секретомъ.

Помимо большого художественнаго значенія въ русскомъ литературномъ искуствѣ, помимо общественнаго и морального вліянія своими произведеніями на народной почвѣ, Тургеневъ имѣлъ еще и другое значеніе и вліяніе: благо-даря его разсказамъ и романамъ Европа ознакомилась съ русской жизнью, съ ея бытомъ и складомъ, съ общественными движеніями и идеалами, господствовав-шими въ трехъ поколѣніяхъ русской интеллигенціи. Ни одинъ изъ русскихъ писателей не пріобрѣлъ себѣ такого права гражданства въ европейскихъ литера-турахъ, какъ авторъ „Отцовъ и дѣтей“. Его произведенія обыкновенно перево-дились по-нѣмецки, по-французски, по-англійски сейчасъ же вслѣдъ за появлениемъ ихъ на родномъ языкѣ. Особенно Тургеневъ пользовался большимъ вниманіемъ у нѣмцевъ, гдѣ существуютъ переводы не только всѣхъ его произведеній, но и значительное количество критическихъ ихъ разборовъ, принадлежащихъ перу наиболѣе выдающихся германскихъ критиковъ. Нѣмцы даже предупредили рус-скихъ по части біографіи Тургенева: у насъ со смерти знаменитаго писателя не появилось еще никакого опыта біографіи Тургенева даже и въ небольшомъ объ-емѣ журнальной статьи, а одинъ изъ нѣмецкихъ критиковъ уже успѣлъ дать полный очеркъ жизни и литературной дѣятельности нашего писателя. Во Фран-ціи Тургеневъ точно также пользовался значительной извѣстностью и переводы его романовъ и повѣстей очень сочувственно встрѣчались и французскою кри-

тикой и беллетристами „послѣдней формациї“, изъ которыхъ иные, напримѣръ, Альфонсъ Додэ, отчасти однородны по направленію и по таланту съ напімъ художникомъ. Извѣстности Тургенева на Западѣ много способствовало его долгое пребываніе за границею, его личное знакомство съ корифеями европейскихъ литературы. Но конечно, не это обстоятельство, а нѣчто иное выдвинуло русскаго автора въ рядъ крупныхъ европейскихъ писателей, придавало ему такую извѣстность въ глазахъ Европы, которой другіе нации писатели не имѣли до сихъ поръ; это, во-первыхъ, его большой и необыкновенно изящный художественный талантъ и не менѣе большой умъ; во-вторыхъ, самое развитіе русской жизни, въ періодъ дѣятельности Тургенева, ушедшее настолько впередъ, что интересы ея внутренняго движенія сдѣлялись уже общечеловѣческими интересами. Тургеневъ въ своихъ произведеніяхъ схватывалъ и отражалъ эти внутренніе интересы съ изумительной живостью, ставилъ ихъ отчетливо и правдиво передъ глазами и русскихъ и европейскихъ читателей, ставилъ притомъ всегда во-время, когда они находились въ моментъ назрѣванія, уясняль ихъ образами своего творчества и такимъ образомъ привлекаль къ нимъ общее вниманіе. Въ этомъ одна изъ самыхъ большихъ его заслугъ, кромѣ другой еще болыше, что онъ, подобно Пушкину, былъ полезенъ „прелестью живой“ той поэзіи, того художественнаго изящества, которыми запечатлѣны все его произведенія.*)

V.

Отклики въ русской поэзіи.

1.

Надъ могилой И. С. Тургенева.

(С. Я. Надсона).

Тревожные слухи давно долетали;
Бѣда не подкалась къ отчинѣ тайкомъ,—
Бѣда шла открыто, мы все ее ждали,
Но всѣхъ взволновалъ разразившійся громъ.
И такъ ужъ немнога вождей остается,
И такъ ужъ безлюдье нась тяжко гнететь,
Чье жъ сердце на русскую скорбь отзовется,
Чья мысль ей укажетъ желанный исходъ?..

Больной и далекій,—въ послѣдніе годы
Немнога ты даль намъ, учитель и другъ:
Понять наши стоны и наши невзгоды
Тебѣ помѣшалъ безпощадный недугъ.
Но жилъ ты—и вѣрилось въ русскую силу,
И вѣрилось въ русской души красоту,—
Сошелъ, побѣжденный страданьемъ, въ могилу,—
И нѣть тебѣ смѣны на славномъ посту.

*) „Литературная дѣятельность Тургенева“, крит. оч. В. П. Буренина.

Не здѣсь, не въ мерцаныи свѣтчей погребальныхъ,
Не въ пестрой толпѣ, не при громѣ рѣчей,
Не въ звукахъ молитвъ, заунывно-печальныхъ,
Поймемъ мы всю горечь утраты своей:—
Поймемъ ее дома, поймемъ надѣя строками
Высокихъ и свѣтлыхъ твореній твоихъ,
Заслышиавъ, какъ сердце трепещетъ слезами,—
Слезами восторга и чувствъ молодыхъ!..

И долго при лампѣ, вечерней порою,
За дружнымъ и тѣснымъ семейнымъ столомъ,—
Въ студенческой кельѣ, въ саду надѣя рѣкою,—
На школьной скамейкѣ и всюду кругомъ—
Знакомая будуть мелькать намъ страницы,
Звучать отголоски знакомыхъ рѣчей,
И, словно живыя, вставать вереницы
Тобою возсозданныхъ русскихъ людей!...

2.

Кончина Тургенева.

(С. А. Андреевскаго).

Тургеневъ! Есть ли имена
Намъ симпатичнѣе по звуку?
И съ нимъ судили времена
Россіи вѣчную разлуку!..
Ударилъ громъ... и много лѣтъ
Мы темной тучи не разгонимъ:
Ногасть нашъ тихій, кроткій свѣтъ—
Мы часть души своей хоронимъ!..
Свободы вождь передовой,
„Изъ стаи славныхъ отсталой“,
Родныхъ кумировъ современникъ—
Онъ былъ для насы ихъ слѣдъ живой,
Ихъ кровный, подлинный преемникъ!

Мы съ дѣтства слушали разсказъ
Его простой, прелестной музъ,
И въ нашемъ сердцѣ крѣпли узы
Съ душою свѣтлой, какъ алмазъ...
Когда мы позже были юны,
На праздникъ дѣвственной любви
Его плѣнительныя струны
Намъ пѣсни рая принесли!...
Когда бороться за науку
Рванулись свѣжіе умы,
Онъ новобранцамъ подалъ руку
И разсѣвалъ туманы тьмы...

Онъ далъ впервые проводницу
Бойцамъ проснувшейся страны:
На смѣлый трудъ изъ тишины
Онъ вызвалъ русскую дѣвицу.
И былъ онъ другъ ея мечты,
Душа — глубокий познаватель,
Ея стыдливой красоты
Неподражаемый ваятель!
Родное поле, степь и лѣсъ,
Въ цвѣтахъ весны, въ одеждѣ снѣжающей;
Подъ всѣми красками небесъ —
Онъ обезсмертилъ кистью нѣжной...
И пѣвъ намъ голосъ дорогой...
Вопросы дня, вопросы міра —
Всему, подъ дивною рукой,
Отвѣтный звукъ давала лира!
Прощайте: чудное перо,
Насъ одарявшее съ чужбины,
И ненаглядная сѣдины —
Маститой славы серебро!
Ты къ намъ желалъ на сѣверъ дикий
Укрыться съ юга на покой:
Сойди же въ грудь земли родной,
Наигръ вѣчно милый и великий!
Здѣсь тишина... здѣсь лучший другъ —
Здѣсь все товарищи вокругъ...
Сюда придутъ, придутъ безъ счета
Слагать вѣнки на этотъ сводъ,
И чуть отъ церкви, съ поворота,
Къ тебѣ завидятъ узкій ходъ —
Какое нѣжное волненіе
Невольно каждый ощутить!..
И сколько разъ благословеніе
Твою могилу осѣнить!

3.

У гроба И. С. Тургенева.

(Я. П. Полонскаго).

Онъ не нуждается ни въ лаврахъ ни въ цвѣтахъ,
И ѿміамъ земли недужной и растлѣнной
Не долетитъ къ тому, кто въ страшныхъ глубинахъ
Вселенной ищетъ путь къ Источнику вселенной.
Нѣть, бюсты и вѣнки, и этотъ ѿміамъ
Не намъ и не его благословенной тѣни,
А родинѣ — за то, что подарила намъ
Истолкователя трехъ нашихъ поколѣній, —
Поэта русскихъ думъ, — за то тепло и свѣтъ,

Чтоб пролить намъ въ сердца ея вѣщунъ - поэтъ.
 Не намъ и не ему сей єиміамъ паухчай,
 Цвѣты и лавры... Нѣть! Пусть эти всѣ цвѣты
 Отчизна милая вплететъ въ свой тернъ колючай,
 Чтобъ обновить свои надежды и мечты.
 Тѣнь друга нашего, тѣнь генія невольно
 Какъ бы въ одну семью соединяетъ насть,
 Не потому, что намъ разстаться съ нимъ такъ больно,
 Такъ жаль, что на землѣ огонь его погасъ,—
 А потому, что Русь какъ бы себя вѣнчаетъ
 Вѣнцомъ того пѣвица, котораго теряетъ.

VI.

Изъ современной печати.

I.

Забытый геній.

Припомнимъ, что такое былъ Тургеневъ и чѣмъ обязана ему Россія. Насмотрѣвшись крѣпостныхъ ужасовъ въ роскошной усадьбѣ матери, Тургеневъ счелъ задачей жизни — борьбу съ этими ужасами. „Врагъ... былъ — крѣпостное право, — пишетъ Тургеневъ. — Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца, съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться. Это была моя аннибаловская клятва, и не я одинъ даль ее себѣ тогда“. Конечно, не онъ одинъ. Нѣсколько ранѣе выступилъ молодой Григоровичъ съ „Антономъ Горемыкой“. Но именно „Запискамъ Охотника“, этимъ двумъ незабвеннымъ томамъ деревенскихъ разсказовъ, народъ русскій обязанъ больше, чѣмъ какой-либо другой книгѣ послѣ Евангелия. Надъ полными неотразимой прелести и страшной правды картинами тогдашней жизни плакало все общество, плакалъ будущій самодержецъ, потомъ прозванный Освободителемъ. Оцѣните цѣну такого въ ширь и въ высъ проникающаго литературнаго виупенія! Пусть крѣпостное право уже осуждено было совѣстю лучшихъ людей, пусть самъ Николай I „мечталъ“ объ освобожденіи. Но мечтать могли полстолѣтія и не имѣли мужества рѣшиться. Нужно было, чтобы на помощь колеблющемуся сознанію того вѣка пришелъ великий талантъ, который столкнулъ бы наконецъ вопросъ съ мертввой точки. У русской литературы не было подвига болѣе блестательного, чѣмъ этотъ, и его совершилъ Тургеневъ. Онъ сумѣлъ, несмотря на суровыя преграды, найти дорогу къ сердцу власти, онъ всколыхнулъ благородное движеніе въ обществѣ, рискуя многимъ. Не онъ одинъ, но онъ по преимуществу и во главѣ всѣхъ сразилъ нечестіе тогдашняго быта.

Вторая великая заслуга Тургенева — его художественное учительство. Онъ сумѣлъ сдѣлаться оракуломъ своего времени, вождемъ его. Гениальный изобразитель, Тургеневъ далъ возможность Россіи понять себя. Онъ открылъ ее для самихъ русскихъ. Искусство есть вторая, высшая душа народа. Въ изображеніи великихъ мастеровъ обыкновенно люди видятъ жизнь гениальными глазами, слышать гениальнымъ слухомъ. И до Тургенева мы видѣли Рудина, Лаврецкаго, Лизу, Елену, но, лишь читая его удивительные романы, мы всмотрѣлись въ нихъ и

запечатлѣли въ памяти. Крѣпостники и мечтатели, слабые люди и нигилисты — Тургеневъ не создалъ ихъ, но лишь онъ заставилъ жить ихъ въ наше сознаніе. Подобно Шекспиру, Тургеневъ населилъ наше воображеніе точными представленіями о людяхъ: заслуга въ воспитательномъ отношеніи неоцѣнимая. До Тургенева русское общество было менѣе сознательнымъ, чѣмъ послѣ него.

Третья великая заслуга Тургенева — покореніе Европы и всего свѣта русской литературѣ. До Тургенева Россія быта духовно покорена всѣмъ странамъ: мы съ жадностью читали Шекспира, Сервантеса, Гете, Гюго и тысячи авторовъ меньшаго значенія, не смѣя мечтать, чтобы на родинѣ этихъ великихъ писателей читали настѣль. Робкія попытки перевести Пушкина и Лермонтова не имѣли успѣха. Россія казалась на Западѣ духовной пустыней, страной, безъ всякаго просвѣщенія, безъ всякаго вклада въ цивилизацію. Тургеневъ первый прорубилъ не только окно, но раскрылъ широкія ворота въ русскій міръ. Тургенева первого узнали за границей — сначала лично, затѣмъ въ переводахъ. Имъ первымъ восхитились, и первостепенные западные таланты первого его признали себѣ равныемъ. Помните отзывы Додэ: еще до встрѣчи съ Тургеневымъ у Флобера Додэ „зналъ и хорошо зналъ Тургенева“. „Я съ глубокимъ восхищеніемъ прочелъ „Записки Охотника“, и эта книга великаго романиста, на которую я началъ случайно, привела меня къ близкому знакомству съ другими его сочиненіями. Прежде чѣмъ встрѣтиться, мы уже были соединены нашей общей любовью къ природѣ въ ея великихъ проявленіяхъ и тѣмъ, что оба ощущали ее одинаково“. Европеецъ съ головы до ногъ, глубоко образованный, Тургеневъ безъ труда вошелъ въ тогдашнюю умственную жизнь Европы и былъ признанъ ею. Тургеневъ первый прорубилъ брешь этого враждебнаго къ намъ невѣжества и заставилъ сначала удивиться, затѣмъ полюбить и наконецъ уважить русскій умъ и чувство. Съ рѣдкимъ благородствомъ, отличающимъ Тургенева, онъ знакомилъ Европу не только съ собой, — гораздо больше онъ хлопоталъ о своихъ собратьяхъ, о Лѣвѣ Толстомъ, котораго переводилъ и заставлялъ переводить, расхваливая безъ устали. Именно Тургеневъ открылъ Европѣ Толстого, и когда эти два таланта прошли туда, а за ними вслѣдъ Достоевскій, тамъ сразу поднялся интересъ къ русской литературѣ. Всюду начали переводить русскихъ писателей, даже второстепенныхъ.

Я указалъ только три заслуги великаго писателя передъ отечествомъ. Ихъ гораздо болѣе. Воспитывая сознаніе русскаго общества, держа его на высотѣ современной европейской культуры, Тургеневъ больше всѣхъ повліялъ на ходъ нашей цивилизациі. Онъ въ значительной степени выполнилъ то, что не удалось Пушкину: онъ разсказалъ „завѣты русской старины, преданья русскаго семейства, любви плѣнительные сны“. Тургеневъ облагородилъ хотя на нѣсколько десятилѣтій отношеніе общества къ женщинѣ, установилъ вкусъ въ столь важной области, какъ романъ. Если бы нынѣшняя молодежь читала Тургенева, невозможны были бы гнусные нынѣшніе нравы, половой цинизмъ, доведенный до психопатіи. Вообще, какъ жаль, какъ глубоко жаль, что Тургенева забыли! Высокимъ благородствомъ отмѣчены отношенія Тургенева къ соперникамъ по славѣ. Тургеневъ съ удивительнымъ великодушiemъ относился къ опасному своему сопернику, Лѣву Толстому. Несмотря на извѣстную ссору съ Толстымъ (инициатива которой принадлежала не Тургеневу), Тургеневъ восхвалялъ его гдѣ могъ за границей. Развѣ не трогательно предсмертное письмо Тургенева Толстому: „Милый и дорогой Лѣвъ Николаевичъ... Пишу же я вамъ собственно чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ, и чтобы выразить вамъ мою послѣднюю искреннюю просьбу: „Другъ мой, вернитесь къ литературной

дѣятельности! Вѣдь этотъ даръ вашъ оттуда, откуда все другое... Другъ мой, великий писатель земли русской, внемлите моей просьбѣ..."

Л. И. Толстой не внялъ этой просьбѣ, но предсмертное нареченіе Тургеневымъ своего соперника по славѣ „великимъ писателемъ земли русской“ сослужило яснополянскому отшельнику громадную службу. Оно вошло въ литературный титулъ Толстого и дало колоссальный толчокъ его славѣ. Именно съ этого времени, оставшись одинъ изъ великой дружины, Левъ Николаевичъ выступилъ во весь свой ростъ, заслонивъ собою какъ бы всю прошлую литературу. Въ жизненномъ романѣ Тургенева это одна изъ трагическихъ чертъ, гдѣ нашъ забытый герой остается до конца рыцаремъ безъ страха и упрека.

(„Нов. Вр.“ М. Меныпиковъ).

II.

Въ имѣніи И. С. Тургенева. *)

Преступно небрежно относимся мы къ сохраненію нашихъ драгоценныхъ национальныхъ памятниковъ. Домъ Пушкина въ селѣ Михайловскомъ недавно сгорѣлъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ. Судьба Тургеневскаго Спасскаго-Лутовинова тоже плачевна. Г. Мурье въ своей книгѣ, вышедшей лѣтъ десять назадъ, даетъ описание этого „Дворянскаго Гибрата“.

„Помѣщество находится въ 10 verstахъ отъ г. Мценска, Орловской губерніи. Это такая же деревня, какихъ сотни въ той полосѣ: церковь съ зеленымъ куполомъ передъ усадьбою, довольно незатѣмливый помѣщичій домъ, полукаменный, съ длинными флигелями, и тѣнистый обширный паркъ, окружающій всѣ строенія.

„Небольшой подъѣздъ ведетъ въ жилыя комнаты; нѣсколько ступенекъ налѣво вверхъ—и вы входите изъ передней въ буфетную, а оттуда въ столовую. На стѣнахъ здѣсь фамильные портреты; нѣкоторые изъ нихъ уже совершенно выцвѣли, потому что относятся еще къ эпохѣ императрицы Елизаветы Петровны: все это Лутовиновы, Мансеровы, Сергеевы, Сухотины и Шеншины—родственники Варвары Петровны Тургеневой, матери писателя. Черезъ маленькую комнатку, съ дверью на балконъ, можно пройти въ кабинетъ дяди Тургенева, гдѣ стоитъ знаменитый „самосонъ“, диванъ, настолько располагавшій Ивана Сергеевича къ мирному отдыху, что онъ боялся садиться на него, чтобы не впасть сейчасъ же въ пріятную дремоту. Отсюда выходъ въ залу, довольно просто убранную; здѣсь, въ числѣ другихъ картинъ, портретъ Сергея Николаевича Тургенева, въ военномъ мундирѣ, написанный около 1812 года, и портреты няни и кормилицы Ивана Сергеевича. Странно видѣть эти простыя крестьянскія лица: они рѣзко выдѣляются среди напудренныхъ и разодѣтыхъ фигуръ. Еще удивительнѣе, что нигдѣ не видно портрета Варвары Петровны; горечь отношений Тургенева къ его матери, вѣроятно, была такъ сильна, что ни времена, ни обстоятельства не могли примирить его съ ея памятью“.

Рабочій кабинетъ и спальня Ивана Сергеевича были расположены рядомъ съ залой; стѣны кабинета были оклеены темными обоями; ясеневые, обитыя желтымъ кашемиромъ, лакированныя ширмочки огораживали ясеневую кровать и сто-

*) Н. З. („Гол. Москвы“).

ликъ изъ того же дерева. У окна былъ письменный столъ краснаго дерева и кресло съ камышевой спинкой и сидѣньемъ. Кожаное кресло, диванчикъ, два стула и шкафъ—вотъ остальная обстановка этой комнаты. Въ углу висѣлъ старинный образъ Спасителя въ массивной серебряной разбѣ, а на стѣѣ—дипломъ, выданный Ивану Сергеевичу изъ берлинского университета 18-го ноября 1839 года. Внизу было еще нѣсколько комнатъ: билліардная и пр. Одна изъ нихъ, угловая, носила название: „комната Савиной“ въ воспоминаніе того, что артистка эта часто гостила лѣтомъ у Тургенева, въ Спасскомъ.

Паркъ въ имѣніи былъ удивительно красивъ. Тѣнистая извилистая аллея чередуются съ открытыми лужайками и отдѣльными группами деревьевъ и манятъ своимъ чарующимъ видомъ. Тургеневъ особенно любилъ скамейку около цвѣтника, где онъ посадилъ свой дубокъ, тогъ самый, о которомъ онъ съ такою задушевною грустью говорить въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Буживала. Покатая дорожка ведетъ къ другому любимому уголку,—„двумъ братьямъ”—лиственницаамъ, стройно поднимающимся изъ одного корня. Кора лиственница вся испещрена надписями посѣтителей, неумолимо утѣковѣчивающихъ свои имена. Еще подальше—„прудъ Савиной“, съ развѣистыми ивами, склонившимися къ самой водѣ, съ бѣлыми и желтыми кувшинчиками у береговъ.

Все кругомъ еще дышало живыми воспоминаніями, когда г. Мурье благоговѣйно записывалъ то, что говорить о великомъ писателѣ въ его родномъ гнѣзда.

Въ настоящее время Тургеневская усадьба не существуетъ,—она тоже сгорѣла. Ее постигла та же участь, что и Пушкинскій домъ въ Михайловскомъ и домъ Лермонтова...

Теперь въ развалинахъ дома Тургенева находится складъ картофеля...

Почта „Дневника Писателя“.

Вологда. Х. И. Пахолкову.—Сообщите г. С-еву, автору „Одиночества“ (который просить ему черезъ вѣсъ отвѣтить), что присланное имъ не будетъ на-

печатано въ „Дн. Писат“. Рукопись будетъ выслана обратно по адресу, какой укажетъ авторъ, приславъ достат. кол. марокъ для возврата заказной бандеролью.

Одесса. Ему. Ваше письмо дышеть не гнѣвомъ, а дикой злобой, и уже по одному этому нельзѧ его печатать, даже при увѣренности, что все сообщаемое вами правда. Но и этой увѣренности мы не имѣемъ. И анонимныхъ писемъ мы не печатаемъ.

Киевъ. Пирату. Это не крит. очеркъ, а просто ругань. Не раздѣляя взгляда многихъ поклонниковъ ругаемаго вами писателя, мы тѣмъ не менѣе не можемъ отрицать у него совсѣмъ таланта и не хотимъ ни грязнить журналъ, ни оскорблять писателя помѣщениемъ вашей ругательной статьи. Съ врагами бороться надо, но и между рѣзкостью и такой руганью—цѣлая пронастя.

Подписчикамъ. Спб., Москва, Орелъ, Вильна, Тифлисъ. Очень рады, что вамъ нравится „Жасминъ“ Свѣтогор, написанный „благоуханно“. Да, въ „Дн. Пис.“ и впредъ она будетъ помѣщать свои произведения.

Спб. Володиной. Прочтите выше. Но отчего вы не прислали письма непосредственно изъ Спб. въ редакцію, а переслали его черезъ лицо, живущее въ Москвѣ (письмо съ городской маркой, съ моск. только штемпелемъ, а подъ письмомъ Спб.)?

Тремъ подписчикамъ. Вы жалуетесь: „мы не получили юньской и юльской кн., а майскую получили. Соблаговолите внимательно прочесть обложку (4-ю стр.), и лицевую № майскаго, и увидите: май—юнь, ровно какъ на слѣд. книгѣ—юль—августъ.“

Варшава. Л—ой. „Непутеваго дьякона“ нѣть въ отд. продажѣ. Онъ напеч. въ юльск. кн. за 1907 „Истор. Вѣсты“. М.-б., я издамъ и отдѣльно. Да, я давно ничего не печаталъ въ „И. Вѣсты“, но вовсе не разошелся съ нимъ. Несомнѣнно, вы тамъ меня еще встрѣтите. „Дн. Пис.“ пока беретъ меня по-тии цѣликомъ. На вашъ вопросъ я отвѣчу статьей въ окт. „Дневничкахъ“—„Запросы духа“.

Вятка. Отд. сборн. стиховъ Симборского нѣть. Это не единичное желаніе ваше, и я его исполню въ бл. №, чтобы ознакомить многихъ съ музыей покойного поэта.

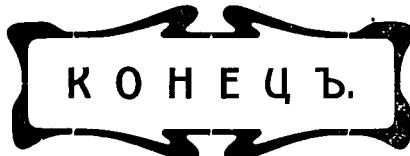
Полоцкъ. Шир—ву. Книжка своевременно вамъ была послана. Въ лицѣ васъ всѣмъ повторю: книги которой высыпаются аккуратно, но пропадаютъ гдѣ-то. Способъ пересылки журналовъ крайне несовершенъ, не гарантируя редакцій, и поэтому наносить не мало убытка. Но почт. вѣдомство не предпринимаетъ никакихъ улучшений для иног. разсыпки. Въ городѣ—доставка безуказрненна. Пропадаютъ только иногор. экземпляры. На жалобы слѣдуютъ отписки и только. Не теряемъ надежды, что когда-нибудь почт. вѣд. улучтъ способъ пересылки. №№ 5-6 посл. вамъ вторично. Сообщите о получении.

Орлову. (Моск. губ.) Богородскъ. Доплата за 2-е пол. 2 р. получена отъ васъ. 2 р. и слѣдовало. (См. условія подписки на 4 стр. обложки).

Н. Н—му, Раменское Стихи: „Я знаю, гдѣ лежитъ добро“—не пригодны для настъ.

Кишиневъ. Зав. 1-мъ 3-мъ гор. училищемъ. Деньги получены—3 р. 60 к. Брошюра выс. только приславшимъ 3 р. 65 к. Квитанція высылается приславшимъ марки для пересылки заказ. письмомъ.

Оренбургъ. П—му. Догановичъ въ литературѣ только одна. И очерки въ „Руск. Мысли“ и „Наблюд.“ принадлежать наше сотрудницѣ.

Редакторъ Издатель А. В. Гругловъ.

Къ свѣдѣнію всѣхъ подпісчиковъ.

- 1) Контора редакціи не отвѣчасть за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій:
- 2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.
- 3) При заявлѣніи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №. Несообщашающіе № своего печатного адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.
- 4) При каждомъ заявлѣніи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 50 коп. почтовыми марками.
- 5) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже какъ за 7 дней до выхода ближайшей книги журнала, и тогда она будетъ направлена по новому адресу.
- 6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію или въ контору, благоволять прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ.

- 1) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Авторы, несогласные на это, благоволять оговорить свои требованія при посыпкѣ статей. Не обозначающимъ размѣра гонорара таковой назначается по усмотрѣнію редакціи.
- 2) На отвѣтъ прилагается почтовая марка. Рукописи обратно высылаются только заказной бандеролью, для чего должны быть присланы марки въ соотвѣтствующемъ количествѣ.
- 3) Рукописи сохраняются 6 мѣсяцевъ, послѣ чего уничтожаются. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 2-хъ до 3-хъ мѣсяцевъ. Нераазборчивыя рукописи НЕ ЧИТАЮТСЯ. ПРОСЯТЬ ПИСАТЬ НА ОДНОЙ СТОРОНѢ ЛИСТА.

ЖЕНСКІЕ СИЛУЕТЫ **Рассказы ЖИКОЛЯ МУЧЖИКЛ.**

Ц. 75.

Во всѣхъ кн. магазинахъ и у автора (Смоленскъ, Королевская ул. д. Чудовскаго).

ІІ-ї г. изданія.

ІІ-ї г. изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1908 ГОДЬ

—) Н А (—

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ, съ 48 безпл. приложеніями
— „ДНЕВНИЧКИ“—и 1-ї преміей-книгой беллетристического содержанія,
издаваемый **А. В. Кругловымъ**, при ближайшемъ участіи **А. Н. Догановичъ**.

Въ журналѣ сотрудничаютъ извѣстные писатели и ученые.

Программа журнала: романы, повѣсти, рассказы, этнографические, исторические и біографические очерки, драматич. произведенія, этюды и статьи по вопросамъ этики, религіи, литературы, сельского хозяйства, науки, искусства, критика и біблиографія, обзоры журналовъ, худож., музыкальн. и театральн. замѣтки, сатира, (юморъ текстъ, рисунки и карикатуры,)—и прч., смѣсь, выдержки изъ печати, письма изъ разныхъ мѣсть, отвѣты на запросы читателей. Въ каждой книжкѣ „БЕСЪДА“ по текущимъ и „вѣчнымъ“ вопросамъ (этики, жизнь, литература, политика). Помимо постоянныхъ иллюстрацій въ текстѣ, по мѣрѣ надобности, къ книжкамъ журнала будуть прилагаться картины и портреты на отдѣльныхъ листахъ на толстой мѣловой бумагѣ, изъ которыхъ можно потомъ составить интересный кипсекъ на столѣ.

ВСѢ ГОДОВЫЕ подпісчики (хотя бы и подп. въ разсрочку) получать:

12 №№ ежемѣс. иллюстр. журнала.

48 №№ „ДНЕВНИЧКОВЪ“ безплатн. прилож., изъ которыхъ:

12 подъ назв. „ЗАПРОСЫ ДУХА“, посв. религіозно-церковно-этической области (Истина и заблужденія духа въ поискахъ ея: статьи о церк. строѣ, о бытѣ дух., замѣтки, хроника, біблиографія).

12 подъ назв. „СЕМЬЯ и ШКОЛА“, посв. вопросамъ образования, воспит. школьн. хрон., сельск. хоз., вообще общиху, гигиенѣ, медицинѣ, дѣтск. и женск. вопрос. Изрѣдка разск. для дѣтей. Полезн. совѣты для дома, здоровыхъ развлеченія. Въ помошь воспит. и родит. указанія при выборѣ книгъ.

12 подъ назв. „РОДНАЯ СТАРИНА“, посв. прошлому Россіи. (Статьи, замѣтки, рассказы, біблиографія, жизнеоп. и пр.)

12 подъ назв. „ВОЕННЫЕ ОТГОЛОСКИ“, посв. вопросамъ военнаго строя и быта. (Статьи, очерки, замѣтки, хроника и біблиogr.).

1 Премія-книга беллетристического содержанія.

Всѣ подпісчики, добав. къ подп. 5 к., получ. брошюру „Въ чёмъ счастье“.

Книжки „Дневника Писателя“ размѣромъ отъ 3 до 7 печ. лист. выходятъ въ 20-хъ числахъ к. м., причемъ май—июнь и юль—авг. двойными книжками.

Подпісная цѣна:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ: СЪ ДОСТ. въ МОСКВЪ и пер. по ИМПЕРИИ:

Годъ	3 р. 20 к.	3 р. 60 к.	за границу только
½ года	1 " 80 "	2 " — "	на годъ 6 руб.
3 мѣс.	не прин.	1 " 25 "	

Для полков. и ротн. бібліотекъ и для всѣхъ казен. общесв. учрежденій, для лицъ подп. за поруч. гг. казначеевъ разср. по соглашенію съ редакціей, причемъ: на 10 оплачен. экз. 1 экз. бесплатный. Кн. маг. и конторамъ приним. подпіску 20 к. уступки съ экз. при условіи годов. подп. и внесенія подп. цѣны полностью. За 1907 г. полный комплектъ „Дн. Пис.“ высылается за 2 р. 50 к., но безъ преміи. Съ преміей 3 р. Въ редакціи, т. е. безъ пер., 2 р. безъ преміи и 2 р 50 к. съ преміей. За перем. адреса 50 к.

АДРЕСЪ. Москва, Тверская, д. графини Олсуфьевой, контора журнала „Дневникъ Писателя“. (Редакція тамъ же.). Телефонъ № 83-00.

Редакторъ-Издатель. **А. В. Кругловъ**.